

*Сергей
Тютюнник*

*Обломок
Вавилонской
башни*

*Книга издана при поддержке
благотворительной организации
Институт «Открытое общество»
(Фонд Сороса)— Россия
в рамках программы
«Горячие точки»*

*Сергей
Тютюнник*

*Обломок
Вавилонской
башни*

ПРОЗА
И ПУБЛИЦИСТИКА

«ТЕКСТ»
ЖУРНАЛ «ДРУЖБА НАРОДОВ»
МОСКВА 2000

ББК 66.3 (2Рос)31
Т98

Художник Татьяна Иващенко

*В оформлении серии
использован фрагмент картины
Эдварда Мунка «Крик»*

ISBN 5-7516-0223-4

© «Текст», 2000

© Журнал «Дружба народов», 2000

КРОВАВЫЕ УЗЛЫ

Кажется, что все это происходит не теперь, а... сто сорок лет назад. Россия только что получила от цивилизованной Европы увесистую оплеуху в виде Крымской кампании; теперь идет разборка: кто виноват. И солдаты вроде бы герои, и генералы патриоты, и царь был крутой. Виноватых нет. Впереди, однако, реванш: Восточный вопрос перенесут из-под Севастополя под Плевну и врежут туркам. Но опять — поползут за армией слухи: о воровстве интендантов, о тупости военачальников, о гнилости системы, которая валится, валится, все никак не развалится.

Слово «война» как-то даже не приклеить к тому, что происходит. Стоят генералы на КП, матерятся в рацию; поливаемые матом передовые отряды штурмуют село... Но это не война, это — наведение конституционного порядка. Тележурналист хвастается разрешающей силой своей японской камеры; майор-танкист просит взглянуть... «Нам бы такую аппаратуру на танки... (Приникает к окулярам)... Накрыли!» Но и это не война — это репортаж из горячей точки. Местный житель оставляет ключ в двери — чтобы дверь не выломали; дверь высаживают вместе с рамой, — потому что с той стороны двери может быть пластиковая мина, и поворот ключа замкнет цепь... Но и это не война — это зачистка.

Летают вертушки, рвутся бомбы, артиллерия сносит города. Но главное, принципиальное убийство производится — спицей. Обыкновенной велосипедной спицей, которую затачивают старательные детские руки.

В начале дела российского офицера достают этой спицей ингушские подростки, но не успевают добить. В конце его добивают

осетины — такой же спицей. Ингуши хотят его угробить за то, что он наполовину русский, осетины — за то, что он наполовину грузин. Меж осетинами и ингушами счеты, русских они бьют заодно... Это уже, видно, такая национальная черта у них, — предполагает не добитый ими старлей и слышит в ответ: «Гарик! Какая еще национальная черта! Не говори об этом... У тебя отец грузин, мать русская, жена армянка...»

О национальных чертах *тоже лучше не говорить вслух, как и о войне.*

Нельзя говорить о *депортации*. Нельзя спросить: «Я их, что ли, выселял полвека назад?» Потому что на это уже некому ответить. Те, которые выселяли и которых выселяли, если еще и живы, то давно ничего не решают. А решают — внуки тех и этих. Решают — «недовольные женщины», которых военные вынуждают увести с аэродромного поля «недовольных коров». Решают — пацаны разных возрастов, от тех, что держатся за юбки рязъяренных матерей, но еще не могут бросить камень, до тех, что лежат в засаде с заточенными спицами.

«Дети не виноваты!» — кричат матери.

Слезинка ребенка, завещанная русским классиком, повисает в воздухе. Никто не решается сказать, где кончается немотивированная ярость всех против всех и начинается терроризм, мотивированный доморощенной национальной идеей или сурами Корана, завезенного из Иордании.

Все ждут, что же сделает Москва, а Москва — «жует сопли». Потому что в стране «бардак». Потому что вместо обещанного многонационального братства мы имеем «многонациональный хаос». И прежде чем Москва перестанет «жевать сопли» и начнет раздавать имперские затрещины, в головах миллионов людей извилины должны повернуться от убеждения, что все заслуживают счастья, к признанию того, что все равно никто не будет доволен.

«— ...А вам кто облицовку отрихтовал? — спрашивает прапорщик, рассматривая побитое лицо офицера.

Тот отвечает, не задумываясь:

— «Враги народа»...»

Если же задуматься, то в этом ответе, который сегодня может показаться издевательским, куда больше психологической правды, чем в любых конкретных определениях. «Враги народа» — это когда непонятно, кто это. Когда сначала всех жалко, а потом всех за решетку. Когда виноватых нет, и приходится признать, что такова... «природа». Ну а если «природа», то есть стихия, то есть врожденная

и неистребимая общечеловеческая агрессивность, то надо привыкнуть к бесконечной борьбе всех против всех и принять как норму тот самый хаос, который... который принять и стерпеть невозможно.

А если это не хаос и не стихия и все делается по четкому общему плану, то что это?

А «хрен его знает».

Если ситуацию, при которой русские солдаты пластаются между ингушами и осетинами (можно подставить другие пары, но сейчас не будем терять нить), если психологически перенести этот «хаос» в опытное поле нормального беллетристического сюжета, то надо представить себе, как разрывается наш старлей... нет, уже капитан... между двумя женщинами. Одна — «учительница», другая «медсестра»... Жена и любовница... Первая не очень любима, но не отпускает, вторая любима по-настоящему, но не подпускает. Чтобы уравнять шансы и представить ситуацию окончательно неразрешимой, судьба еще и делает любовницу калекой, причем по вине влюбленного в нее героя (в сплошь заминированной Чечне это запросто: хотел сфотографировать, поставил на фоне развалин, попросил отойти на шаг, а там мина — взрыв — ноги нет). Теперь герой по логике долга обязан остаться с искалеченной медсестрой, а уж она теперь из гордости его ни за что не примет. А жена примет, хотя он к жене не хочет... Тогда любовница кончает с собой, и наш старлей... то есть капитан... который уже никогда не станет майором... принимает сей жребий.

Кажется, что эта «Забывтая мелодия для смерти» (то есть реквием) найдена среди безумия и специально выверена сюжетно, чтобы испытать наши души... но скорее тут обратная логика, и душа, не знающая, что делать, ловит в реальности именно такой сюжет, в котором можно было бы плыть по течению, честно сказав: «У меня такая каша в голове, что я не знаю, как меня зовут»...

Так вот, возвращаясь к Москве, которая «жует соплю». Она будет это делать до тех пор, пока не вспомнит, как кого зовут, пока миллионы людей не захотят преодолеть манную кашу в чувствах и кавардак в мыслях.

А каша не случайна. Она от того, что вместо мировой справедливости, до которой было — рукой подать, мы имеем теперь агрессивную «стихию», справиться с которой можно лишь безжалостным подавлением. Вместо светлого будущего, для которого ничего не жалко, — развал, который происходит либо непонятно от чего, либо от чьей-то подлости, а от чьей — не узнать. Вместо вечного мира,

который ожидался после двух смертельно опасных для человечества мясорубок, мы имеем... вечную войну.

«Война», — признается потрясенное сознание, выговорив наконец в последней строчке своей исповеди это цепенящее слово.

Теперь с этого слова начинается всякое размышление о том, «что это» и кто в «этом» виноват.

Война и водка. Война и наемники. Война и награды. Война и трофеи. Война и плен...

Почему пьют? Почему трусят? Почему грабят, воруют, лгут? Почему сдаются в плен? (Последнее рассуждение как-то особенно вызывающе болезненно: Россия славится тем, что больше всех теряла в войнах пленными; стало быть, чужое рабство лучше своего; «состояние неволи для россиян есть, к сожалению, норма».)

Размах обобщений — на всю историю. То ли эпоха ермоловская, то ли скобелевская, то ли власовская, то ли все вместе; пронзительность саморазъедающего анализа — то ли от автора «Бесов», то ли от автора «Набега»; безжалостность диагнозов напоминает статьи публицистов «потрясательного» направления в каком-нибудь либеральном органе печати послекрымского 1860 года.

Между тем автор, на тексты которого я опираюсь, рождается как раз век спустя: в 1960 году. Еще два десятка лет ему предоставлено — верить во всемирное счастье и в то, что войну можно изжить. Потом судьба бросает его в Афганистан, в Абхазию, в Осетию и Ингушетию, Чечню и Дагестан и опять в Чечню.

Из этих переделок он выходит с солдатской медалью «За отвагу», с офицерским орденом Мужества, с двумя звездами при двух просветах на погонах, с одним ранением и с рукописями повестей, рассказов и очерков, которые делают его западноукраинскую фамилию литературным именем, и Сергей Тютюнник становится одним из тех русских писателей, которые не хотят мириться с кашей в голове, бардаком в стране и хаосом в армии, а прямо исходя из своей «природы» (профессиональной, душевной, духовной), стараются распутать кровавые узлы.

Л.АННИНСКИЙ

**ОБЛОМОК
ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ**
Повесть

Просьба к «лицам кавказских национальностей» не убивать автора: он пишет как умеет, не согласен с мнением многих персонажей и имеет право на художественный вымысел.

I

На шестнадцатилетнюю дочь полковника Иллариона Чихории наваливается любовь. С первого сентября в ее классе появляется «новенький». Это высокий смуглый юноша с сильным телом. Он жил в Южной Осетии, успел повоевать с грузинами за независимость своего края, но обрел лишь судьбу беженца и независимый, гордый взгляд на сверстников. Он смотрит на них холодными глазами из-под густых ресниц и приподнимает тонкую бровь. В эти глаза и высокую бровь влюбляется большинство девочек класса. Мальчишки ходят за «новеньким», как жеребята за маткой, пытаясь вкусить молока мужества и боевого опыта.

Шестнадцатилетняя Светлана Чихория часами вертится перед зеркалом и вздыхает о тенистых ресницах юноши-осетина, прячущих холодный огонь глаз. Критически оценив свою внешность, Светлана огорчается и запирается в своей комнате читать книжку про любовь.

Ее отец — полковник Илларион Чихория — лежит в постели на животе и кричит от боли. От осенней сырости у него распался радикулит. Жена Иллариона Чихории, потускневшая русская женщина, втирает мужу в поясницу лечебную мазь. Старший сын — Георгий Чихория — сидит посреди комнаты и рассказывает родителям о своей поездке в Дагестан.

Из роты, где Георгий служит командиром первого взвода, дезертировал солдат. Офицеры вычислили, что тот удрал домой, под Махачкалу. За беглецом послали старшего лейтенанта Чихорию. Георгий поехал в Дагестан за свой счет, в «гражданке», старательно скрывая в дороге свою принадлежность к армии,

потому что добираться из Владикавказа до Махачкалы пришлось через взбунтовавшуюся Чечню и раскаленный страстями междоусобного 92-го года Грозный. Солдата в часть он вернул, но денег от начальника финансовой службы полка не получил. И зарплату, и командировочные начфин пообещал не раньше чем через месяц. Дома Чихорию-младшего ждут жена-армянка и двухлетняя дочь. Им почти нечего есть. Семья дезертира нагрузила сына и его командира в дорогу продуктами, но Георгий постеснялся брать домой что-либо съестное, пользовался гостинцами только в пути.

После командировки старшему лейтенанту Чихории дали день отдыха, и вот он у родителей, в старой трехкомнатной квартире посреди Владикавказа, продрогшего от ранних холодов осени. Георгий рассказывает о своих делах скупко, подбирая слова, стараясь не расстроить мать. Мать вздыхает, все-таки расстраивается и, шаркая тапочками на сухоньких ногах, идет на кухню разогревать в духовке крупный речной песок из буйного Терека. Раскаленный песок она сыплет в холщовый мешочек и прикладывает к мужниной болячке. Грузное тело полковника Иллариона Чихории вздрагивает от ожога, он черным огненным глазом стреляет в супругу:

— Надя, астарожнэ — пичот!

— Ларик, потерпи, иначе месяц проваляешься тут! Неужели нравится ходить на четвереньках?

Иллариону Чихории не нравится ходить на четвереньках и не нравится болеть. Он чувствует себя в полной зависимости от своей обычно послушной, воспитанной в кавказских традициях жены. Жена начинает командовать им, муж-грузин начинает страдать.

Но это полбеда. К страданиям морально-физическим добавились еще и морально-политические. По высочайшему приказу военное училище, где он преподает тактику и где учился его сын, — закрывают и расформируют.

— Такая учебно-материальная база! — с неистребимым кавказским акцентом говорит Чихория-старший. — Единственное у нас училище, где более-менее прилично готовили пэхотных офицеров к действиям в горах! И все это — под нож! О чем они там, в Москве, думают? Развэ так можно? Что — войн в горах больше никогда не будет?! Этот Кавказ — как пороховая бочка. Тут больше сотни народов и национальностей.

Чихория-младший слушает молча, вздыхает и выходит на

лестницу покурить. Ему обидно за училище, за армию и за страну, но не так, как отцу. Георгий надел погоны в смутное перестроечное время и более привычен к военной неразберихе и головотяпству последних лет. Чихория-старший со своими устоявшимися житейскими принципами болезненно воспринимает новости. Он впервые не знает, как прокормить семью: училищу, как и мотострелковому полку, где служит сын, уже третий месяц не дают денежного довольствия.

— Генэрал Соколов из своего кабинета почти не выходит, на утреннем разводе боится офицерам в глаза смотреть, — Илларион Чихория качает крупной головой, когда-то укрытой жесткими черными кудрями, а теперь серой от седины. — Вот нэвезучий генэрал! Командовал дывизией в Грозном — начался в прошлом году этот чеченский мятеж. Дудаев неизвестно откуда появился и неизвестно что затеял. В другие врэмена только дай приказ — разнесли бы к чертовой матери этот Грозный вместе с бандитами. А так — целую дывизию растащили, фактически — разгромили... Сколько оружия там оставили — ужас!

Жена Иллариона, шаркая тапочками, уходит на кухню готовить чай. Ей страшно слышать разговоры про оружие и мятеж. Женское сердце чует войну.

— И что, разве Соколов в этом виноват?! Москва сопли жевала. И силу не разрешила применить, и с Дудаевым не договорилась. Что это за дывизия, которой не дают даже себя защитить?! — продолжает Чихория-старший, глядя в стену перед собой и морщась от жгучего песка на пояснице. — Только назначили Соколова начальником училища — опять бэда!.. Я сокращения не боюсь: пенсию, слава Богу, заслужил. Но ведь жалко, обидно — такое училище, такой преподаватэльский состав разогнать — разве это нэ вредительство?! Эх, нэту Сталина! Иосиф Виссарионович быстро бы порядок навел.

Чихория-старший кричит и утыкается взглядом в картину на стене — подарок сослуживцев к юбилею их свадьбы с Надей: святой Георгий в серебряном кафтане на белом коне летит над кавказскими холмами и пронзает серую мглу горящими очами.

Сын слушает отца, молчит и думает о генерале Соколове, придавленном обломками страны. «В другие времена Соколов, наверное, застрелился бы», — предполагает он.

За окном темнеет. В комнате включают свет. Чихории-младшему пора возвращаться к жене и дочери. Он накормлен, мать дает ему немного денег, жареных котлет и пару банок с консер-

вированными помидорами и огурцами. Из комнаты выходит проститься с братом сестренка, влюбленная в одноклассника. У нее в серых (от матери) глазах — девичий густой туман. Ее мало волнуют безденежье в семье, смута в стране и растерянность в армии.

II

На улице моросит дождь. Георгий Чихория направляется домой. На маршрутном автобусе он доезжает до окраины Владикавказа и шагает к военному городку, где живет и служит. Идти ему километра два. Справа и слева от дороги — пустырь, поросший кустарником. Этот отрезок пути офицеры называют «мертвой зоной», потому что здесь уже не ходит городской транспорт. Считается, что военный городок — это автономный поселок, а совсем не Владикавказ. Георгий шагает по растерзанному шоссе. Под его ногами шуршит выбитый из асфальта щебень. В правой руке Чихория несет матерчатую сумку с провизией.

Он идет из Владикавказа, как Наполеон из Москвы. За его спиной занимается пожар междоусобной войны. Чихория этого не знает. Георгий прокручивает в памяти разговор с отцом, думает о деньгах и представляет, как жена Майя сейчас нажарит картошки и они, несмотря на все сложности бытия, бодро съедят ее с котлетами и солеными помидорами. Холодный октябрьский ветер треплет полу его офицерской шинели. Над головой Георгия, в чернильной вышине, ползут грязные матрасы облаков. Они закрывают луну и звезды. Моросит дождь.

Чихория из-за темноты и увлеченности своими мыслями не видит притаившихся в придорожном кустарнике молодых людей. Им от пятнадцати до восемнадцати лет. Их шестеро. Они из соседнего поселка, населенного преимущественно ингушами. Все следят за Георгием и даже во тьме узнают в нем офицера. У Чихории резкая отмашка левой рукой и четкий строевой шаг. Щебень ритмично шуршит под его ногами.

Шестеро юнцов вырываются из укрытия и атакуют ночного пешехода. Они набрасываются на него молча, как голодные волки в зимней степи. Чихория, услышав топот дюжины молодых ног, едва успевает обернуться и поставить на обочину авоську с продуктами, чтобы отбить первый удар. Но ударов много. Георгий поначалу не чувствует боли, отмахивается руками и ногами. Жесткая шинель, как железная труба, сковывает его движения. Чихорию окружают, бьют сзади. У Георгия вспыхивают перед

глазами звезды. Он падает. Его месят ногами и топчут. Тело его безжизненно вздрагивает от ударов.

— Шякал! — устало и зло говорит кто-то из юнцов и сплевывает на поверженного в грязь офицера густым кровавым плевком.

Вслед за ним, по очереди, сплевывают на Чихорию все нападавшие, затем подходят к авоське, пинают ее ногами, слышат звон, достают банки и бьют их об асфальт. Завершив свою трудную работу, юные победители растворяются в темноте.

Чихория долго лежит без сознания. Потом выныривает из обморока. Прислушивается к голосам своего измочаленного тела. Это гул гибнущего Вавилона. «Подъем!» — лениво командует себе Георгий и начинает медленно, по частям сгруппировывать свой рассыпанный организм, словно детский конструктор. Встает, пошатываясь. Ищет сбитую в бою фуражку. Натывается на хрустящие осколки стекла и раздавленные молодыми копытами котлеты. Скрипит зубами. Кровь начинает бурлить в его помятом теле. Взгляд мутнеет от наплывших слез. Находит фуражку, липкую от грязи. Оглядывается вокруг, пытается определить — где находится и куда идти дальше, — и медленно, с клопочущим сердцем под заплыванной шинелью хромает к военному городку, который тускло светится впереди. Внутри Георгия разливается желчь мести.

Чихория бредет в медицинский батальон. Солдат на контрольно-пропускном пункте долгим взглядом провожает измазанного грязью и кровью офицера, не спросив документы и цель прибытия. Дежурная молоденькая медсестра вскакивает из-за стола:

— Божечки, что с вами?! Подождите минуточку, я сейчас врача позову, — и вылетает в коридор.

Георгий стоит посреди кабинета, стараясь расстегнуть пуговицы шинели непослушными разбитыми руками. Они трясутся, искромсанная кожа воспаляется. У Чихории горит лицо, огонь злобы бушует в голове, обида сдавливает горло. Он ищет зеркало и находит его за спиной возле двери.

Свое отражение не кажется ему таким жутким, как он предполагал после удивленных взглядов солдата КПП и дежурной медсестры. Конечно, шинель и фуражка безнадежно грязные. Ссадины на щеках и скулах, засохшая кровь под носом, опухшая верхняя губа... Завтра все это будет выглядеть страшнее.

Георгий обнажает зубы. Зубы, красивые и белые, пока не

выдают привычку хозяина к курению. Чихория без страха открывает ими бутылки. Но внутренняя часть одного коренного зуба откололась от удара, и язык теперь цепляется за острый край скола.

Тонкий, с горбинкой, унаследованный от отца грузинский нос чуть сдвинут со своей оси. Георгий ощупывает двумя пальцами хрящи. Похрустывает. Ясно — сломали. Но в общем лицо не изуродовано. Все раны в конце концов сойдут. А что нос кривой — так с лица воду не пить. И без кривизны нос выдавал национальное происхождение своего хозяина. «Чего стыдиться? — думает Чихория. — Кривой нос, как и шрамы, украшает мужчину»...

— Ну, где тут раненый? — с шумом распахнув дверь, в приемный покой врывается дежурный врач в белом халате, за ним — медсестра.

Георгий оборачивается. Коренастый, с широкими азиатскими скулами и сросшимися бровями, врач оглядывает Чихорию с головы до ног.

— Что случилось? — он держит руки в карманах халата.

— Из города возвращался. Пацаны лет семнадцати, с ингушского поселка, толпой налетели. Недалеко отсюда — в «мертвой зоне».

— Просто так, ни за что?

— Просто так.

— Вот сволочи. Пора этих ингушских сопляков стрелять. Как считаешь?..

Георгий молчит. Злоба и обида есть, но стрелять Чихории не хочется. Эти пацаны одинаковы и у ингушей, и у осетин, и у русских, думает он.

— Раздевайся и в процедурную! — приказывает врач и поворачивается к сестре: — Помоги ему.

Георгий снимает шинель. Левой рукой двигать больно, в боку что-то колет, он осторожничает.

— У вас туг кровь и проволока торчит какая-то, — девушка трогает пальцами продырявленную ткань. — Раздевайтесь полностью до пояса...

— Заостренная велосипедная спица, — врач говорит резко и громко. — Видно, воткнули сзади, прокололи шинель и китель, мышцу спины пробили, а затем вытащить не смогли и сломали. Или ты сам крутанулся в момент удара и сломал. Может быть заражение, — кисти у врача волосатые, пальцы короткие и сильные.

По коже Георгия бегут мурашки. Сидеть голому до пояса в процедурной холодно. Октябрь заканчивается, но отопительный сезон еще не начался.

— Могут убить, сволочи. Я этих ингушат знаю еще по Казахстану, — декламирует врач. — Такой спицей человека запросто насквозь можно прошить. Моя бы воля, ввел бы вооруженное патрулирование и разрешил бы расстреливать на месте таких гадов. Как считаешь?

Георгий молчит, шупая языком острый край разбитого зуба. Он думает подговорить офицеров и устроить засаду на обидчиков. Лучше брать их «на живца»: кто-то один гуляет в «мертвой зоне» и вызывает огонь на себя. А затем, когда нарисуются ингушские дьяволята, появится и «летучий офицерский отряд». Дело верное.

— Ты уже четвертый за эту неделю, — продолжает врач. — Налетают толпой и бьют просто так: то ли для забавы, то ли чтоб унижить офицера. При этом ничего не забирают — ни денег, ни документов. Может, оружие хотят заполучить?.. У тебя все в целости? Проверял?

— Проверял. — Георгий поеживается. — Ничего не взяли. Жалко только сумку с продуктами. Родители кое-какую провизию передали. А то жить не на что. Не платят третий месяц.

— Никому не платят. Сам лапу сосу второй месяц. Пора забастовку устраивать. Как считаешь? — спрашивает, не требуя ответа, решительный врач.

Георгий молчит.

— Сейчас потерпи, я дренаж раны сделаю. Будет больно, — командует медик.

Георгий сжимает зубы, глубоко втягивает в себя воздух, прохладный и густой от запаха медикаментов, и невольно вздрагивает от боли, будто в него втыкают раскаленный штырь...

— Ну, все. Свободен, — врач выбрасывает в мусорное ведро использованный тампон. — Сейчас зайди к Вале, к дежурной, она запишет все, что нужно.

— Я вам шинель немножко почистила, — говорит медсестра.

Георгий благодарит и одевается, медленно и осторожно из-за боли в боку. Медсестра аккуратным детским почерком записывает в журнал его данные, вычитывая их из удостоверения личности, и повторяет вслух, чтоб Георгий поправил, если будет неточность.

— Так... Поступил 30 октября 1992 года, в 23.00... Старший лейтенант Чихория Георгий Илларионович, 1968 года рожде-

ния, командир взвода войсковой части... — и начинает листать удостоверение в поисках номера.

Георгий называет пять цифр, подходит к зеркалу и оценивающе оглядывает себя — стройного чернобрового офицера с измазанным йодом побитым лицом. «Ну, вот, — думает, — теперь можно и домой идти. Не так сильно Майя с дочкой перепугаются. А то ввалился бы в квартиру окровавленный...»

— Сестра, а вы мне какую-нибудь бумагу дадите, чтоб освобождение от службы хоть ненадолго. А то мне завтра на «подъем» к шести утра... Ну и чтоб не подумали, будто у меня «асфальтная болезнь» или по пьяному делу в драку ввязался. Рожа-то вся расписана.

— Какую-нибудь бумажку? — задумывается девушка.

— Вы же знаете, как у нас бывает. Без бумажки — ты букашка, а с бумажкой — человек.

— Ну, сейчас с дежурным врачом что-нибудь придумаем. Хотя все равно ваше командование узнает. Мы о таких случаях сразу докладываем. Так что сильно не переживайте.

— Ладно, тогда спасибо! Спокойного дежурства!

— И вам дай Бог здоровья! Больше не ввязывайтесь никуда. Сразу убегайте. А то стыдитесь в форме при офицерских погонях убежать, вот и получаете.

Георгий молчит, хотя собирался что-то ответить, и выходит на улицу, где на КПП дежурный солдат чихает от простуды, звякая штык-ножом.

Чихория идет к своему ротному командиру — старшему лейтенанту Иванченко, чтобы доложить о происшествии и отпроситься со службы на несколько дней — раны зализать. Вечно взлохмаченный Сашка Иванченко с сигаретой в зубах слушает рассказ Георгия на лестничной площадке, морщится, глядя на лицо своего взводного, и кивает головой. Русые волосы его торчат в разные стороны.

— Нужно пручить этих сук, — цедит он слова вместе с сигаретным дымом. — Может быть, и на «живца» стоит попробовать...

Чихория бредет домой, размышляя, стал бы он стрелять в этих сопливых ингушей, если бы они попались ему на прицел, или нет. Вряд ли, думает Георгий, но носы начистил бы. Злоба еще не испарилась из его побитого тела.

Майя, открыв дверь и увидев кривой нос и побуревшие раны на лице мужа, закрывает ладонью рот, чтоб не вырвался крик.

III

Под утро, в темноте, Георгий просыпается от странных звуков — сухого потрескивания, словно где-то далеко стреляют. Прислушивается, но в роту к «подъему» не идет. Лежит в постели с открытыми глазами и вспоминает вчерашнюю драку. Сердце его вздувается от пробуждающейся злости.

— Шакалы! — вырывается у него шепотом.

— Что? — вскидывает заспанное бледное лицо Майя.

— Спи! Это я так, про себя.

Ворочаются оба и затихают. В углу на своей кровати сопит двухлетняя Тамара. Из-под одеяла торчит ее розовая ладошка...

Доспать семейству Чихория не дает перепуганный посыльный.

— Вас вызывают, товарищ старший лейтенант!

— Я же вчера предупредил ротного?! — возмущенно удивляется Георгий.

— Там «тревога», весь полк «на ушах», в городе и поселках стреляют, — задыхается от волнения и бега солдат и вытирает со лба пот.

Чихория идет одеваться и про себя ругается...

На общеполковой развод он опаздывает. Втихаря пробирается к строю своей роты и втирается на место рядом с ротным — старшим лейтенантом Иванченко.

— Что случилось? — шепчет Чихория.

Сашка поворачивает к Георгию широко распахнутые глаза.

— Слушай! — и кивает взлохмаченной головой, прикрытой линиялой офицерской фуражкой, в сторону командира полка, стоящего посреди плаца. За спиной командира шеренга его заместителей и начальник штаба. Среди них — подполковник Чахкиев — ингуш — заместитель комполка по тылу.

Над военным городком ползут сердитые тучи, грозясь дождем.

— ...Ингушские экстремисты в течение ночи и сегодняшнего утра под лозунгом борьбы за создание Ингушской республики предприняли попытку вооруженного захвата Владикавказа и некоторых сел и поселков республики. Есть человеческие жертвы. — Командир делает паузу, и суховатое потрескивание отдаленных выстрелов становится слышнее. — Местные органы внутренних дел пытаются контролировать ситуацию. На окраинах Владикавказа и во многих населенных пунктах Пригородного района идут бои с ингушскими боевиками...

Голос у командира глухой, но полк стоит, не шелохнувшись, и каждое слово прочно оседает в молодых похолодевших головах. Все смотрят на мертвенно-бледного Чахкиева, уважаемого за порядочность и деловитость.

— Руководство Северной Осетии обратилось за помощью к правительству России и к Министерству обороны. Нами получен приказ: немедленно взять под охрану важные народнохозяйственные и административные объекты города и республики...

Снова пауза. Командир опускает голову, делает три шага вдоль строя и возвращается на прежнюю точку, вместе со всеми слышая эхо далекой автоматной очереди.

— ...Я получил указание командира дивизии усилить караулы и выставить охрану у жилого городка для защиты семей военнослужащих — ваших жен и детей, товарищи офицеры.

Чихория смотрит на Иванченко. У того играют желваки и пульсирует висок.

— ...Всех отозвать из отпусков и увольнений! В город никому не выезжать, включая членов семей! Каждому подразделению будет поставлена боевая задача по охране и обороне народнохозяйственных или военных объектов...

Опять пауза. Холодный ветер треплет полу шинели командира полка. Заместитель по тылу Чахкиев стоит за его спиной, опустив голову.

— ...Разрешено применять оружие на поражение. Но... подчеркиваю: только в случае непосредственной опасности для жизни личного состава либо угрозы захвата или разрушения вверенного для охраны объекта. Желательно, конечно, избегать излишнего кровопролития...

Чихория сжимает кулаки, сердце его под жесткой шинелью распухает и уже не помещается в груди. Комполка продолжает свою речь глухим голосом, перебивая отдаленную пальбу.

— ...По приказу командира дивизии тем подразделениям, которые будут охранять отдаленные от полка объекты, придутся военные врачи из медицинского батальона. Командирам всех степеней обеспечить личный состав, убывающий на эти объекты, сухим пайком на трое суток, максимумом боеприпасов и средствами связи...

На крышу казармы падает шальная заблудившаяся пуля. Трескается лист шифера. Командир полка удивленно смотрит в раздущшееся от воды небо. Нет, это еще не дождь и не град, понимает он.

— Разойдись! — кричит. — Комбатам и командирам отдельных рот зайти в штаб полка!

— Это война, Саня, — тихо говорит Иванченке Георгий.

— Хрен его знает, — поворачивает ротный остекленевшие глаза.

— Саня, Дудаев поддержит ингушей, — Чихория хватает своего командира за рукав. — Тут будет полная жопа огурцов!

— Жора, — Иванченко вздыхает, — я думаю, кому-то нужно, чтоб в драку ввязался Дудаев и появился повод для похода на Грозный.

Чихория цепенеет. Ротный выступает перед топчущимися в нерешительности солдатами и командует идти в казарму. Георгий на ходу достает из кармана сигареты. Никто не обращает внимания на его побитое лицо. Смотрят на крышу казармы, куда упала шальная уставшая пуля.

IV

Толстомордый «Урал» с высокими бортами без тента ползет по разбитой дороге и пугает от натуги. В кузове сидят шесть солдат в грязных ватных куртках. Среди них — Рамазанов, которого недавно после побега вернул в часть Чихория. Солдаты молчат, дрожа от приключения и воюя в душе со своим страхом. В кабине между водителем и Георгием сидит капитан Джаканов — медик, пользовавший Чихорию вчера вечером после драки. В узких азиатских глазах капитана бегают испуганные мышки зрачков.

— У вас что, даже бронетранспортеров нету? Как можно на грузовиках воевать? — перекрикивая рев «Урала», спрашивает медик.

— Нету, — отвечает Георгий. — У нас в дивизии почти все мотострелковые батальоны — на «Уралах». Есть, правда, некоторые подразделения на БМП и БТР, но в основном — грузовики.

— Кошмар какой-то! Как считаешь? Конец двадцатого века, а у нас — в одной из самых мощных армий мира — бронетехники нет. Хорошо хоть, что не на телегах едем, — капитан старается перевести эмоции страха в возмущение.

— Если и дальше так будут снабжать горючим, как сейчас, то скоро станем ездить и на телегах, — с кривой улыбкой говорит Чихория. — А ты не знал, что у нас по штату «Уралы»?

— Откуда? Я в медицинской академии изучал штатную струк-

туру полка только на базе боевых машин пехоты и бронетранспортеров. Никому и в голову не приходило, что где-то их нет, — перекрикивает гул мотора капитан.

— А здесь давно служишь? — втягивается в разговор Чихория.

— Сколько б ни служил, что я знаю в своем медбате, кроме побитых морд, грибка на ногах и вывихнутых конечностей? Иногда, правда, аппендициты еще бывают... В любом случае, у больных не спрашиваю, на чем они на учения ездят — в телегах или на БМП.

— Что ж ты хочешь? Этот Северо-Кавказский военный округ лет пятьдесят называли санаторно-курортным. Так аббревиатуру расшифровывали — СКВО. Здесь самое старое вооружение было. Говорят, Т-34 только недавно заменили. Никто не думал, что округ может стать приграничным, а тем более воюющим.

Капитан испуганно глядит на Чихорию:

— Ты думаешь, он уже воюющий? Так считаешь?

— А ты решил, что воевать можно только с каким-нибудь иностранным супостатом типа американцев, немцев или турок и обязательно ядерными ракетами?

Капитан нервно закуривает и поглядывает на водителя, который не может сдержать улыбки, слушая разговор офицеров.

— Ты быстрее не можешь ехать? — злится на солдата Джаканов. — Ползешь как черепаха!

Чихория улыбается и поворачивается к боковому окну. Машина едет мимо притихших дачных поселков. Холодный ветер качает голые ветки спящих деревьев и тряпки на гнилых оградах.

— Вон она, подстанция, — говорит медик, вглядываясь вперед. — А если ее уже заняли боевики? Как считаешь?

Чихория внутренне напрягается.

— Отбивать будем, — говорит резко, замораживая капитана холодом грядущего...

Четыре работника подстанции с охотничьими ружьями выходят на дорогу. К капитану обращается седовласый:

— Спасибо, что приехали. Давно вас ждем! Утром здесь была машина без номеров, «жигуленок». Мы ее отогнали...

Медик кивает на Чихорию:

— Он старший группы. Я всего лишь врач.

Седовласый с удивлением разглядывает молодого офицера с побитым лицом и наполняется недоверием.

— Несмотря на низшее звание, командую тут я, — говорит Георгий и трогает пальцами сдвинутый с места нос.

— Не обижайтесь, — продолжает седой, — но к вечеру домой пойдем. У нас семья. Завтра кто-нибудь из наших обязательно будет. В каптерке кое-какие продукты, поешьте, если проголодаетесь...

Чихория обходит огороженную сеткой-рабицей подстанцию. С одной стороны к ней прилепилась незаконченная пристройка на два этажа с еще не вставленными окнами и дверями.

— Тут и будем располагаться, — показывает рукой Георгий на пристройку. — Она повыше старого здания, и стекол нет.

Джаканов напряженно следит за Чихорией, нервно курит и все время поправляет тяжелую сумку с медицинским реквизитом, перекинутую через плечо.

Георгий строит солдат и внимательно смотрит всем в глаза. У дезертира Рамазанова затравленный взгляд. Остальные тоже боются, но хорохорятся.

— Трое — на крышу: пулеметчик, снайпер и ты, Козлов. Я, капитан и вы двое — на втором этаже. На виду не торчать, с оружием обращаться осторожно, а то друг друга с испугу перестреляете. Смотреть в оба: нападение может быть с любой стороны и в любую минуту. Водитель и Рамазанов — отдыхающая смена, находитесь в старом здании. Вопросы есть?

— Пожрать бы, — говорит плечистый сержант с пулеметом.

— Кушать по двое в подсобке старого здания. Там можно консервы разогреть и чай приготовить, да и вообще отогреться. Но на крыше чтобы как минимум два человека все время оставалось. А ты, — обращается к водителю, — машину загни в пределы ограды. Мало ли что...

Поднимаются по засыпанной строительным мусором лестнице на второй этаж пристройки, затем на крышу. Обзор отсюда хороший. Внизу расстилается огромный пустырь, поросший голым кустарником. Вдали сквозь жидкую поросль просвечивается дорога.

— Если будут атаковать, то оттуда, — Чихория показывает на дорогу и пустырь. — Со стороны города вряд ли пойдут...

Капитан-медик до конца не верит в серьезность происходящего и с тоской посматривает на Георгия.

— Вот тут тебе и представится возможность пострелять в ингушей, — с иронией говорит ему Чихория, помня о решительных речах Джаканова в медбате, когда тот обрабатывал ему раны после драки.

— Ты не смейся, — мнется капитан и опускает свои азиатс-

кие глаза. — Я в Казахстане вырос, в маленьком поселке. Рядом село было — жили ингуши и чеченцы. Высланные из этих краев. Так почти все угоны автомобилей и даже велосипедов — их рук дело. Драки на дискотеках затевали...

— Ну вот тут им и отомстишь за нанесенные тебе в молодости обиды, — вздыхает Чихория, закуривает и с крыши спускается на второй этаж.

— Радиостанцию здесь установи! — приказывает солдату. — Аккумуляторы в порядке? Проверял?

— Вроде пашут. Щас проверю.

— Странный ты человек, — качает головой врач и поправляет сумку на плече. — У самого нос под глазом, а говоришь так, будто сочувствуешь ингушам. Так считать?

— Да разве дело в ингушах? — Георгий наваливается грудью на подоконник, сплевывает с высоты второго этажа и следит за полетом плевка. — Все люди одинаковые. Есть плохие, есть хорошие. Я так думаю, вся эта каша заварилась, чтобы Дудаева выманить из берлоги и втянуть в войну. Так сказать, одним махом покончить со всей этой националистической смутой.

Это была мысль Иванченко. Но Чихория с ней согласился и усвоил.

— Что-то я сомневаюсь, — приваливается плечом к неоштукатуренной стене врач. — Кому сейчас серьезная война нужна? И так в стране бардак. А потом, разве можно здесь что-нибудь разобрать, в этом многонациональном хаосе? Как считаешь?

Георгий молчит, щупая языком разрушенный зуб.

— Знаешь легенду о Вавилонской башне? — спрашивает Джаканов. — Задумали люди когда-то построить башню, чтоб до небес была и до Бога доставала. Высокую построили. Но Бог рассердился, что люди с ним хотят уравниаться, и смешал их языки. Тогда строители перестали понимать друг друга, перессорились, начались междоусобицы. В общем, башня рухнула и раздавила многих строителей.

— Это ты на социализм намекаешь и «мудрую ленинскую национальную политику»? — поднимает побитое лицо Георгий.

— Ни на что я не намекаю. Просто говорю, что этот Кавказ как разваливающаяся Вавилонская башня. Все тут намешано — и народы, и языки, и вера, и экономические интересы. Никто тут не разберется так, чтоб все остались довольны. Только сила способна держать всех в узде. А силы у России пока нет. Или

уже нет. В свое время еще можно было что-то сделать, но момент упустили. Как считаешь?

— И теперь нас будут бить по морде, — иронично поддерживает его тон Георгий, — как вот меня, а мы будем кровавыми соплями утираться.

— Да я же тебе поэтому и говорил еще вчера, что такие выпады надо душить в зародыше. Не грех вначале двоих-троих расстрелять, чтобы потом две-три тысячи не умирали от национальной резни. Как считаешь?

— Ну вот тебе и карты в руки! — Чихория шупает свой грузинский нос. — Сейчас постреляешь и предотвратишь большую кавказскую войну.

— Надо будет — постреляю, — огрызается капитан и поправляет сумку с красным крестом.

— Ну а я пойду огневые позиции проверю и людей проинструктирую, пока ты будешь к стрельбе готовиться, — и Георгий показывает капитану спину с болтающимся на ней автоматом.

В углу солдат копошится возле радиостанции. Джаканов снимает с плеча сумку и ковыряется в ней, ничего не видя перед собой и не зная, что делать.

Начинается дождь. Противный осенний дождь.

— Товарищ старший лейтенант, промокнем же насквозь здесь, на крыше, — ноет плечистый сержант. — Может, мы спустимся на второй этаж, пересидим? А чуть что — мы как штык наверху.

— Ладно, — поеживается от холода Чихория и, еще раз оглянув местность, спускается вниз вместе с солдатами.

— Ну-ка, выйди на связь с «Сосной»! — говорит радисту. — Я начальству доложу, что мы к отражению «супостата» готовы.

Джаканов вздрагивает от слов Чихории и поворачивает степное свое лицо к оконному проему, где сетка дождя затемняет мир. Солдаты садятся у стен на корточки.

V

Сырая осенняя ночь наваливается на подстанцию и съедает паутинку проводов над пустырем.

— Курить только на втором этаже, где-нибудь в закутке! — инструктирует Чихория солдат. — На крыше и в окнах — чтоб ни одного огонька! А то нас тут в момент вычислят!

Все пялятся на влажный мрак и изредка переговариваются шепотом. Долго ничего не происходит, и тревога в душах убаю-

кивается. Далеко за пустырем дырявят темноту огоньки фар, доносится урчание двигателя, и снова тишина и ночная темень.

— И что, мы тут трое суток сидеть будем? Как считаешь? — не выдерживает скуки медик.

— Сколько надо, столько и будем сидеть, — вздыхает Чихория, прислушиваясь к вспыхнувшей где-то далеко перестрелке.

Он смотрит на светящиеся стрелки своих командирских часов и меняет караул. К старому зданию подстанции приходит Рамазанов с напарником, а двое солдат — автоматчик со второго этажа и Козлов с крыши — уходят в каптерку погреться и поспать.

— А мы с тобой спать вообще, что ли, не будем? — интересуется капитан.

— Я буду дежурить сколько смогу. А ты иди отдыхай, — говорит, зевая и пожевываясь, Чихория. — Когда станет неважно, я тебя разбужу. Сменишь меня. Кто-то из офицеров постоянно должен быть здесь.

Ветер шумит в мокром кустарнике. Слышны осторожные шаги медика на темной лестнице. И совсем пока не слышен полет пули из снайперской винтовки. Хлопок выстрела ударяет в уши уже после того, как свинцовый плевок попадает чуть ниже сигареты, закуренной водителем на крыше в нарушение приказа Чихории.

— Товарищ старший лейтенант! — орет растерянный сержант. — Савчука в шею ранило!

Георгий бежит на крышу и подползает к солдату. Водитель сучит ногами, в его горле булькает кровь, в одеревеневших губах продолжает дымить сигарета.

— Я же вам говорил не курить, придурки! — зло шепчет Георгий. — Смотрите в оба, откуда бьет, и гасите его, суку!

Он тащит раненого вниз, на второй этаж, как мешок с картошкой.

— Капитан, где ты? Помоги! — зовет Чихория, надрываясь от тяжести и спотыкаясь в темноте.

Водитель хрипит. Георгий укладывает его около стены, выглядывает в окно и снова зовет:

— Джаканов, где ты?

Над головой Чихории пролетает пуля и чмокается с бетонной стеной.

— Ух, блин! — удивляется Георгий и приседает. — Огонь! Что вы все, попримерзли?!

Солдаты клацают оружейными предохранителями и затворами и, не глядя, выпускают на пустырь сумасшедшую свинцовую свору.

— Прекратить! — орет после долгого грохота Чихория, испугавшись перерасхода патронов, и осторожно выглядывает в окно.

Ни зги не видать. Он выставляет свой автомат с ночным прицелом и всматривается через окуляр в зеленую светящуюся муть.

— Стреляют только те, у кого ночные прицелы! — командует Георгий.

Под стеной клокочет горлом водитель.

— Джаканов, блядь! — орет Чихория и, не дождавшись ответа, командует: — Рамазанов, найди капитана и приведи сюда!

Рамазанов отрывается от стены и направляется к лестнице. Две пули — от короткой автоматной очереди и снайперской винтовки — хлюпаются в его сырую ватную куртку. Солдат с грохотом падает и царапает судорожными руками цементный пол. На крыше сержант включает свой пулемет, заглушая стон Рамазанова и мат Чихории.

Георгий ползет к солдату и ощупывает его ватник. Ладонь вляпывается в кровавое болото.

— Живой, земляк? Живой? — шепчет взводный.

— Больно, — скрежещет зубами Рамазанов.

— Где же эта падла Джаканов? — шипит Георгий и ползет к лестнице. Капитан сидит на корточках в углу площадки между вторым и первым этажом, обхватив голову руками. Чихория натывается на него в темноте.

— Ты что, ранен? — спрашивает Чихория, чувствуя, как дрожит Джаканов.

— Да. Нет, — задыхаясь, отвечает медик.

— Да или нет?! — Георгий начинает понимать, что капитан не мог быть ранен — пули сюда не долетают. Взводного бьет ток злости. — Вставай, сука! Там люди без тебя подышают! — кричит Чихория и пинает, пинает, пинает сапогами окаменевшее, скрюченное страхом тело Джаканова.

— Не могу! — истерично шепчет капитан. — Не могу! Не могу!

— Вставай, падаль! — месит его ногами Георгий. — Вставай!

На лестнице внизу слышны шаги. Это из подсобки прорвалась отдыхавшая смена. Чихория останавливается, перестает бить медика, забирает его сумку и идет к раненым. С крыши пустырь поливает огнем пулеметчик. Изредка хлопает снайперская винтовка.

Георгий расставляет прибывших на подмогу солдат у окон и на карачках ползет к раненым. Что делать с пробитой шеей, он не знает и просто переворачивает водителя лицом вниз, чтоб не захлебнулся кровью. На Рамазанове разрывает куртку и затыкает сочащиеся дырки в груди кусками бинта и ваты.

— Потерпи, браток! — шепчет взводный. — Я к тебе в Дагестан еще на свадьбу приеду.

— Больно! — надрывно стонет солдат и царапает ногтями бетонный пол.

С пустыря с шипением взлетает осветительная ракета, повисает над подстанцией, и тут же по стенам пристройки цокают пули. По полу ползет прямоугольник света от окна. Подбородок водителя стоит в черной лужице крови. У Рамазанова сверкают оскаленные молодые зубы.

— Не высовываться! — кричит Георгий и направляется к лестнице, на крышу.

— Сколько их там, засек? — спрашивает у сержанта, чувствуя, что лег в лужу и вода подбирается к телу.

— Трое, — отвечает пулеметчик, не отрываясь от ночного прицела. — Снайпер вон там, за деревом, автоматчик — вон там, в прогалине, и еще один где-то тут недалеко ракету пустил. Но наверняка уже сменил позицию.

— Ну, это еще не все, — размышляет вслух Георгий. — Еще может сидеть без звука кто-нибудь, чтоб прикрывать их отряд и перемещения. Да и на случай нашей контратаки, если решим прочесывать.

— А мы что, будем пустырь чесать? — удивленно смотрит на командира сержант, пытаясь поймать его взгляд, но взводный не отлипает от окуляра своего «ночника».

— Нет, ничего чесать мы не будем, — успокаивает пулеметчика Георгий и ползет к снайперу на другой конец крыши.

— Откуда они взялись? — не может прийти в себя солдат.

— На машине, видать, подъехали. Помнишь, фары светились пару часов назад? — говорит Чихория.

— Долго они нас, гады, выпасали, — вздыхает снайпер.

— Профессионалы. Наверняка воевали в Абхазии. Слишком уж грамотно работают. И стреляют — не то что вы, замудонцы, — вздыхает Георгий и вспоминает о раненых. — Учили вас, учили...

— Что — учили?! — шепотом возмущается снайпер. — Лично

я полгода то боксы для техники строю, то казарму ремонтирую. Винтовку в руках пятый раз в жизни держу!

— Ладно! — обрывает жалобы взводный. — Держишь, вот и держи! Твое дело хоть приблизительно в цель стрелять. Ты хоть их видишь?

— Двоих видел.

— Не попал, конечно? — скорее утверждает, чем спрашивает Георгий.

— Попадешь туг...

— Ладно, хоть наблюдение веди хорошо. У нас на всех только три ночных прицела. Один у тебя. Гордись и отработай!

— Понятно. Как там наш раненый?

— Раненых уже двое. Рамазанов две пули в грудь схлопотал, — вздыхает Чихория. — Боюсь, не выживет...

— Ё-моё! — отрывается от «ночника» снайпер.

— И врач, собака, в шоке! — взводный кривится и сплевывает.

— Как — в шоке? — не понимает солдат.

— В шоке — как в жопе! — не сдерживается Георгий и слушает отдаленную перестрелку: где-то возле города воюют.

— Дай-ка мне винтовку, попробую достать хоть одного гада, — подвигается к солдату Георгий.

Долго всматривается в безжизненные кусты, ждет, что качнется ветка или шевельнется ствол оружия. Но все мертво. Лишь эхо далекой пальбы да тяжелое дыхание солдата рядом тревожат ухо Чихории — напоминают, что мир вне зеленого прицельного круга живет и дышит.

У Георгия начинает слезиться глаз. Взводный готов уже отдать винтовку снайперу, но час его настает. Он замечает движение. Это взмахи чьей-то руки. Чихория прицеливается в то место, где к руке должно быть приделано тело врага. Он плавно нажимает на спусковой крючок, и приклад сильно толкает его в плечо отдачей выстрела. Георгий старается высмотреть результат своего огня, но бетонную стену над ним начинают грызть пули автоматной очереди из кустарника. Свинцовая стайка пролетает над взводным, вздыбливая легким сквознячком волосы на голове. Чихория прижимается к сырому бетону и лежит в раздумье: «Попал, не попал?»

Темное влажное небо испарывает осветительная ракета. Шипит и пенится в вышине, мертвенным светом озаряя сверкающую лужами крышу. Два автомата из кустарника поливают

пристройку подстанции. Солдаты прижимаются к стенам, как к женщинам, отдавая холодному бетону тепло своих дрожащих тел.

— Сволочи! — шепчет Чихория врагу и ползет к дыре, ведущей на второй этаж, где захлебываются кровью его подчиненные.

Ракета умирает в черной пасти неба. Автоматы в кустах умолкают. Взводный в темноте окликает радиста:

— Дай мне «Сосну»! Доложить нужно.

Радист ковыряется в углу возле своего железного ящика, чтобы растормошить начальство радиоволной.

— «Сосна»? — Георгий старается говорить потише, но внятно, чтобы разобрал абонент. — Докладывает «Третий». Заняли объект в назначенный срок. Час назад подверглись нападению неизвестной вооруженной группы. У них снайперская винтовка и два автомата. Другие огневые средства пока себя не обнаруживали. Держим оборону. Объект под нашим контролем. У нас двое раненых. Оба тяжело. Один в шею, другой в грудь. Нужна срочная эвакуация...

Чихория прижимает к голове наушник. «Сосна» спрашивает, нельзя ли оказать помощь раненым на месте, ведь со взводом находится профессиональный врач. Взводный мнетя, не зная, что ответить. Душа не пускает рассказать всю правду про медика. Стучать на Джаканова Георгий не хочет.

— От него мало проку, — говорит он «Сосне». — Ранения очень тяжелые...

«Сосна», поразмыслив секунду-другую, отвечает, что сейчас послать за ранеными некого, пусть врач делает все возможное. «Продержитесь до утра».

— Есть продержаться до утра! — сдерживая эмоции, говорит Георгий и бросает микрофон с наушниками на пол.

— Больно! — ворочает жерновами челюстей Рамазанов. — Больно!

Взводный на карачках ползет через всю комнату, мимо измученного страданиями Рамазанова, к лестнице. Добравшись до окаменевшего капитана-медика, толкает его скрюченное от шока тело.

— Джаканов, браток, я тебя умоляю — помоги ребятам! Помрут.

Джаканов всхлипывает.

— Я тебя понимаю, — садится рядом с ним на корточки Георгий. — У меня тоже жена и дети, родители старые и больные в городе. Даже не знаю, что с ними. Но я же не расплавился, держусь. А бойцы тем более.

Чихория закуривает.

— Я никому не скажу, что ты испугался. Дело житейское, с кем не бывает. Но мужики ведь к утру дойдут, кровью истекнут. Нам с тобой отвечать. Приедут их родители, как мы с тобой будем в глаза матерям смотреть? Они же нас разорвут от горя. А?

Георгий замолкает, прислушиваясь к стонам Рамазанова и шепоту солдат у амбразур. Стрельбы нет.

— Дай курнуть, — поднимает голову Джаканов, забыв, что у самого есть в кармане курево.

Чихория сует в его трясушуюся руку недокуренный бычок. Капитан затягивается шкварчащей сигаретой, и Георгий видит его мокрое лицо с опухшими глазами.

— Пойдем, дорогой! — берет под руку капитана и тащит. — Поднимайся! Соберись! Ребята тебя ждут, надеются...

Джаканов распрямляет заржавевшие ноги, хрустя суставами, и идет за взводным, цепко держа в кулаке мокрый край его бушлата...

Пока медик возится возле раненых, включается за пустырем движок «жигуля». Георгий старается высмотреть свет фар. Но машина, захлопав дверцами, уходит вдаль без огней. Урчание мотора растворяется в треске далекой перестрелки...

— Посветите мне! — просит медик, и Чихория начинает жечь спички над восковыми перекошенными лицами раненых солдат.

Мелкий дождь шуршит на крыше, заставляя пулеметчика и снайпера дрожать от холода. Но стылые их тела не тронуты пулями. Солдаты понимают это и не жалуются. Впереди — длинная дождливая ночь.

Раненых перетаскивают в подсобку старого здания, и Джаканов при электрическом свете до утра колдует над ними, пачкаясь чужой кровью.

Чихория до рассвета бегаёт со своего поста к врачу, интересуясь состоянием солдат.

— Джаканов, родной, не дай мужикам помереть! Я тебя в задницу поцелую, если выживут, — говорит он уже забывшему страх медику и снова уходит в пристройку...

Утром еще моросит, когда на смену Чихории и его людям приезжает на грузовике лейтенант Сергей Невестин со своим куцым вторым взводом.

У Невестина красивое молодое лицо и полный юношеского боевого азарта взгляд. Он видит, как в кузов грузят раненых солдат, и бледнеет.

— Живы?

— Живы, слава Богу и врачу, — говорит Георгий и трет усталые красные глаза.

— Обслуживающий персонал подстанции есть? — спрашивает Невестин.

— Пока нет. Возможно, и не будет. Но там все на автоматике работает.

Георгий рассказывает Сергею о ночном бое и учит, как правильно обороняться.

Оба офицера бродят по пустырю в поисках следов нападавших. Находят пустые гильзы и кусок окровавленного бинта. Они видят кровь врага. Георгий понимает, что это итог его выстрела из снайперской винтовки. Он радуется своей меткости. Он впервые в жизни пролил чужую кровь. В бою. Георгий не думает об этом долго и остро. Он устал...

В кузов «Урала» лезут продрогшие за ночь солдаты взвода Чихории с почерневшим от стрельбы оружием. Джаканов направляется к кабине, берется за ручку дверцы, но Невестин окликает его:

— Товарищ капитан, вам просили передать приказ — остаться здесь с нашим взводом!

Врач поворачивает к офицерам удивленное лицо, вздыхает и опускает плечи. Он долго смотрит себе под ноги. Затем достает из кармана авторучку и блокнот, вырывает оттуда лист и садится на подножку машины, пристроившись писать.

Чихория и Невестин наблюдают за ним молча.

— Георгий! — зовет взводного Джаканов. — Эту бумажку передашь вместе с ранеными нашим ребятам в медбате. Здесь написано, что я им делал, и перечислены препараты, в которых я сейчас нуждаюсь. Пусть передадут мне при первой же возможности... Мало ли что тут еще будет.

Чихория берет листик и обнимает врача, прижавшись своим побитым, заросшим щетиной лицом к гладкой азиатской щеке капитана.

— Джаканов, спасибо тебе! — голос Георгия дрожит. — Я всем расскажу, какой ты молодец.

— Да ладно, — вздыхает медик. — Извини, что я сдрейфил вначале.

Он поворачивается к Невестину, делает к нему пару шагов и протягивает руку:

— Ну что, будем знакомиться? Я Джаканов, из медбата...

Чихория садится за руль, хлопает дверцей и запускает двигатель. Водитель с перевязанной шеей лежит в кузове, смотрит в сочащееся влагой небо и начинает засыпать. В его раскрытый рот падают мелкие капельки дождя...

VI

Чихория рулит к медбату. В кузове раненые, уставшие от боли, стонут в беспомощности. Черный дым пожаров стелется над крышами поселков. Воют и скулят во дворах недобитые собаки. Георгий не слышит этого звериного плача. «Урал» с запотевшим от дождинок лобовым стеклом глушит своим ревом все живое. Только автоматная трескотня царапает слух.

Возле КПП своей части он притормаживает. Перед воротами — огромная толпа осетин — мужчин и женщин — с горящими глазами. Они машут кулаками и требуют оружия. Заплаканные, онемевшие дети сидят у матерей на руках, сгорбившись от рева людей. Осатаневший от диалога с народом майор Савинов, заместитель командира полка по воспитательной работе, стоит на горбатой спине бронетранспортера и, воздев руки к простуженному небу, крипит:

— Братья и сестры! Мы не можем вам дать оружие!.. Мы сделаем все возможное, чтобы защитить вас и ваших детей от ингушских экстремистов!.. Наши офицеры и солдаты...

Объяснения его тонут в гуле. Две сотни распахнутых темных ртов обстреливают Савинова. Высохшая, как мертвое дерево, женщина в черном платке взбирается к нему на борт бронетранспортера.

Чихория пришпоривает своего железного коня и едет в медбат...

— Старлей, золотой мой! — говорит Георгию хирург с воспаленными от бессонной ночи глазами. — Что я с ними буду делать?! У нас ни врачей нет, ни места в палатах. Операционная загружена под завязку. Гони своих ребят сразу в гарнизонный госпиталь!

Он становится на колесо и заглядывает в кузов. Продрогшие солдаты сидят на скамейках, держа над ранеными тяжелое от небесной влаги фиолетовое одеяло, конфискованное на подстанции.

— У тебя тут места полно. Возьми еще несколько человек! Я распоряжусь, чтоб раненых сюда загрузили.

— Я не имею права... — начал было Чихория, но вспоминает,

что через толпу у ворот в полк все равно не прорваться. — Ладно. Несите людей сюда!

— Мы мигом, — и врач, пошатываясь от усталости, идет в хирургический корпус.

Выезжая из военного городка, Георгий оглядывается на свой дом. Он на окраине. Возле подъезда стоит танк с закрытыми люками. Окна в доме целы. Чихория облегченно вздыхает.

«Урал» мчится по шоссе, прижимаясь к обочине. Навстречу с дымом и свистом летят боевые машины пехоты, кроша гусеницами зыбкий асфальт.

— Господи! Что тут творится? — говорит он новому пассажиру — молодому русоголовому прапорщику из медбата, сопровождающему раненых.

— Кударцы, — отвечает сосед с печальными глазами, выдыхая едкий дым «Примы». — Вы не гоните так, товарищ старший лейтенант, не дрова везете...

— Какие еще кударцы? — удивляется Чихория, сбавляя скорость.

— Кударцы — южные осетины. Ополчение из Цхинвали. За два с половиной часа через перевалы пришли. Опытные боевики. С грузинами воевали, — и косится на грузинский нос Георгия.

— Звиздеж. Не может быть, — качает головой Чихория. — Это же почти двести километров, да через горы, да на гусеницах!..

— Мало того, они ночью шли, — прапорщик выбрасывает окурок в окно.

— Тем более звиздеж, — сомневается Чихория. — Ты же военный человек: должен понимать, что такого быть не может.

— Почем купил, по том и продаю... Не верите — как хотите. Но они уже вчера утром тут были. Сутки воюют... А вы что, ничего не знаете?

— Я подстанцию охранял. Не в курсе.

— Ясно... Так вот, говорят, кударцы и наши десантники ингушей из города выбили. Теперь в поселках бои идут.

— А десантники откуда взялись?

— Ясно откуда — с неба... А вам кто облицовку отрихтовал? — спрашивает прапорщик, рассматривая побитое лицо офицера.

— «Враги народа», — без долгих объяснений отвечает Георгий.

— Понятно, — сосед отворачивается, чтобы спрятать улыбку.

Из госпиталя Чихория едет к родителям по затаившемуся городу. Только бронетранспортеры да грузовики с вооруженны-

ми людьми шныряют по вымершим улицам. Сырой воздух тяжел от дыма пожарищ — горят ингушские дома. Сердце Георгия бухтит от волнения...

Двое солдат и прапорщик из медбата остаются сторожить разгоряченный беготней «Урал». Остальные поднимаются со своим взводным в квартиру. Они молча наблюдают, как мать при виде измочаленного лица сына мужественно сдерживает крик и не падает в обморок. Она ведет солдат на кухню, кормит их домашними пирогами и ставит чайник.

Георгий, не раздеваясь, усаживается рядом с постелью подкошенного радикулитом отца. Мать, обеспечив работой голодные солдатские рты, приходит слушать сына. Светлана подпирает стену уже сформировавшимися женскими плечами и смотрит на брата. В школе отменены занятия, и она скучает по мальчику-кударцу. Но сейчас любовь отодвигается на второй план. Она вместе с родителями слушает, как ингуши расписали лицо Георгию и воткнули в бок спицу. Чихория-младший рассказывает, что сторожил подстанцию, но о ночном бое не говорит. Рассказ его короток и скуп на прилагательные и ругательства. Тем не менее мать плачет и сморкается. Отец насмерть душит подушку сильными руками и мотает головой. Светлана поднимает покатые плечи и слабеет в коленях.

— Боже, какие сволочи! — вздыхает мать. — Кто бы мог подумать! Десятилетия жили в мире и согласии. И вот пожалуйста...

— В ночь с тридцатого на тридцать первое октября, когда ты ушел от нас домой, почти все ингуши, жившие во Владикавказе, покинули свои дома и квартиры, — говорит Чихория-старший. — Видно, акция была тщательно спланирована... На здании университета сидели снайперы. Еле их выкурили оттуда...

— Гарик, что тут вчера творилось! — говорит мать. — Ингуши стреляли, как на охоте. Кто на мушку попался, того и били. Рассказывают про одного ингуша: тридцать лет прожил в дружбе с соседями-осетинами, вместе водку пили, праздники отмечали, дома строить друг другу помогали, а утром тридцать первого числа пришел с винтовкой и всю семью осетин, с которой тридцать лет дружил, в заложники увел. Вот какая подлость. Тридцать лет злобу таил!..

Георгий слушает и медленно закипает. Кровь в нем начинает бурлить. На кухне солдаты, звучно прихлебывая чай, поглощают нехитрую еду, позабыв о национальных расправах.

— Наши ребята с кафедр ко мне вчера вечером заходили, —

включается в разговор Илларион Чихория. — Говорят, Москва среагировала мгновенно. В Моздоке высадились дивизия внутренних войск, в Беслане — дэсантники... Как вмазали этим бандитами — летели вверх тормашками из города, как шведы под Полтавой... А мэстные власти растерялись. Если бы не кударцы — ополчение из Южной Осетии — и несколько здешних отрядов самообороны, ингуши бы город взяли. Это как пить дать. Не знаю, что бы тогда было...

— Гарик, ингуши отрубленные головы осетин на заборы вешали. Ужас что творилось, — причитает мать.

— Правда, говорят, русских не трогали. Утром тридцать первого октября в поселках люди проснулись, а у них на воротах мелом написано: «русские». Эти дворы не грабили, жильцов не убивали и в заложники не брали, — вносит новую ноту в разговор Чихория. — То есть ингуши работали по четкому плану. Это не стихия. Тут другое...

Георгий вскакивает со стула и начинает ходить взад-вперед по комнате, держа двумя пальцами сдвинутый со своей оси нос.

— И что интересно: чуть ли не в один день все ингуши с ближнего, дальнего зарубежья, из Сибири, Дальнего Востока съехались. Руслан Аушев уже в Назрани сидит... — говорит Чихория-старший. — Дэсантники колонной в один поселок входят, а по ним из гранатометов как влепят! Две машины сожгли, майор-комбат, пара младших офицеров, десяток солдат погибли. Генэралу Чиндарову (он дэсанниками командует) когда об этом доложили, он Аушеву позвонил и сказал: если хоть один выстрел с ингушской стороны еще будет, то его дэсантники сметут с лица земли весь населенный пункт, откуда будет вестись прицельный огонь. И сразу все сопротивление стихло.

— А кударцы какие молодцы!.. — встречает Светлана.

Семья смотрит на нее. Семья понимает, откуда ветер дует. А ветер дует от влюбленности в одноклассника-кударца. Светлана краснеет под взглядами трех пар глаз и опускает голову.

— Кто молодэц, — включает Илларион Чихория, — так это наши курсанты. Как они грамотно построили оборону к югу от города! Конечно, руководил полковник Заиченко. Даже ни одного раненого на нашей стороне! Зато боевиков накрошили, как салат на свадьбу... И такое училище разгонять собираются... Преступники!..

— А Дудаев как на все это реагирует? — подает наконец голос Георгий.

— А что Дудаев... Пока не известно, — вздыхает отец. — Наш генэрал Соколов, говорят, тоже по этому поводу переживает. Обиду на Джохара держит.

— Может, эта резня специально кем-то спровоцирована, чтоб выманить Дудаева из Грозного, втянуть в военную разборку и затем ввести войска в Чечню? — спрашивает Георгий, остановившись посреди комнаты.

Отец с трудом поворачивает к нему заросшее серой щетиной лицо. Мать поднимает на сына выцветшие заплаканные глаза. Сестра передергивает молодыми плечами. Солдаты, напившись чаю с пирогами, хотят курить, но не хотят уходить из теплой кухни, насыщенной вкусными запахами.

— Нэ знаю, сынок. Такие времена, что нэ отличишь хитрости от глупости, а подлости от добра... Вот смотри: приняли в Москве закон о реабилитации репрессированных при Сталине народов (вроде бы хорошее дело сделали), а что началось!.. Это же надо, чтоб одни народы полностью реабилитировать, другие народы с земли сгонять и дома отнимать. Кто ж на это пойдет? Получается, что этим законом только спровоцировали национальные распри... Разборки в Чечне, вооруженное выступление ингушей и прочее — это все следствие или чьей-то подлости, или глупости. А простым людям, в том числе и армии, теперь приходится страдать. Ведь кому-то нужно гасить эти пожары... Вон, глянь в окно — сколько дыма! Ингушские дома горят. А в поселках что творится вокруг города?!

— Сынок, — сжимает сухие руки мать. — Мы всей правды не знаем и, может, не узнаем никогда. Поменьше думай об этом, поменьше разговоры разговаривай. Лишь бы эта война в большую не переросла. А ты старайся ни на кого зла не держать: ни на ингушей, ни на чеченцев. Еще не известно — кто прав, кто виноват, по какой причине эта резня началась. И ингушам досталось на свою долю мук, что там говорит...

— Ну как же не злиться, мама?! — вспыхивает Георгий. — Морду всю и мне и другим офицерам расписали под Хохлому, за что — я их, что ли, выселял полвека назад? Спицу в бок сунули, чуть не убили — за что?! И потом, сколько можно обиды копить. У всех народов было горе, но никто ведь не обозлился так, как ингуши и чеченцы? Это уже, видно, такая национальная черта у них...

— Гарик! — хрустит костяшками пальцев мать. — Какая еще национальная черта! Не говори об этом, прошу! У тебя отец

грузин, мать русская, жена армянка, у сестры кавалер — куда-рец... Тебе грех про какие-то национальные черты говорить!.. Бандиты — они у всех народов бандиты. Время просто сейчас такое — бандитское...

— Я никогда не думал о том, что у меня жена — армянка, — задумывается Георгий. — То есть я знал, что она армянка, но всерьез, как сейчас, не думал... Слава Богу, мы с Арменией не воюем...

— А еще лучше, что не воюем с Грузией, — вставляет отец. Повисает молчание. Георгий вскидывается:

— Кстати, как там Майины родители?

— Нормально. Живы-здоровы. Мы созванивались, — отвечает мать. — Жалко, что у тебя нет телефона. Как было бы хорошо. А то сидим здесь, переживаем... Как Майя, как дочка? Ты не сказал.

— Не знаю, не успел домой зайти.

— Как это не успел? — вскидывает белесые брови мать, а отец поднимает от подушки голову.

Георгий молчит. Он не хочет говорить о раненых, о спешке. Рассказать — означает признаться родителям, что для него война уже началась, что он уже пролил чью-то кровь.

Выходят солдаты из кухни, благодарят хозяев за угощение.

— Да, ребята, смените там охрану, — спохватывается Георгий, — пусть тоже чаю попьют и перекусят.

Чихория-младший смотрит на картину художника-осетина. Святой Георгий летит на белом жеребце над зелеными холмами Кавказа, пронзая серую мглу огненным взглядом. Чихория-младший любит эту картину.

— Не могу я, мам, теперь равнодушно думать и говорить об ингушах, — говорит Георгий, подавляя в себе желание рассказать о ночном бое и двух тяжело раненных солдатах. — И потом, ты же сама говорила, какие зверства и подлости они творили.

— Мало ли что я говорила, — вздыхает мать. — А как подумаю, что каждый народ сейчас свои обиды начнет лелеять и воевать с соседями за «справедливость», — страшно становится. Как бы хуже не было...

Хлопает дверь. Входят два солдата, охранявшие «Урал». Переминаются с ноги на ногу в грязных сапогах. Мать семенит на кухню кормить их и гремит посудой.

— Гарик! — кричит сыну. — Иди тоже перекуси с ребятами! А то не евши национальные вопросы решать — последнее дело.

Георгий прислушивается к урчанию в пустом животе и еще раз вскидывает глаза на картину. Ему кажется, что святой Георгий летит на своем коне карать ингушских бандитов. Чихория-младший начинает гордиться, что отстоял ночью подстанцию, а главное — не раскололся на хвостовство родителям. Он идет на кухню, где его солдаты, не поднимая глаз на своего взводного, молотят пироги и обжигаются чаем. Георгий садится за стол и протягивает руку к тарелке. Замечает, что пальцы в засохшей крови — испачкался, когда таскал раненых. Он вскакивает и бросается к раковине — смыть. Мать не понимает нервозности сына и осуждает его:

— Гарик, не суетись. Чего ты нервничаешь?

Георгий смотрит на руки солдат. Они тоже не вымыты. Но мать не обращает внимания: думает — обычная грязь...

Чихория-старший отправляет дочку в свою комнату, ждет несколько минут и зовет к себе сына. Георгий с полным ртом подходит к постели. Мать суетится на кухне.

— Сынок, — тихо говорит отец. — Нэ сегодня завтра будет ввод войск в Чечню...

Георгий перестает жевать и стоит с полуоткрытым ртом.

— Рэбята наши из училища сказали, — продолжает полковник, глядя сыну в черные широко открытые глаза, — что армия будет отрезать от Чечни районы, преимущественно населенные ингушами, — для создания Ингушской республики... Смотри там, астарожнэ. Неизвестно, как среагирует Дудаев. Возможна война...

Георгий на ватных ногах возвращается на кухню и садится за стол. Есть больше он не может. Ему хочется рассказать отцу все: про ночной бой, про Джаканова, про раненых, про то, что война для него уже началась... «Только разволнуются старики», — понимает Чихория-младший и поэтому молчит.

— Живее, мужики! — сердито подгоняет он солдат. — И так засиделись тут.

У солдат изо ртов летят крошки. «Как дети», — думает Георгий. «Как дети», — думает мать.

— Да куда же вы летите?! — она прижимает руки к высохшей груди и морщит лицо, готовясь заплакать. — Побудьте хоть часок! Когда ж я тебя, Гарик, еще увижу?!

— Все, мам, пора, — и Георгий идет прощаться с родней.

Солдаты бухают сапогами, спускаясь по лестнице. Георгий чмокает мать в мокрую щеку и бежит следом.

Холодный, сизый от пожаров ветер гонит по улице янтарные листья и гудящую машину скорой помощи. Улучшения погоды не предвидится, и дым не поднимается в небо, а ползет по дворам и сочится в кабину «Урала», где старший лейтенант Чихория давит ногой на «газ» и нервно курит. Ему, видно, мало дыма горящего Отечества...

У военного городка стоит врытая в землю боевая машина пехоты, по обе стороны от нее — окопы. Над брустверами, как черепахи, двигаются солдатские каски. Где-то под ними — замурзанные солдатские лица. Георгий представляет себе выражение их глаз.

Он проскакивает на «Урале» мимо блок-поста и тормозит у своего дома, спрятав машину за танк, у подъезда. Окна в доме целы, значит, танк не сделал ни одного выстрела. Чихория взлетает на свой этаж и стучит в дверь...

Пока Майя висит на его шее и дрожит от плача, Георгий смотрит на чемоданы, выставленные в коридор.

— Ты куда собралась? — спрашивает наконец у жены, чуть успокоившейся.

— Ну как же? А вдруг эвакуация... Городок обстреливали.

— Что-то я не заметил, — удивляется Георгий.

— В наш дом не попало, а в соседнем, который ближе к поселку, у многих стекла побило. Правда, все живы, но сейчас холодно, и жильцы по соседям разбрелись. Да и вообще женщины с детьми кучкуются у кого-нибудь в квартире и сидят скопом по пять-шесть семей, чтоб не страшно. Мужиков ведь нет.

— Как дочка? — спрашивает Георгий, все еще стоя в коридоре.

— Спит. Что ей? Каши наелась, куклу под голову и сопит в две дырки. Ты почему не проходишь?

— Майя, некогда. Я и так уже полдня мотаюсь, еще в полку не был. Чувствую, фитилей в задницу получу...

— Где ты мотаешься? — Майя вытирает глаза кулачками.

— Раненых возил, — неосторожно признается Георгий.

— Каких раненых? — замирает жена. Ее большие испуганные глаза сверкают влагой.

— Ну, в общем, зацепило там пару солдат...

— Ой, Гарик, я боюсь! — всхлипывает Майя и опять повисает на шее мужа.

— Только не канючь, пожалуйста! Все будет нормально, — раздражается Георгий. — Я был в городе, у своих стариков. Они

сказали, что с твоими созванивались. Тебе привет. У них все хорошо...

Он стоит в обнимку с Майей несколько секунд и, похлопав жену по худенькой спине, говорит:

— Значит, так. Я в полку. К окнам не подходи — вдруг какая-нибудь пуля-дура! За Тamarкой смотри! Я побежал, — и стучит сапогами по ступеням.

— А поесть?! — кричит в распахнутую дверь Майя.

— Я поел дома! — доносится с лестницы.

— Дома... — тихо повторяет Майя. — А я где? — и закрывает дверь.

VI

Всклоченный Сашка Иванченко в оружейной комнате копошится над патронными ящиками.

— Наконец-то! — вскидывает он лохматую голову, увидев Чихорию и его солдат. — Где ты лазишь? Мы уже тут подумали, что вы в плену или «пали смертью храбрых».

— Раненых в госпиталь возил, — оправдывается перед ротным Георгий.

— Оружие все на месте? — наседает Иванченко.

— Все.

— Кто ранен? — доходит наконец до Сашки.

— Рамазанов и водитель.

— От блин! Этот Рамазанов!.. — сердится Иванченко.

— У него серьезное ранение — две пули в грудь. Как бы концы не отдал, — объясняет Чихория.

— Только этого не хватало. Пол-Дагестана родни с кинжалами съедется на разборки. — Сашка устало садится на ящик с патронами. — Ставьте оружие в пирамиды! — командует столпившимся у дверей солдатам.

— Какая тут обстановка? — переводит стрелки разговора Георгий.

— Обстановка военного психоза! Не знаешь, какая обстановка! — бурчит ротный. — Без конца звонки, построения и совещания...

— А кого ж тут строить, если все на охране объектов? — удивляется Чихория.

— Во-первых, не все. А во-вторых, к вечеру весь полк в сборе.

— А взвод Невестина? Он же на подстанции, — поднимает брови Георгий.

— Кончилась охрана объектов. Всех наших меняют внутренние войска и милиция. Взвод Невестина и все прочие скоро будут тут. Короче, общий сбор, а затем «труба трубит, откинут полог, и где-то слышен сабель звон...».

— Не понял, — вскидывает брови Чихория.

— Щас поймешь, — Сашка показывает глазами на солдат, бряцающих автоматами у шкафов. — Так! — привлекает ротный к себе внимание подчиненных. — Всем привести себя в порядок и приготовиться к построению на обед! Сразу после обеда — чистка оружия в течение получаса. Затем — все на рытье окопов! Понятно?!

— Понятно! — гудят солдаты и вытекают из ружейной комнаты.

— Короче, — вполголоса говорит Иванченко, когда ружейка пустеет. — Как я тебе и говорил, идем на Чечню.

— Когда? — не удивляется Георгий и трогает двумя пальцами свой дрейфующий грузинский нос.

— А хрен его знает! Дана команда — ждать команду, а пока будем окопы рыть вокруг городка. — Сашка вздыхает и лезет в карман за сигаретами. — Это жопа, — задумчиво добавляет он.

— Никакая не жопа, — тоже достает сигареты Чихория. — В принципе это правильно. С этим чечено-ингушским кодлом надо кончать. Иначе никогда покоя не будет, — и смотрит сквозь стену вдаль, где святой Георгий летит на белом коне карать врагов...

После обеда, выгнув к плачущим тучам горбы мокрых спин, солдаты машут лопатами. Смешанная с камнями глинистая земля чавкает под сапогами. Траншеи, как черви, ползут вдоль границы военного городка.

Сквозь черные деревья виден поселок, где живут в основном ингуши. Над деревьями кружит воронье. Птицы мечутся в сером воздухе, оглушенные стрельбой. Сизый дым липнет к их крыльям. В поселке режут моторы, захлебываются лаем собаки, грохочут взрывы гранат и трещат автоматные очереди. Чихория смотрит сквозь черные деревья, раздутые осенними ветрами. Он угадывает, что творится в поселке. Там творится нечто страшное. Георгий хочет побывать там, но приказано рыть окопы и никуда не вмешиваться.

Взвод лейтенанта Невестина, замененный внутренними войсками, вернулся с подстанции, и Сергей стоит рядом с Георгием, следя за мечущимися в небе воронами. Его солдаты тоже роют окопы.

— Там какой-то ужас, — говорит бледный Невестин.

Чихория вздыхает и пытается распутать шевелящийся клубок сомнений. Клубок ворочается внутри тела и берedit нутро. Невестин с юным красивым лицом смотрит на поселок, напрягая слух. Солдаты машут лопатами. На брустверы окопов тяжело падают мокрые комья земли.

— Там кто-то идет, — говорит Сергей.

— Где? — поднимает голову Георгий.

— Вон там, — показывает рукой Невестин.

Сквозь черные деревья видны люди. Их человек десять. Они быстро приближаются. Вскоре их уже можно различить. Это женщины и дети. Они почти бегут, иногда оглядываясь назад. Детвора держится за юбки матерей, чтоб не отстать. Чихория и Невестин замечают, что за первой группой идет вторая, а дальше и третья. Издали они выглядят как раздробленная колонна похоронной процессии.

Солдаты перестают копать и, опершись на черенки лопат, смотрят на приближающихся людей. Оба офицера стоят на выросшем бруствере окопов и напрягаются. Сжимаются какие-то пружины внутри их тел. Все молчат, глядя, как накатывается на окопы угрюмая, безмолвная, темная волна людей.

К остолбеневшему Невестину подбегает женщина без возраста — в черном платье с младенцем на руках, закутанным в синее грязное одеяльце. Она резко бросает куль со своим ребенком на грудь офицеру. Невестин невольно подхватывает на руки сверток и, выкатив глаза, смотрит в перекошенное злобой лицо матери.

— Держи! — кричит женщина, брызгая слюной в окаменевшего от неожиданности офицера. — Вы, русские, этого хотели, и вы это получили!

Посиневшие губы ее пляшут. Оскаленный рот сверкает золотыми фиксами. Она показывает нервной рукой на дымящийся поселок и кричит в лицо Невестину:

— Это не осетины убили моего сына! Это вы, гяуры, русские свиньи, его убили! Без вас бы этой резни не было! Без вас ни один осетин не вошел бы в дом ингуша! Вот теперь и держи подарок от ингушского народа!

Женщина снизу вверх тычет кулаком в посеревшие губы Невестина. Она не может его ударить: мешает куль с ребенком и расстояние до лица офицера — тот стоит на высоком бруствере и почти на голову возвышается над разъяренной матерью. Но

тычки лишают Сергея равновесия. Он поскользывается на мокрой глине и падает на спину — в окоп. Чтобы не разбиться, инстинктивно разжимает руки и роняет сверток с малышом.

Вскрикивает женщина. Глухой стон прокатывается в толпе ее соплеменников. Бросаются солдаты на помощь. Невестин копошится в окопе, лихорадочно заворачивая в развернувшееся одеяльце не издавшего ни единого звука синего ребенка. Он не понимает, что ребенок мертв. Чихория это понимает. Он в оцепенении наблюдает всю сцену, не зная, что делать.

Остервеневшая мать кидается в траншею и вырывает из рук офицера свое мертвое дитя. Она прижимает его к груди и сползает спиной по стенке окопа вниз. Плечи ее вздрагивают от рыданий. Невестин поворачивает остекленевшие глаза к притихшим ингушам.

— Вы ее простите! — подходит к Чихории пожилая женщина. — Она с ума сошла от горя. Мужа убили, дом сожгли, а дитя в дыму задохнулось.

Георгий смотрит в слезящиеся глаза ингушки и спускается с бруствера ей навстречу.

— Я вижу, вы сам не русский. — Голос у женщины начинает дрожать, она закидывает руку назад и выводит из-за спины девочку лет пяти, одетую только в легкое платьице. — Вы нас поймете... Нас там убивают. наших мужей, детей, дочерей! — Голос ее ломается, и из горла рвется сдавленный крик: — Спасите нас! Спасите детей наших! Они же ни в чем не виноваты!

Девочка, не выпуская из окаменевших кулачков длинную и просторную бабушкину юбку, дрожит и смотрит на Чихорию совершенно сухими большими глазами. Личико ее старо, как людское горе. Георгий не может оторвать взгляда от этого повзрослевшего детского лица и начинает снимать с себя ватную куртку.

— Укройся! — говорит он ребенку, шарахнувшемуся к бабушкиной ноге.

И только после этого поднимается над окопами бабий вой и плач.

— Давай беги за Иванченко, за замполитом!.. Кого из начальства увидишь — всех сюда! — кричит солдату оглохший, придавленный чужой бедой Чихория и начинает шарить по карманам в поисках курева, забыв, что сигареты — в куртке на окоченевших плечах ингушской девочки...

Близится вечер. Мелкий осенний дождь сыплет на непокры-

тую голову ребенка, студит загоревшее красивое лицо Невестина, летит в распахнутые в крике и плаче рты спасшихся ингушей, на измазанную глиной сгорбленную над мертвым сыном спину женщины в окопе...

— Братья и сестры! — хрипит в гудящую толпу ингушей замполит полка майор Савинов, как хрипел с утра на другой стороне военного городка в толпу осетин. — Мы уважаем ингушский народ! Мы вас не дадим в обиду! Вы все будете эвакуированы на наш полигон, под охрану воинов Российской армии! Никто вас там не тронет! Но вести полк в бой на ваш поселок мы не имеем права. Борьба с бандитами возложена на милицию и внутренние войска!..

Над головами сбившихся в кучу людей взлетает гул недовольства. Проклятия милиции и осетинам повисают в сыром воздухе.

— ...У армии другие задачи! Наш полк, как и другие армейские части, тоже получил приказ! — задыхается в крике высохший от забот Савинов. — Мы должны этот приказ выполнить и потому не сможем защищать ваш поселок от бандитов!.. Сейчас подъедут наши машины! Вы погрузитесь в кузова и поедете на полигон! Там будет крыша над головой, там вас покормят из полевых кухонь! Это все, что мы можем для вас сделать!..

Вздохмаченный Иванченко, измученный совещаниями и подготовкой к маршу на Чечню, курит со своими офицерами в стороне. Пожилая ингушка с выбившейся из-под платка седой прядью подходит к ротному и цепляется за его руку. Пятилетняя внучка, укрытая бушлатом Чихории, по-прежнему держится за юбку бабушки и смотрит большими черными глазами на изуродованное лицо Георгия.

— Товарищи офицеры! — всхлипывает ингушка. — Я знаю: ваше начальство может не разрешить вам это сделать, но умоляю — сходите в поселок и принесите нашим детям одежду и еду!

— Мы не сможем, не успеем, — бормочет Иванченко и вырывает свою руку из объятий женщины.

— Офицер! Ты не русский, ты меня поймешь, — кидается к Чихории и прилипает к нему ингушка. — Мы достанем денег, мы после заплатим! — Она сползает по телу Георгия и опускается на колени в замешенное ногами сырое тесто земли. — Спасите кого сможете! Там раненые есть, дети, старые люди!

— Я русский, — отвечает Чихория. — Но я вас понимаю. Встаньте!

— Входите в любой ингушский дом, — стонет ингушка. — Никто вас не осудит. В любой дом входите: там все соседи — русские и осетины — наших людей в подвалах прячут от бандюг и кударцев. Выведите ингушей, а то их всех поубивают! — захлебывается старуха. — На коленях прошу: спасите ингушей, спасите наших детей! Принесите хотя бы одежду и еду тем, кто оттуда вырвался!

Чихория поднимает женщину. Она качается от горя на ослабевших ногах.

— Не волнуйтесь. Сделаем, что сможем, — и смотрит на одежду в его бушлат девочку.

Иванченко рядом скрипит зубами и поглядывает на кричащего майора Савинова, осунувшегося за сутки до неузнаваемости.

До полуночи Чихория с солдатами, кланяясь пулям, бродит по чужим дворам, где одуревшие псы таскают в зубах кишки из развороченных человеческих тел. Взвод ищет по подвалам поселка укрывшихся ингушей и выводит их в полк. Из дымящихся, пропахших гарью домов взвод таскает одеяла, куртки и еду. Вой собак и свист свинца сопровождают Георгия и его подчиненных. Чужие слезы и стенания, чужие кровь и проклятия сопровождают солдат. Измученные спасательной работой, до тошноты наглядевшись на трупы, только глухой ночью добираются они до казармы, где ошалелый от предвоенного психоза Иванченко готовит роту к маршу на Чечню — отрезать от нее куски кукурузных полей и бывшие казачьи станицы для создания Ингушской республики.

VIII

Невыспавшиеся, с красными глазами и щетиной на лицах, со смятием в душах выступают наутро в путь солдаты и офицеры.

Колонна машин петляет по изнасилованной дороге. На перекрестках ее встречают и провожают посты военных и полувоенных людей в затасканных бронежилетах: внутренние войска, десантники, милиция, «народное ополчение»... Разбитое шоссе перегорожено железобетонными блоками. Грязные бронетранспортеры и боевые машины пехоты на обочинах покоятся в ямах, задуманных как окопы для техники. Костры дымятся под откосами. Шелудивые бродячие псы роются в пустых консервных банках.

В головной машине едет командир роты старший лейтенант Сашка Иванченко. Он держит на коленях заряженный автомат

и готов к любым неожиданностям. Запруженная местными жителями дорога за Назранью не становится неожиданностью, толстомордый «Урал» мягко, как в масло, въезжает в скопище людей и тормозит.

— Оккупанты, убирайтесь в свою Россию! — кричат ингуши и чеченцы высунувшемуся из окна Иванченко. — Не пустим! — орут юноши с озорными глазами. Чихория сидит в кабине второй машины и наблюдает за кипящей толпой. В грузовики с солдатами летят первые камни.

— Разойдись! — орет Иванченко, открывает дверцу машины и клацает предохранителем автомата.

К ротному подскакивает шустрый мужичонка с горящими быстрыми глазками.

— Люди! Посмотрите: они же все пьяные вдрызг! Посмотрите! — суетится возле грязных сапог Иванченко мужичок, скалится и поправляет свою каракулеву шапку.

И тут Чихория замечает в толпе видеокамеру. Оператор целится объективом в Сашку, у того злой кровью налились глаза, и без того красные от недосыпа. Иванченко замахивается автоматом на провокатора, но Георгий вылетает из кабины и орет над головами гудящей толпы:

— Саня! Видеокамера! Снимают!

Иванченко поворачивает свирепое лицо к Чихории, долго соображает, но через секунду-другую все-таки въезжает в смысл сказанного, ищет глазами видеокамеру и, глубоко дыша, успокаивает себя. Он кладет автомат в кабину и орет, перекрывая галдеж человеческой запруды на дороге.

— Уважаемые ингуши, чеченцы и люди других национальностей! Это колонна Российской армии! Мы не оккупанты и не бандиты, — кричит Иванченко. — Мы движемся по территории России к административной границе будущей Ингушской республики, в создании которой вы должны быть заинтересованы!..

Гомон толпы понемногу утихает.

«Чистый комиссар», — ухмыляется про себя Чихория, наблюдая за ротным, который «толкает речь» в расчете на видеокамеру, и надеясь, что не все у дороги — провокаторы.

— Все офицеры пьяные! — суетится в толпе мужичонка в каракулевой шапке, блестя колючими глазками. Он недоволен поведением русского офицера и шныряет между людьми, шепча им что-то в уши.

— Никто тут не пьяный. За моей спиной, — указывает на

приостановившиеся машины Иванченко, — в глубине колонны едут военные медики, они подтвердят мои слова...

Чихория поворачивает голову — туда, куда махнул рукой ротный. Вдоль шоссе, по обочине, едет бронетранспортер. «Савинов, — догадывается Георгий. — Агитацию в массах проводить... Опоздает», — решает Чихория и закуривает, следя за работой оператора с видеокамерой. «Для кого же и кто это снимает?» — думает он.

— Подобные разговоры, — продолжает Иванченко, возвышаясь на подножке автомобиля над митингующими, и тычет рукой в мужичка в каракулевой папахе, — мы будем расценивать как сознательное препятствие государственной власти!

— Га-га-га! — гогочет в толпе молодежь и скалит порченные наркотическим куревом зубы.

— А теперь, — делает паузу Иванченко, хватанув побольше воздуха в легкие, — кто «за» создание Ингушской республики — прошу очистить дорогу, кто «против» Ингушетии — можете стоять на шоссе хоть до посинения — мы все равно пойдем вперед!

«Это тебе не Савинов со своими "братьями и сестрами"», — думает о ротном Чихория и с восхищением улыбается, глядя на рассасывающуюся толпу. Оператор опускает видеокамеру, и Георгий замечает недовольное сюжетом смуглое лицо.

Бронетранспортер тормозит рядом с головной машиной, из люка выныривает замполит майор Савинов, похожий худобой на Кощея Бессмертного.

— Что тут случилось? — кричит Савинов, интересуясь причиной задержки колонны.

— Уже все нормально! — орет ему ротный. — Политзанятие проводил!

— Ага, — кивает ничего не понявший Савинов и ныряет в люк.

Бронетранспортер становится в голову колонны. Рыча моторами, машины дергаются и начинают ползти дальше — к новой, в Москве рожденной, границе между Ингушетией и Чечней.

IX

На окраине станицы — заброшенный полевой аэродром военного училища летчиков. Сюда курсанты приезжали летом на практические занятия. Поэтому постройки на разрушенном аэродроме — легкие, фанерные, рассчитанные на жару. Но сейчас — начало ноября. В окнах трех сохранившихся зданий — ни одно-

го стекла. Двери выбиты, деревянный пол во многих местах сорван. Есть крыши и стены. Полк приютился здесь, потому что это лучше, чем стоять лагерем в чистом поле на пронизывающем холодном ветру и под дождливым небом. Кроме того, в летнем лагере летчиков сохранились забор, контрольно-пропускной пункт (КПП) с кирпичной сторожкой и железными воротами, а вокруг аэродрома во многих местах есть ограда с колючей проволокой.

Устроившись здесь на постой, полк роет окопы вокруг взлетно-посадочной полосы. Недовольные женщины выводят с аэродрома недовольных коров, жующих дожившую до ноября траву.

— Это наша земля! Разъездили тут! — ворчат хозяйки вслед майору Савинову, который оседлал бронетранспортер и едет вдоль колючей проволоки проверять готовность окопов и поднимать моральный дух измученных, продрогших солдат.

— Не съедим мы вашу землю, не волнуйтесь так! — отгавкивается Савинов от нападков женщин и просит не водить больше скотину на военный объект.

Взвод Чихории вычищает казарму от закаменевшего человеческого дерьма и закрывает оконные и дверные проемы одеялами.

— Тут еще ничего, — говорит пришедший с окопов Невестин, — а вот взвод Панарина посадили на дальнем приводе. Там хибарка — даже без крыши. Без окон, без дверей — полна жопа огурцов... Как они там будут ночевать? — И вздыхает. — Слава Богу, дождь кончился.

В казарму входит взлохмаченный Иванченко.

— В пятнадцать ноль-ноль совещание всех офицеров, — говорит он и набрякшими глазами оглядывает помещение, сумеречное из-за закрытых одеялами окон. — Комнату для хранения оружия оборудовал? — спрашивает у Чихории.

— Сделали, — кивает головой Георгий и ведет ротного показывать работу.

— Вечером заступишь в наряд по КПП, — бурчит Иванченко и чешет лохматый затылок.

— Блин, Саня! Только не это! Я лучше всю ночь посты буду проверять, — просит Чихория. — Меня на КПП местные затрахают.

— Это не я решил, — оправдывается Иванченко. — Кто-то из командования полка твою кандидатуру предложил. Ты — «лицо кавказской национальности», проще будет найти общий язык с местными.

— У меня сейчас не «лицо», а рожа побитая. Кстати, ингушами.

— А ты говори, что пострадал в боях с осетинскими экстремистами. Зауважают.

— На хрена мне их уважение?! — и Георгий щупает хрустящий нос...

На совещании командир полка говорит о том, что Джохар Дудаев официально поприветствовал рождение Ингушской республики, что очень рад за братьев-ингушей, но требует отвода российских войск с линии административной границы Ингушетии и Чечни. Граница же эта проходит километрах в пяти отсюда, на другом конце станицы, за перекрестком. Там сейчас стоят десантники. По обе стороны от них — гаубичный полк и мотострелковая бригада, не считая «мелких брызг». От личного состава полка в такой обстановке, с учетом враждебности местного населения и наплыва беженцев-ингушей из Северной Осетии, требуется повышенная бдительность, боевая настороженность и выдержка. Не исключены провокации. В связи с этим приказ: оружие применять только в случае прямой угрозы для жизни военнослужащих. Посты проверять каждые полчаса. Не допускать дезертирства, пьянства и вообще контактов личного состава с местным населением и прочее, и прочее...

Заинструментированные командиром полка и Савиновым до умопомрачения, офицеры выходят на воздух и закуривают. Возле барака, в котором размещается штаб полка, стоит «Волга» с распахнутыми дверцами. В ней сидят станичные милиционеры-ингуши и слушают песни. Песни льются из автомагнитолы. Мужчина тонким голосом поет на русском языке (с акцентом) о героическом вайнахском народе, который героически боролся с русскими захватчиками и, конечно, героически победил.

— Что это вы там слушаете? — спрашивает у притихших милиционеров Иванченко, наклонившись к машине.

— Это наши народные вайнахские песни, — с затаенной гордостью отвечает щупленький милиционерчик. — Вайнахи — это чеченцы и ингуши. Мы — два народа, как братья.

— А если Дудаев пойдет войной на Ингушетию, что вы будете делать?

— Этого не может быть! — высказывает из машины милиционерчик.

— Почему? — подначивает его Иванченко. — Ингушетия создается на территории Чечни, да еще с помощью Российской

армии. С какой стати Дудаев будет радоваться, что у него такой кусок земли оттяпали? — офицеры у крыльца улыбаются, и Сашка чувствует это спиной.

— Дудаев рождение Ингушской республики только приветствует! — не сдается милиционерчик. Но Иванченко загоняет его в угол:

— Ну тогда закономерно возникает вопрос: почему же он сам раньше не выделил ингушам земли для «свободной и независимой Ингушетии» и не ратовал за создание республики? Территории чеченской пожалел или властью делиться не захотел?

Сашкин противник, судорожно глотнув воздуха, кидается в машину и захлопывает дверь. Чихория, внимательно следивший за диалогом, отводит Иванченко в сторону.

— Саня, не связывайся ты с ними. И так все на нервах. На хрена тебе лишние проблемы?

— Жора, но ты пойми: это же вызов. Выделили им при штабе комнату для «опорного пункта правопорядка» и «более тесного взаимодействия с местными органами власти», а они в «Волге» развалились и гоняют нам песняка про героический вайнахский народ, который сто пятьдесят лет русских бьет! А мы это все должны безмолвно проглатывать? Усратья и не жить! Этим ментам замызганным на КПП стоять надо и разгонять всю шваль, которая перед воротами торчит и бойцов напрягает!

Чихория вздыхает. Он согласен с ротным. Через два часа ему заступать на КПП и следить за четким пропускным режимом. Но возле ворот толпа местных и гул голосов, а над забором постоянно торчат головы то ли просто любопытных, то ли полупрофессиональных наблюдателей.

После заступления в наряд Георгия и его солдат ситуация не меняется. Чихорию обступают со всех сторон дети, юноши и зрелые мужчины и все сразу говорят о своем. Кто предлагает водку, кто просит продать патроны или гранаты, кто зовет в гости, кто жалуется на зверства осетин и подыгрывающую им армию... Через час дежурства у Чихории начинает гудеть голова. От недосыпа, от усталости, от нервозности последних дней.

После наступления сумерек зажигается желтый фонарь на столбе. К КПП подъезжает грузовой «КамАЗ». Из кабины на землю спрыгивает водитель с автоматом в руке. Георгий напрягается.

У водителя широкое открытое лицо, густые усы и улыбка. Ему лет тридцать пять.

— Я Костоев, — протягивает он Чихории шершавую шоферскую ручищу, — из местного отряда самообороны. Вот мое удостоверение. И отряд, и оружие зарегистрированы в милиции. Мы помогаем местной администрации поддерживать порядок в станице.

Георгий, пожав водительскую натруженную ладонь, внимательно рассматривает удостоверение в желтом свете фонаря. И фотография владельца, и запись об оружии, и печать — все есть в «корочках».

— Автомат в милиции, что ли, выдали? — интересуется он у Костоева.

— Нет, — еще шире улыбается шофер. — На базаре в Грозном купил, а потом зарегистрировал.

— И много вас в отряде самообороны?

— Восемь человек, — прячет удостоверение в карман черной кожаной куртки.

Толпящиеся у КПП люди притихают и слушают разговор офицера с Костоевым. Солдаты у ворот настороженно следят за развитием событий.

— А сюда зачем приехал? — спрашивает Георгий и щупает свой похрустывающий грузинский нос.

— Вам помогать. Мало ли что тут может произойти. И провокации могут быть.

Костоев говорит спокойно. От него веет уверенностью и надежностью.

— Вам-то чего бояться провокаций? — удивляется Чихория.

— Как — чего? — поднимает брови водитель. — Для нас сейчас главное: создание своей республики, определение границ, выборы руководства... Не дай Бог, какая-нибудь заваруха тут начнется, ничего не будет: ни республики, ни власти, ни порядка. Мне, простому человеку, война и неразбериха ни к чему.

— Раз ты такой сознательный, то разгони эту толпу, — просит Георгий. — Все-таки здесь военный объект. Наши люди все на нервах. Кто-нибудь пальнет сдуру или с перепугу — и пошло-поехало. А мне ссориться с вашими не хочется. И так все обозлены и накручены.

Костоев круто поворачивается и на чужом для Георгия языке выстреливает несколько фраз. Первыми нехотя расходятся дети, за ними — юноши. Мужчины продолжают топтаться у ворот.

— Мы с напарником в машине будем. До утра. Чуть что —

зови, — улыбается в усы Костоев и пружинисто несет свое большое тело к «КамАЗу».

Чихория закуривает. К нему подходит шуплый, интеллигентного вида человек в сером драповом пальто и тоже закуривает.

— Я смотрю, вы не русский? — спрашивает он, ощупывая тусклыми глазами побитое грузинское лицо Георгия.

— Полурусский. Отец — грузин, мать — русская. А что?

— Ничего. Я просто так спросил. — Помолчав немного, интеллигент робко предлагает:

— Вы, наверное, измучились из-за этого «вооруженного конфликта»? Я хочу вас домой пригласить. У меня можно поесть, выпить, отдохнуть. Не бойтесь, тут ничего без вас страшного не произойдет, — и человек в сером пальто с серым невыразительным лицом затягивается дымом.

Курит он неумело. Видно, недавно начал — понимает Георгий и смотрит, как его солдаты стреляют сигареты у ингушей.

— Я не могу по гостям ходить. У меня служба, — рвет Чихория тонкую нить разговора.

— Понимаете, — мнется интеллигент, и тусклые глаза его на миг вспыхивают, — я хотел, чтобы вы увидели, какая у меня дома обстановка... Восемь родственников... С маленькими детьми... Еле убежали из Осетии... Почти голые... В такой холод. — Он вздыхает и с трудом проталкивает слюну в горле. — У меня вот здесь, — мужчина трет рукой шею и грудь в вырезе серого пальто, — все болит и горит. Это ужас, что случилось! — и опускает тусклые глаза. — Люди бежали фактически от геноцида. Шли через перевал. А там обрывы, снег в горах... Ослабевшие и раненые падали в пропасть. Дети гибли на глазах у матерей... Вы этого не представляете себе...

— Представляю, — говорит Чихория резко. — Я спасал ингушей в поселке рядом с нашим полком. У нас на полигоне сейчас почти сотня беженцев. Мы их кормим и охраняем.

Интеллигент вынимает из кармана пальто сложенную вчетверо газету.

— Это «Сердало» («Зеркало») — ингушская газета. Она печатается в Грозном. Я ее внештатный сотрудник. А вообще работаю учителем... Это последний номер газеты перед началом «вооруженного конфликта», как теперь говорят.

Георгий видит на первой странице шесть крупных портретов в черных рамках. На фотографиях — юноши и девушки.

— Почитайте, — предлагает учитель, — здесь написано, как

их убили милиционеры-осетины. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения. У ингушей тоже есть свои провокаторы и экстремисты. Вот они и воспользовались возмущением людей.

— Не хочу я этого читать, — машет рукой Чихория. — Я уже устал от ваших разборок. Осетины точно так же, как и вы сейчас, рассказывали о зверствах ингушей. Ингуши из поселка рассказывали мне о зверствах осетин. Кое-что я видел своими глазами. Я думаю, и те и другие виноваты. За что и страдают. Но отдуваться за вас и нам, военным, приходится. Еще не известно, что Дудаев придумает. Все-таки треть территории у него отрезала под будущую Ингушетию.

Но интеллигент не отступает. Он садится на корточки у обшарпанной стены КПП и цитирует нелестные строки Лермонтова об осетинах, рассказывает офицеру об ингушах. Он говорит, как мужественно сражались они за царя Николая II, как прорывали немецкую непреодолимую оборону в Первую мировую войну, как Серго Орджоникидзе в одних кальсонах примчался верхом из Владикавказа, занятого белыми, к ингушам, и как ингуши помогали ему устанавливать советскую власть на Северном Кавказе, и как затем жестоко обошлась с ними эта советская власть, как агитировал Ельцин ингушей в Назрани голосовать за него на президентских выборах 91-го...

— Как ни выслуживались перед Россией ингуши, она их в конце концов всегда предавала... Раньше ингуши были высокие, красивые, сильные, — вздыхает интеллигент, — а теперь выродились. Вот я, например, маленький, худой... Порода исчезла... Я писал об этом в «Сердало».

Чихория устает слушать внештатного сотрудника газеты. Его рассказ напоминает Георгию анекдот про «белую и пушистую» лягушку. Но собеседник, глядя тусклыми глазами куда-то сквозь толщу лет, все говорит о былой славе своих соплеменников в жестокой истории. Он говорил бы еще долго, но где-то рядом грохочет выстрел.

Из «КамАЗа» выпрыгивает Костоев и мчится куда-то вдоль забора, за ним из кабины вываливается напарник и тоже бежит в темь ночи. Чихория ныряет в дверь сторожки. Оказавшись за воротами, прислушивается к оживленным голосам у штабного барака.

— Сходи узнай, что там случилось! — приказывает солдату и снова выходит на улицу.

Через пять минут возвращается посыльный и говорит, что из-за забора кто-то выстрелил из охотничьего ружья, но в часового не попал, дробь ударила в угол радиостанции. Через полчаса возвращается Костоев и говорит, что он с напарником повязал «стрелка» и отвел в милицию. Утром с ним будут разбираться.

— Местный наш, дурак. Напился с горя (у него много родственников у осетин в заложниках) и решил военным «отомстить» за свои обиды. Хорошо, что никого не убил, — говорит водитель. — Его тут у нас не уважают. Пьяница.

— Хорошо, что наши в ответ не стреляли, а то выкосили бы всех, кто за забором торчит, — сердится Чихория.

— Не дай Бог, — качает головой Костоев и возвращается к машине.

Глубокой ночью еще стреляют. Где-то на аэродроме. К тому времени интеллигент, сгорбив плечи, уходит домой. Он уходит к своей заплаканной, воющей от горя и злобы родне. Но Чихорию не оставляют в покое. Мужчины в нелепых шляпах и кожаных куртках, одетые будто в униформу, рассказывают офицеру, что приехали издалека (из Красноярска, Читы, Магадана, Челябинска, Кокчетова...). Приехали, узнав о горе ингушского народа, изгнанного из Осетии, из своих домов, со «своей» земли. Своим военным умом Георгий делает вывод, что все они съехались почти одновременно, отправившись в путь загодя, после взрыва какого-то трубопровода. «Неужели все было спланировано?» — не верит себе Чихория и приваливается спиной к облупившейся стене КПП. Ноги его гудят от усталости. Сесть негде. Он приперт к стене психологическим прессом ингушей, и ему некуда деться.

— Зачем вы вмешались? — буравят Чихорию вопросами и упреками. — Мы бы этих осетинских собак сами передушили. Вы только все испортили... Вы даже оставленные нами дома грабили. Вас люди видели, как вы узлы с добром таскали в полк.

— Мы таскали их по просьбе жителей этих домов. Они сейчас под нашей охраной, в полку. Не надо наводить тень на плетень, — отбивается от нападков Георгий.

Приходит Сергей Невестин, уводит Георгия за ворота, рассказывает, как проверял посты на аэродроме.

— Бойцы в окопах по колени в болоте, холод собачий, а они спят! Вот идиоты. В третьей роте ингуши солдата в доску наполнили... Но, с другой стороны, замучились все до невозможности... — вздыхает Невестин. — Иду к постам, а над головой, в

дерево — пуля. Шмяк! Смачно так, сочно... Я даже и не понял: пугают или специально в голову целились? Машина проезжает по дороге рядом с «колючкой», из окна — «та-да-дах» очередь в нашу сторону — и растворяется в темноте... А ты тут как?

— Замучили они меня, — качает головой Георгий. — Психическая инквизиция. Все сочувствие из меня выбили. После этой истории в поселке я ингушей пожалел, но теперь вся жалость выветрилась.

— Ты раньше осетинам сочувствовал, — говорит Сергей.

— Я уже им всем по очереди сочувствовал, потом всех по очереди осуждал, а теперь такая каша в голове, что уже знать ничего не хочу. Отключиться бы...

— Вляпались, — роняет Невестин и закуривает. — Поговаривают, место постоянной дислокации полка сюда перенесут.

— Я тут долго не выдержу, — крутит головой Георгий.

— Жора, два взводных из второго батальона рапорты написали на увольнение из армии.

— Ну и что? — не удивляется Чихория.

— Я тоже хочу написать, — опускает глаза Сергей. — Может быть, и ты со мной?

Георгий вскидывает брови от удивления и долго молчит. Затем, покопавшись в себе, признается:

— Вообще-то это выход. И хочется, и колется...

— Завтра утром я пишу рапорт. Лучше давай сделаем это вдвоем, — предлагает Невестин, вскинув красивое бледное лицо.

— Я подумаю, — бурчит Георгий и возвращается на улицу к нелепым шляпам и кожаным курткам ингушей.

Он слушает их рассказы до рассвета, молчит и курит... Утром на КПП приходят женщина «на возрасте» и пожилой мужчина (конечно, в шляпе и кожаной куртке). Женщина представляется Чихории начальницей местного радио, а мужчина — каким-то «замом» главы местной администрации. Они — к командованию полка. В ожидании пропуска редакторша кривит губы и рассматривает ссадины на лице Чихории.

— Уезжали бы вы отсюда, — говорит она Георгию. — Из-за вас нам, русским, теперь тут житья не будет.

— Что вы говорите?! — возмущается ее спутник, ингуш. — Что о нас могут подумать?!

Чихория не успевает ответить. Приходит посыльный с разрешением пропустить гостей к командиру. Через полчаса они выходят вместе с Савиновым. Полковой комиссар идет на радио-

узел читать обращение к местным жителям и объяснять им то, что и самому не очень понятно.

Чихория дожидается смены наряда и пишет рапорт вместе с Невестиным, требуя увольнения из армии.

— У вас что, крыша поехала, мужики?! — чешет лохматую голову Иванченко...

Перед обедом на совещании в тесной комнате штабного барака командир полка с воспаленными от недосыпа глазами трясет рукой с зажатыми в ней листиками.

— Девять офицеров рапорты написали! — широкие ноздри командира раздуваются. — Считайте, что девять изменников в наших рядах! В такую минуту! Когда полк выполняет боевую задачу!..

Тонкая кожа на черепе измотанного Савинова ходуном ходит.

— Они будут уволены! — кричит он. — Но только после того, как полк выполнит приказ! Неужели эти офицеры думают, что, подав нам свои бумажные фитюльки, они уже могут быть свободны, — это глубокое заблуждение. Покинут полк — предстанут перед военным трибуналом. Судить будем. А пока... — Савинов поворачивает изможденное лицо к командиру, — Владимир Иванович, именно роту Иванченко поставим на границе вместо десантников? Там оба командира взвода рапорта подали. Третьего взводного там нет, сержант на офицерской должности. Я чувствую, был бы офицер, и тот рапорт написал бы.

— Разбегутся с границы, — говорит командир и двигает нервными ноздрями. — Я им не верю.

— Никто никуда не разбежится, — высовывается Сашка Иванченко. — Мои люди на подстанции кровь проливали. Двое раненых. Ингушей из-под огня выводили. Никто не струсил. А эта вся политическая неразбериха действует на солдат и офицеров разлагающе. Мои взводные морально подавлены. Их понять можно.

— Правильно! — бурчит кто-то, не поднимая головы.

— Что — правильно?! — вскидывается Савинов. — Что — правильно?! Вы Родине присягали стойко переносить все тяготы и лишения!..

— Было бы ради чего! — осмелел еще кто-то из ротных. — Нам тут в рожу плюют, по ночам стреляют, Россию и армию проклинаят, а мы не смеем ответить. Все провокаций боимся. Еще и помогаем.

— А вы хотите тут большую кавказскую войну развернуть,

убивать всех, кто вам кривое слово скажет? — поднимается с места командир. — Такого не будет! Любой ценой нужно удерживать мир. Хватит крови! И с одной и с другой стороны толпы обиженных и обозленных людей. Все напичкано оружием. Тут одной спички достаточно, чтоб грохнуло, как в пороховом погребе... Да, хреновая в стране политика! Хреновая власть! И я не боюсь это говорить вам открыто. Но если и мы с вами, армия, расклеимся, то тогда Россия рухнет, как рухнул Советский Союз! Это всем понятно?!

Офицеры слушают молча, глубоко вздыхая и скрипя зубами.

Командир ждет несколько секунд, осматривая немые, со слипшимися волосами склоненные головы своих подчиненных.

— Раз всем понятно и вопросов больше нет, повторяю: на провокации не реагировать! Языки свои шустрые засуньте в задницы и терпите! Так надо! Оружие применять только в крайнем случае, когда явная угроза для жизни личного состава! И только в этом случае и ни в каком другом!

Командир замолкает, переводит дух и ищет глазами Иванченко.

— А твоя рота, раз она такая смелая, как ты говоришь... Согласен с комиссаром... пойдет на границу менять десантников! Посидите в открытом поле, чтоб служба медом не казалась. Понял?

— Понял, — вскакивает с места Сашка.

— А теперь всем приятная новость! — успокаивается командир, скользя взглядом по грязным головам офицеров. — Мой «зам» по тылу подполковник Чахкиев сейчас разворачивает за казармой полевую баню. Всем помыть личный состав! А то уже до вшей недалеко. Да и самим помыться!

Дверь внезапно распаивается. Все поворачиваются. Посыльный с КПП с перепуганными глазами кричит, глядя на командира:

— Перед воротами митинг! Ингуши орут, что какая-то военная машина стукнула «Волгу» на перекрестке и удрала! Целая толпа сюда рвется!

— Блядь! Только этого не хватало! — падает на стул командир...

Х

— «На границе тучи ходят хмуро...», — мурлычет песню Иванченко, прощаясь с десанниками. — Где же тут проходит эта самая граница?

Капитан-крепыш с голубым шевроном на рукаве пожимает ему руку:

— Где стоишь, там и граница. На дудаевцев внимания не обращайтесь. Они обычно подъезжают на «уазиках», поматюкаются в наш адрес и уезжают... В общем, держись, пехота!..

Десантники оставляют роту Иванченко перегороженное железобетонными блоками шоссе, окопы для солдат и для техники и глубокие влажные ямы под палатки. Целый день солдаты и офицеры обустроиваются: застилают деревянными лагами глинистую жижу в ямах, устанавливают в палатках печки-буржуйки, режут в земле ступеньки, стелют матрасы на ящики из-под снарядов.

— Поскольку из-за передислокации помыться рота не смогла, завтра сделаем так, — говорит Иванченко своим офицерам. — Будем ездить повзводно. Вы поочередно со своими людьми, я — с третьим взводом. Я с Чахкиевым и командиром договорился. Сделают нам баньку. А то уже сами себе воняем...

Днем, пока работали, холода не чувствовали, но ночью ветер достает всех. Часовые стучат зубами и прыгают для согрева в окопах, чавкая мокрой глиной. В палатках — ненамного лучше. Ночь высасывает тепло из буржеек и треплет выцветший брезент крыши.

— Водки бы сейчас! — мечтательно говорит Иванченко и выходит в темень проверять посты.

— Дня за три мы тут околеем окончательно, — говорит окостеневшим ртом Невестин и укрывается с головой грязно-синим одеялом.

Чихория лежит в темноте и вспоминает картину, где святой Георгий летит на белом коне, не ведая холода. Захотелось домой — к жене и дочке.

— Серега! — зовет он Невестина. — Ты почему не женишься?

— Я берегу свою будущую жену от тягот замужества за ванькой-взводным, — ворчит из-под одеяла Невестин. — Уволюсь из армии — тогда и женюсь, не хочу, чтоб моя семья всю жизнь на чемоданах жила.

— Может, ты и прав. Просто мне батя помог и с местом службы, и с квартирой. А так, таскал бы Майю с дочкой по стране из конца в конец, по сопкам и тундрам. Жалко их.

— Взводным и даже ротным командирам нужно специальным верховным приказом запретить жениться. Как когда-то при

царе было. Семья и наша служба — две вещи несовместимые, как селедка и шампанское, — говорит Сергей из-под одеяла.

— А я привык быть женатым, — вздыхает Георгий. — Щас скучаю.

— Поэтому и нельзя военному жениться, что скука наваливается и на офицера, и на семью, — подытоживает Невестин и ворочается от холода. — Скука — помеха службе.

Георгий не спорит, молчит и скучает в одиночку... Наутро, после приготовленного на кострах завтрака, первым в баню едет взвод Чихории, затем в лагерь полка отправляется команда Невестина. Глядя на вернувшихся розовощеких, посвежевших солдат, Иванченко выстреливает тут же сочиненную частушку:

Но не было воды нигде,
Мы не могли помыть муде,
Зато теперь помыли —
И — ожили!

— Спасибо Чахкиеву! — говорит Чихория. — Даже белье поменял.

— Да, — задумчиво говорит Иванченко. — Толковый он мужик. Но теперь, после этой осетино-ингушской разборки, его карьере крышка. Пусть радуется, что хоть до подполковника дотянул. Ингушам теперь ходу в армии не будет.

— Как говорил мой отец, — вспоминает вдруг Георгий, — радуйся, сынок, что с Грузией не воюем.

Иванченко долго смотрит на Чихорию и все-таки решает высказаться:

— Такая жизнь пошла, Жора, что ничего исключить нельзя. Может, и правильно, что ты рапорт написал на увольнение. Хотя... есть время передумать и изменить решение.

Ответа ротный не ждет, а сразу переходит к распоряжениям перед отъездом в лагерь полка.

— Остаешься за меня, не расслабляйтесь тут! Я постараюсь пузырь водки привезти. Как говорил Суворов: «После бани — займи, но выпей!» Тем более колотун такой, что коньки откинем ночью. Боюсь, как бы после бани люди не простужались... Распорядись, чтобы из лесополосы дров натаскали. Пусть костры жгут и греются, — и ротный залезает в кабину урчащего «Урала»...

Три «уазика» подкатывают к позициям роты почти сразу пос-

ле отъезда Иванченко. Будто следили. Машины, на высокой скорости вылетев из-за лесополосы, тормозят на пашне, скользя остановившимися колесами по влажной глине. Распахиваются двери, и бородачи в камуфляже и черных беретах с автоматами рассыпаются вокруг машин.

— Стоять, старлей! — кричит Чихории рослый боевик в темных очках. — Кто дернется — продырявим на месте!.. Оружие сложить в кучу!

Распаренные, расслабившиеся солдаты, открыв рты, смотрят на бородачей и в черные зрачки автоматных стволов.

— Кто не понял? — нервно кричит боевик.

Солдаты, не успевшие даже занять свои места в окопах, толпятся у палатки, не решаясь снять с плеч автоматы. Они запуганы инструктажами начальства не применять оружие и обескуражены наглостью чеченских боевиков.

Чихория смотрит на среднюю машину. Рядом с водителем он видит хищный профиль Джохара Дудаева и его горящий глаз. Георгий не отрывает взгляда от генерала. А тот поворачивает к нему лицо и кривит в улыбке тонкие усы. Пока Чихория замагничен, к нему приближается командир боевиков.

— Я сказал: оружие в кучу! — цедит он сквозь зубы.

Георгий наконец отрывает взгляд от Дудаева и смотрит на темные очки, не в силах сообразать.

— Руки вверх! — звучит вдруг тонкий голос Невестина, втихоря выбравшегося из палатки с автоматом в руках, но не рискующего открывать огонь.

В Невестина стреляют от бедра, вгоняя пулю в живот.

Чихория вздрагивает от выстрела и тут же получает прикладом в лицо...

— Передай своему начальству, — доносится до его помутившегося сознания, — что чеченцы не потерпят здесь свинячьей русской армии! Пусть отводят войска! Иначе мы вас, засранных вояк, опозорим на весь мир. Понял?!

Георгий лежит на сырой земле, видя над собой сквозь туман темные очки... Когда он поднимается, три «уазика» вместе с боевиками и оружием роты уже уходят вдаль. Невестин стонет и корчится от боли у палатки. Растерянные солдаты, не зная, что делать, топчутся возле него, как стреноженные кони...

Через полчаса ошалевший Иванченко, перетаскивая в машину Невестина, бормочет:

— Позор! Ешь-твою-вошь! На час отлучился!

— Радуйся, что отлучился. Теперь все шишки полетят на меня, — равнодушно говорит потрясенный Георгий, загружая в кузов стонущего Сергея.

— Какой радуйся?! Какие шишки?! Позор на весь свет! — глаза Иванченко вылезают из орбит. — Отмудохали, как сопливых пацанов, да еще оружие забрали!.. Жора, сука, как ты мог клювом прощелкать три машины?!

— Они не по шоссе шли, а по пашне. Из-за лесополосы подкralись, — мямлит Чихория, размазывая ладонью кровь под носом. — Дудаев в машине сидел, я и растерялся.

— Растерялся! Дудаев! — хлопает себя ладонями по коленкам Сашка. — Ну и хули?! Надо было вмазать из всех стволов, чтоб дребезги полетели!.. Манда ты, Жора!

— Инструкция не позволяла. Тем более Дудаев — президент республики. А вдруг — провокация? — сердито бурчит Георгий. — Угрозы для жизни людей не было.

— А это что?! — тычет пальцем в кузов на Невестина. — Не угроза?!

— Саня, хватит орать, ну тебя в задницу! — машет рукой Чихория. — Езжай быстрее в полк и докладывай. И Серегу спасешь, и с нами быстрее все определится...

— Чего тут определяться?! Трибунал нам с тобой однозначно! И позор по гроб жизни! Причем это позор всей Русской армии! И у этого позора — наши с тобой имена!

Георгий садится на землю и опускает голову. Иванченко, задыхаясь от злости, садится в кабину и с силой лязгает дверцей. Пока водитель запускает двигатель, Сашка выскакивает из кабины и подходит к Чихории.

— Жора, поклянись, что не застрелишься!

Георгий обхватывает голову руками, медленно раскачивается всем телом и молчит.

— Поклянись дочкой, что не застрелишься! — повторяет на крике Иванченко.

— Клянусь, — наконец выдавливая из себя Чихория и добавляет уже равнодушно: — Да и стреляться не из чего. Они все автоматы забрали.

— А пистолет? — вспоминает Сашка. — Дай сюда пистолет! Георгий не двигается.

— Дай сюда пистолет, я сказал!

Иванченко наклоняется и сам достает «Макарова» из кобуры своего взводного.

— Вот так будет спокойнее, — и снова лезет в машину. Чихория продолжает сидеть на сырой земле, и Сашка, оглядываясь назад из кабины, долго видит его сторбенную спину...

XI

Роту убирают с позиций в этот же день. Возвращают десантников. В Москву летят доклады об успешном налете Джохара Дудаева и его «гвардейцев» на подразделение федеральных войск. Досада и ругань царят в генеральских и правительственных кабинетах. В плевках и матюках уезжает рота Иванченко во Владикавказ. В ожидании разбирательства ее прячут подальше от людских глаз — на полигон, для охраны беженцев-ингушей, до сих пор не эвакуированных...

Чихория вспоминает парализованную в прошлом году нерешительностью Москвы грозненскую дивизию генерала Соколова, опозоренного дудаевцами. Сравнивает судьбу генерала со своей и долго не оставляет мысль о самоубийстве. Но за ним зорко следит Иванченко, а дома Майя не дает ему даже в ванной остаться одному, чтоб вены не порезал.

— Гарик, что ты переживаешь? — журчит ее голос. — Ну, уволят тебя из армии. Ну и что? Жизнь спокойней будет. Может, это и к лучшему... Нет худа без добра. Вон даже нос тебе прикладом выправили. Операция теперь не нужна, — улыбается жена. — Тут, в городке, никто тебя не осуждает. Ведь все простые офицеры и их жены понимают, в каких условиях вы оказались. Как это так: ввести войска и запретить им применять оружие?! Идиотизм! Каждый мог, да и может еще, попасть в подобную ситуацию. Плюнь и разотри!

Георгий равнодушно слушает Майю, смотрит на играющую в кубики двухлетнюю Тамару и вспоминает свою клятву дочкой, данную Иванченко на границе с Чечней. Душа его ноет, и сердце тонет в крови. Святой Георгий на белом коне летит над ним, презренным, и Чихория теперь стыдится своего имени...

У въезда на полигон митингует сотня осетин, у которых родные — в заложниках у ингушей. Железные прутья и палки в руках.

— Вы укрываете не беженцев, а бандитов! Они убивали наших женщин, стариков и детей! — кричат ожесточенные люди. — Они всех осетин, которые жили в Чечне, обратили в рабов! Они забавляются и торгуют нашими сестрами, как тварями!

Перед закрытыми воротами стоят солдаты. Но на них напи-

рают, оттесняя к железным створкам. На шум прибегает Чихория и кричит:

— Люди, опомнитесь! Тут точно такие же несчастные женщины, старики и дети, как и ваши соплеменники на «той стороне»!..

Юркий парень в дутой болоньевой куртке с наркотическим блеском в глазах подскакивает к Георгию и тычет в него потной рукой.

— Посмотрите! Он же не русский, он — грузин! Эти подлые грузины убивали наших братьев в Южной Осетии и тут нам житья не дают! Бейте его, люди! — кричит он с пафосом.

Толпа закипает и наваливается на Чихорию. Юркий парень достает из дутой куртки приготовленную для ингушей заостренную спицу и сует ее под ребра офицеру, нанизывая на свой кавказский шампур измученное сердце Георгия. Чихория оседает на землю, цепляясь слабеющими руками за одежды бурлящих вокруг людей.

— Убили! — кричит женщина, следя за потухающими глазами офицера, и народ расступается...

Через две минуты старший лейтенант Чихория умирает. Через два часа его больной отец, полковник Чихория, вскакивает на ноги и тут же падает от инсульта.

Через два дня в шестнадцатилетнем сердце сестры Георгия Светланы Чихории — умирает любовь к однокласснику-осетину.

Через две недели с холодных вершин Кавказа в долины сползает зима.

Через два месяца Иванченко и поправившийся Невестин увольняются из армии.

Через два года в Чечне начинается война.

ЗАБЫТАЯ МЕЛОДИЯ ДЛЯ СМЕРТИ

Повесть

1

Приказ о командировке был неожиданным.

Капитан Васильев вышел из штабной палатки и проверил командировочные документы. Теплый ветер погладил усеянные печатями и штампами листики, предписывающие Васильеву и двум солдатам полка убыть в Ростов-на-Дону. Женя поднял лицо к солнцу, закрыл глаза и, понежившись весенним теплом, закурил.

Добродушный март шлялся по палаткам, выгоняя на улицу солдат и офицеров.

— Жень, ты че — в командировку домой собрался? — спросили у Васильева с веселой завистью. — Дождался бы уж конца войны, тогда бы и рвал когти, — и захохотали.

— Хрен его дождешься... На опознание еду, — буркнул в ответ Женя, и шутники сразу увяли: всем известно, что при опознании предстоит ворошить в морге замороженные останки погибших ребят.

«И все же — домой... Хоть на пару дней из этого пекла», — думал с умиротворением Васильев...

На аэродроме, как обычно, Жене вымотали душу, пока внесли фамилии командированных в полетный лист и разрешили вылет. Когда затасканный транспортный самолет был уже в небе, Васильев уснул тревожным фронтовым сном...

Ростов заплесневел от мокрого снега. Над городом стоял пар.

Устроив солдат на ночлег, Женя позвонил другу и поехал к нему. Выпили водки. «За жисть» говорили нервно. Васильев никак

не мог расслабиться. Он переоделся в «гражданку», которую привез с собой. В форме ехать домой не хотел. Из-за жены.

Это была его вторая жена. С первой жизнь не пошла. Из-за развода не пошла служба. Васильев начал сесть, а все еще ходил в капитанах. В его подъезде не жили капитаны. Только майоры и подполковники. В основном Женькины одногодки. Некоторые даже моложе. Для «капитана» Васильев был староват. И это волновало его жену.

— И сдохнешь без музыки, — злилась она. — Майорам, тем после смерти хоть военный оркестр положен на похороны.

— Я перед смертью с полковым дирижером договорюсь. Бу-тылку поставлю — он что хочешь сыграет, хоть реквием, хоть «...капитан, никогда ты не будешь майором», — отшучивался Васильев.

— Они что, умней тебя?! — наседала жена, имея в виду соседей. — Вон Савченко в анкетах пишет: «Образование — ВЫС-ЧЕЕ». А «подполковника», смотри, хапнул!..

Васильев в такие моменты брал сигареты и шел на улицу. Ему было обидно. И за неудавшуюся карьеру, и за жену, оказавшуюся глупой скандалисткой. Когда она шла рядом с одетым в форму Женькой и встречалась с соседями, то краснела и прятала глаза — стеснялась мужниных капитанских погон.

Васильев щадил жену. Он старался не появляться с ней вместе на виду у соседей. Даже к себе на пятый этаж Васильевы умудрялись подниматься как-то автономно, будто не знакомы между собой. Женя рад был почаще носить «гражданку», но служба оставляла для этого редкие дни, а в эти редкие дни — редкие часы.

Дома Васильев не был пять месяцев. Он поднялся по лестнице, поставил чемодан и, сделав глубокий выдох, нажал на кнопку звонка. Откуда-то снизу, за дверью, прозвучал чуть охрипший детский голос его четырехлетнего сына:

— Мамы дома нет. Она в магазине. Будет че'ез час.

У Васильева посерело в глазах. Он присел и, забыв про ключ от квартиры, который лежал у него в правом кармане, прошептал в дверную щель:

— Санек, почему ты не в садике?

— Я заболел и п'остудился, — прохрипело в ответ.

Женя вспомнил про ключ. У него дрожали руки, и он еле попал в замочную скважину. Боясь задеть сына, Васильев ти-

хонько приоткрыл дверь. Родное его дитя, чуть подросшее, с бинтом на шее, похожем на воротник испанского гранда, родное его дитя, с испуганным и внимательным взглядом, понемногу пятилось от отца в комнату. Васильев, растопырив руки, пошел на ребенка, как медведь. Саня уже безо всяких сомнений отступал перед этим худым чужим дядькой с обвисшими усами. Васильев на одеревеневших ногах шел за сыном, приседая все ниже и ниже. Ребенок развернулся к нему спиной и побежал, унося на тоненьких ножках свое простуженное тельце.

— Санек!.. Стой!.. — задыхаясь, командовал Васильев.

Он устремился за сыном, споткнулся о порожек комнаты и упал на колени, и без того уже готовый ползти. Сын убежал от него, добрался до угла, скривил губы и тихо, безнадежно выдохнул: «Мама!» — Глаза его были широко открыты и сверкали влагой, а ладони выставлены перед собой для защиты.

Женя подполз к нему на непослушных коленях, сгреб сына в охапку, погасив детское сопротивление, и прижал к себе. Ребенок упирался, засучил ногами, захрипел маленькой грудью. Васильев уткнулся головой в стену, прижал сына к себе сильнее и, пока тот не перестал биться об него и не затих, неловко подломил руки, долго шептал над ним деревянными губами:

— Сынок, не бойся... Я ж твой папка...

Потом жена душила Васильева в объятиях, терла щеки, чмокала в усы... Она готова была его съесть, а на следующий день сказала, дрожа тонкими ноздрями:

— Ты только выслушай спокойно и не кипятись... Я больше не могу на их самодовольные рожи смотреть. Я сказала, что уже послали представление на майора...

Васильев взял сигареты и вышел на улицу.

2

Чеченская мина с кавалерийским свистом перемахнула через глиняные холмы и радостно лопнула на командном пункте батареи Васильева. Женя охнул от боли в ноге и нехотя, медленно прилег на расквашенную дождем и пудовыми солдатскими сапогами землю. Прорванная штанина под правой коленкой ржавела от крови. Батарейцы кинулись к Васильеву, побледневшему от обиды на судьбу.

— Без суеты давайте, — прошептал Женя белыми губами и закусил кончик черного уса. — Старшему офицеру батареи принять командование на себя! — стараясь придать голосу началь-

ственную уверенность, распорядился Васильев и уцепился за плечи двух солдат.

Пока артиллеристы с боевиками переплывались снарядами, Женя лежал без штанов на грязном матрасе и тупо глядел на белую повязку вокруг правого колена. Полиэтиленовая пленка, заменявшая стекла на окне расстрелянной кирпичной халупы, вздувалась от пальбы и взрывов. Васильев попытался встать, но скрипнул зубами от боли и снова затих, на слух определяя места падений «духовских» мин. «Плохо бьют, — размышлял Женя, — видно, из кузова машины пуляют на ходу. Вряд ли еще попадут...»

В приемном отделении госпиталя была очередь в три человека. Васильев сел на скамейку, выкрашенную в белый цвет. Между ног поставил палку-трость, которую ему отшлифовал из найденной на берегу коряги старшина батареи. Портфель с вещами запихнул под лавку. Ждал недолго.

— Феликсовна! — позвала вдруг кого-то молоденькая дежурная, не поднимая головы от журнала, в который записывала биографические данные и номера войсковых частей больных и раненых.

Появилась грузноватая медсестра в мягких шлепанцах на босу ногу. Она умными серыми глазами посмотрела на офицеров и увела в перевязочную лейтенанта с распоротой щекой в засохшей крови.

— Так, что у вас? — дежурная взглянула на Васильева.

— Да вот, — замаялся вдруг Женя, — нога...

— Что — нога? — дежурная иронично улыбнулась, уловив Женькино замешательство.

— Ранение, — Васильев опустил глаза, начиная злиться и на себя за смущение, и на милостивую медсестру за ее иронию.

— И когда вас ранило? — выключила улыбку дежурная.

— Да с неделю назад, — Женя закусил ус.

— Что же раньше не обратились?

Васильева тяготил разговор, вся эта необходимость объяснять юной дурочке обстоятельства ранения и причину того, что он обратился в госпиталь так поздно. Тем более что лечить она его все равно не будет. Ее забота — сделать запись в журнале и передать раненого врачам. Но медсестра смотрела на Женю и ждала ответа. Понятное дело — она «при исполнении»... И Васильев, вздохнув, пустился в объяснения:

— Поздно обратился потому, что был «на точке», километрах

в двадцати отсюда. Пока начальству доложил, пока дождался замены батареи... В общем, раны уже начали зарастать. А ходить больно...

И опять Васильев смутился, потому что пришлось признать-ся симпатичной девушке, что ему, здоровому тридцатичетырех-летнему мужику, боевому офицеру артиллерии, — больно.

— Ну, ладно, — дежурная принялась записывать в журнал Женькины фамилию, инициалы, возраст, номер войсковой части, причину обращения за медпомощью и еще что-то.

Пока писала, ушел лейтенант с зашпаклеванной щекой. В приемном появилась медсестра, которую дежурная с уважением звала Феликсовной, хотя та была на вид не старше Васильева. Достав из кармана халата сигарету, она обратилась к Жене:

— Извините, у вас огня не будет?

Васильев опять столкнулся взглядом с ее серыми умными глазами, и ему вдруг захотелось подпилить столб ее учтивого равнодушия.

— Это смотря какого, — сказал, доставая спички, — огонь в душе был, да весь вышел, осталось вот — кресалом высекать искру.

— Спасибо, — Феликсовна, прикурила и вернула Жене коробок. Женькина дешевая хохма осталась без внимания.

Чтоб не дымить в приемном, вышла на улицу. Васильев не видел, как она там курила, но почему-то был уверен, что курит не по-женски, а по-мужски, без изящества и манерного выпуска-ния дыма, держа сигарету сильными пальцами с коротко остриженными ногтями. «Видно, операционная сестра», — подумал Женья. Он слышал, что операционные медсестры не могут позволить себе длинные ногти.

— Вам нужно к хирургу, — оторвалась от журнала дежурная, закончив записывать. — Это знаете как пройти... — и начала было рассказывать, как искать хирурга, но вернулась Феликсовна.

— Не надо объяснять, я провожу, — сказала она, задержав взгляд на Женькиной обструганной коряге. — Все равно никого на приеме нет... Портфель оставьте. Вы сюда еще вернетесь...

Даже с помощью своей клюки Васильев шел с трудом. Под ногами похрустывали мелкие камешки.

— Я так поняла, что у вас осколочное? — спросила Феликсовна, искоса поглядывая на Женькины ноги.

— Под коленку, — Васильев рад был, что медсестра сразу заговорила. — Не сквозное... Пара осколочков, кажется.

— Значит, лежать будете у нас, в хирургии. — Феликсовна сделала паузу и тут же пояснила: — Я не из приемного. Просто девочкам помогаю.

— Я так и понял, что вы — операционная медсестра, — улыбнулся Женя, радуясь своему меткому попаданию.

— Почему вы так решили? — удивленно взглянула на него Феликсовна. Впервые Васильев увидел проявление ее эмоций.

— Да так, — замялся Васильев, стыдясь признаться.

Пауза. Хрустят камешки под ногами и «тростью».

— Вы наблюдательны, — опять уверенно и равнодушно заговорила сестра. — Вы догадались по моим рукам.

Она не спросила, она сделала вывод. И Женя промолчал, томясь вопросом: «Интересно, она когда-нибудь улыбается?»

— Вот в эту дверь, — кивнула Феликсовна. — Хирург выпишет вам направление. С ним вернетесь в приемное отделение. А там девочки вас переоденут и так далее... Счастливо! Я думаю, скоро мы с вами встретимся в операционной.

— Спасибо! — Васильев хотел еще что-то добавить, но медсестра уже удалялась на пружинистых полных ногах, высоко держа голову с соломенно-светлой копной волос.

«Конь, а не баба, — подумал Женя. — Как танк идет... Хотя нет. Скорее как БМП. Грузновато, но не без изящества...» И постучал в дверь хирургического кабинета...

Воздух операционной нокаутирующе ударил Васильева в нос. Медсестры, и среди них Феликсовна, позвякивали сверкающими инструментами. Врач, разглядывая на свет рентгеновские снимки Женькиного распухшего колена, диктовал:

— Операция несложная. Так что не волнуйтесь. Анестезия местная. Будет больно — скажете. Еще укольчик сделаем, подморозим. А то, я так думаю, повозиться придется.

— Возитесь, — бледнел Васильев, в его голове зашумело от запаха лекарств и страха. — Только ногу не отнимайте.

— Да зачем нам ваша нога, — повернулся к Женьке с улыбкой хирург. — «Костыль» свой отложите и раздевайтесь!

Феликсовна подошла к Васильеву и улыбнулась:

— Раздевайтесь и ложитесь на живот, разведчик!

— Я не разведчик, — Женя стал расстегивать ядовито-синюю госпитальную куртку, — я артиллерист.

— Жаль, — с вашей наблюдательностью вам цены бы не было

в разведке... Кстати, вы не обидитесь, если мы вас ремнями привяжем? Мало ли что...

— Привязывайте, чего уж там, — крихтел Женька, укладываюсь на стол и стесняясь своей наготы. — Надеюсь, после операции отвяжете?

— Посмотрим на ваше поведение, — Васильев не заметил веселую искру в глазах Феликсовны.

— Ну что, артиллерист? Пли? — услышал он над собой стартовую фразу хирурга и вздрогнул от укуса шприца с обезболивающим...

— Терпишь? — спрашивал врач, кромсая Женькину плоть.

— Терплю, — цедил сквозь зубы Васильев, стараясь продемонстрировать Феликсовне свое мужество.

— Не ври, капитан, — утирая трудовой пот, выдохнул хирург. — Мы в тебе давно ковыряемся. Заморозка должна уже отходить... Ольга Феликсовна, воткни ему еще порцию, — и звякнул об миску вынутым из Женьки осколком.

— Вот спасибочки за вашу заботу, — крихтел Васильев, кусая усы. — Осколки-то хоть на память отдадите?

— Все твои будут, — хмыкал хирург, запуская в развороченную ногу блестящую железяку.

— Не даром, конечно, отдадим, — подала голос Феликсовна. — Мы вам — осколки, а вы нам — свою трость.

— Понравилась? — Женька задыхался от боли.

— Очень уж живописная оглобля... Где вы только такой дрын нашли? — При этих словах Феликсовны медсестры фыркнули.

— Нужда заставит, не то что дрын — метлу со ступой найдешь, — грыз губы Васильев. — Но я так понимаю, что с этого стола своим ходом до палаты не дойду. Так что палочка мне еще пригодится.

— А мы вам нашу фирменную дадим. У нас есть запасец...

Но Женька не уловил смысла. Язык отяжелел, в ушах зазвенело. «Только бы не заматериться», — подумал перед тем, как рухнуть в темную яму обморока...

3

Вздоравливающий Васильев пока еще не мог обойтись без своей клюки и, опираясь на нее, бродил перед баракком хирургического отделения, переговариваясь с ранеными и покуривая сырые сигареты «Ростов».

Стоял тихий и теплый май.

Солнце приземлилось на аэродроме, невидимом для Женьки, но слышимом из-за стрекота вертолетов, и сумерки незаметно, как опьянение, стали заполнять организм госпиталя. Подходило время ужина. Васильев думал об Ольге Феликсовне, которая сегодня кого-то подменяла на дежурстве и сейчас сидела у телефона, читая толстую книгу под настольной лампой, не обращая внимания на шаркающих казенными тапочками солдат и офицеров.

— Что это вы за литературные вершины штурмуете? — попытался подъехать к ней Женя. — Может, мне почитать дадите?

Но Феликсовна, закаленная гусарскими наскоками многочисленных кавалеров из раненых, равнодушно отбила выпад:

— Вам неинтересно будет. Тут о пушках ничего нет, — вздохнула и все-таки призналась: — Дэвид Вейс, «Возвышенное и земное», о Моцарте.

— И что же там возвышенного? — не отступил Васильев, заставив Ольгу оторваться от книги и повернуть к нему лицо с тонкими высокими бровями, почти лишенное следов косметики.

— Возвышенного мало. В основном земное.

— Жаль, — Женя стушевался под взглядом Феликсовны и, неожиданно для самого себя, стал кокетничать: — А то так надоело земное, хочется возвышенного.

— Значит, надо было не в артиллеристы идти, а в летчики. Они из всех военных самые возвышенные.

Это был приговор, но Васильев все же оставил последнее слово за собой:

— Поздно, да и невозможно. Как говорят летчики: «Рожденный ползать — уйди со взлетной полосы!» — и захромал на улицу скучать.

Феликсовна смотрела ему вслед, все еще пробуя на вкус это горькое «уйди со взлетной полосы». Какое-то время она не могла настроиться на чтение, думая об этом хромом черноусом капитане с заметно начавшей сесть головой...

Васильев курил возле барака, посматривая на запад, где на шумном аэродроме приземлялось солнце. Где-то в той стороне, в неблизком отсюда Ростове-на-Дону, в маленькой двухкомнатной квартире были его раздражительная жена и любимый сын. Васильев вспомнил мартовскую командировку и начал ковыряться в своих чувствах, пытаясь понять — скучает он по жене

или нет. Вспомнил ее упругое, полное огня тело... Выходило — скучает.

Рядом с баракком прогуливались раненые, разговаривая вполголоса.

Мимо Васильева вдруг пробежала, тяжело дыша, девушка в джинсах, юркнула в хирургию и громко хлопнула дверь. Через минуту она выскочила, но уже с Ольгой.

— Что случилось, Ольга Феликсовна? — встрепенулся Васильев.

Феликсовна словно споткнулась от его окрика, на секунду задержала взгляд на Женьке и неожиданно резко скомандовала:

— За мной, артиллерист! Может, пригодишься. — И быстро зашагала сильными ногами куда-то в глубь госпиталя мимо фанерных барачных отделений и ядовито-синих курток раненых. Васильев, подскакивая на одной ноге, еле догнал женщину.

— Так что случилось? — запыхавшись от преследования, встрял в разговор Женька.

На него не обращали внимания. «Джинсовая» девушка, размахивая руками, быстро говорила:

— ... Вся в слезах, растрепанная. Я ее останавливаю, а она — шаст в свою комнату. Я за ней. Смотрю, берет Витькин пистолет, обойму патронов и к выходу. Я за дверь уцепилась. «Не пуш!» — говорю. Она как врзалась в меня всем телом, я аж в коридор к противоположной стене вывалилась. В общем, убежала она... Ой, что будет?!

— Та-а-ак... Спокойно, спокойно, — шептала Феликсовна, вырываясь вперед и заставляя Васильева подпрыгивать на одной ноге, чтобы не отстать.

— Мы куда направляемся? — Женька задыхался от подскокиваний.

— На «мыльный пузырь», — не оборачиваясь, сказала Ольга.

— Куда-куда? — удивился Васильев.

— На банно-прачечный комбинат, — пояснила девушка.

У входа в большую палатку «мыльного пузыря» стоял бледный молоденький лейтенант, освещенный льющимся изнутри светом. В нескольких шагах напротив — медсестра, почти девочка, в белом халате. Двумя вытянутыми руками она держала пистолет.

— Скотина ты паскудная! — медсестра из последних сил сдерживала рыдания.

Лейтенант стоял с остекленевшим взглядом, беззвучно шевеля тонкими губами.

Васильев, забыв про раненую ногу, рванулся вперед, обогнав на секунду Ольгу, размахнулся своей корягой и сверху вниз сильно и точно ударил по пистолету. Сверкнув в полоске света вороненым стволом, пистолет шмякнулся под ноги. Феликсовна тут же, как большая белая кошка, прыгнула на медсестру и повалила ее на землю. Васильев стрел оружие в карман. Ольга возилась с бьющейся в истерике девочкой. Крики, плач, шуршание камней под дергающимися телами — все это длилось довольно долго. Васильев поглядывал то на стройного офицера, стоявшего столбом, как зацементированного, то на Ольгу, цепко удерживающую медсестру. Ольгой он залюбовался, как любят умелым разведчиком, взявшим «языка»...

— Пистолет пусть будет пока у тебя. И подстрахуй меня там на дежурстве. Я скоро буду, — скомандовала Ольга Женьке. — А ты чтоб через пять минут был дома! — бросила лейтенанту и вместе с «джинсовой» увела в темноту вечера дрожащую, преданную мужем медсестру.

— Пистолет, наверное, мой? — подал наконец голос незастреленный бледный офицерик, приросший к земле.

— Не волнуйся, не потеряю. Скажи спасибо, что живой! — отрезал Васильев и захромал к хирургическому отделению, оставив остолбеневшего лейтенанта у палатки.

Он шел медленно, прислушиваясь к боли в раненой ноге, прокручивая в памяти решительный марш Ольги к «мыльному пузырю», ее жесткие распоряжения, которые ему почему-то очень хотелось выполнить...

Спустя полчаса Феликсовна вернулась на дежурство.

— Раненые не вызывали, никто не звонил, не спрашивал? — она внимательно посмотрела на Васильева, едва справляясь с волнением. Видно, только теперь ее накрывал страх от того, что могло произойти у палатки.

— Все нормально, — успокоил Женя.

— Пойдем покурим, — и, взяв его под руку, повела на улицу, в пятно света, падающее из окна.

— Извини, что я так резко перешла на «ты», — сказала, выдохнув дым.

— Ничего. Я даже рад. Надеюсь, выкатить мы с тобой уже не будем?

— Просто ситуация такая... «чэпэшная», — проговорила Оль-

га, не реагируя на Женькин вопрос. Затем вплотную подошла к Васильеву, положила горячую ладонь ему на руку и, посмотрев в глаза, сказала: — Спасибо тебе за помощь! Не знаю, что бы мы, бабы, одни делали...

— О-о-о, глядя, как ты эту девочку завалила, я понял, что и без мужика бы справилась.

Ольга улыбнулась, отняла руку, и Васильев, чувствуя теплый след ее ладони, дрогнул сердцем и пожалел, что прикосновение было таким скоротечным. Феликсовна, глубоко затягиваясь дымом, покачала головой:

— Хорошо, что мы у тебя эту корягу не забрали. Костылем ты бы по пистолету не попал, — и засмеялась, обнажив ровные красивые зубы.

Васильев впервые видел ее смеющейся и сам зашевелил усами в улыбке. Тепло разлилось у него в животе. Хотелось еще говорить и смеяться. Но Женька вспомнил про пистолет.

— Кстати, оружие у меня. Заберешь?

— О Господи! — вздохнула она. — Заберу, конечно... Придется отдать этому сопляку.

— А что, собственно, произошло? — Женька наконец осознал, что так и не понял, из-за чего разгорелся пожар.

— Этот лейтенант — начальник банно-прачечного комбината. — Ольга говорила почти без эмоций. — Чуть ли не сразу после училища сюда приехал. А в моей комнате девочка жила. Из терапии. Наивная, добрая... Стася... Станислава (она полька наполовину). Познакомились. Встречались. Влюбились оба. В общем, решили пожениться. Командир их отпустил к родителям в отпуск, дал отдельную комнату в бараке. Короче, все условия для молодоженов... Прошло пару месяцев. Парень, видно, еще не перебесился. К тому же у него на этом «мыльном пузыре» куча бабья работает. Девки прожженные — огонь, воду и медные трубы прошли. Вот какая-то и решила «захомутать молодняк», как они выражаются... Стася дежурила, а этот, который «муж-объелся груш», в палатке, где белье сортируют и гладят, с кем-то из своих баб любовь затеял. Стася прибежала домой на ужин (ну и этого охламона покормить), его нет. Она — на «мыльный пузырь». А тот девку на колени угнездил и развлекается. Стася в шоке побежала домой за его пистолетом... Короче, остальное ты знаешь.

— Да-а, вот тебе и возвышенное, и земное. — Женька посмотрел себе под ноги, подумал и спросил: — И что же будет дальше?

— А Бог его знает... За Станиславой девочки присматривают, на дежурстве ее заменили. Но главное, что все живы-здоровы и обошлось без шума. Кстати, надеюсь, ты понимаешь, что эта история — между нами? — Ольга направилась в отделение.

— Могла бы не говорить, — слегка обиделся Васильев, догоняя ее.

Сам не зная почему, Женя уже хвостом волочился за Феликсовной. Она в барак, и он за ней. Она на пост дежурной, и он рядом. Ольга хотела было взяться за книгу, но неудобно стало так явно игнорировать Васильева. Связывающая обоих тайная спасательная операция вынуждала ее быть поделикатнее. Хромо́й капитан не раздражал назойливостью и не говорил глупостей. Но главное, несмотря на шутки, вряд ли был беспечным весельчаком. Скорее наоборот.

Надо было забрать у капитана пистолет.

— Да, — вспомнила вдруг Феликсовна, — ты же из-за всей этой катавасии ужин пропустил!

— Ничего! — замялся Васильев, чувствуя голод, — стройнее буду.

— Нет, ну что ты! Я сейчас раздаю лекарства, организую народу «отбой», доложу дежурному по госпиталю, и мы пойдем ко мне чаю попьем. Ты не против? — Ольга опять говорила почти без эмоций. — Там и отдашь мне эту «железенькую штучку».

Женя понял, что слово «штучка» Феликсовна употребила для посторонних ушей. Поужинать у нее «дома» согласился сразу.

4

В фанерной комнатке голая лампочка тускло освещала три железных солдатских кровати, старый желтый платяной шкаф и стол у узкого окна. На краю стола примостился однокассетный магнитофон.

— Ты с кем живешь здесь? — огляделся Женя.

— Одна кровать была Стасиной. Это которая мужа сегодня застрелить хотела. А вторая Валина — той девочки, что за мной прибежала. Она в терапии со Станиславой работает. Кстати, подменяет ее сейчас на дежурстве.

Женя вроде бы небрежно, но на самом деле очень внимательно осматривал жилище Феликсовны. Ольга возилась в углу за шкафом, где стояла электроплитка. Для ускорения процесса

чайник не поставила, а налила воды в эмалированные кружки и воткнула кипятильник.

— Открывай консервы и порежь хлеба, — бросила она Васильеву, который стоял с клюкой посреди комнаты, не зная, куда себя определить.

Орудя ножом, искоса поглядывал по сторонам.

На обратной стороне шкафа, отделявшего кровать от «кухонного угла» и входной двери, Женя увидел фотографию, припиленную кнопкой. На снимке молодая, лет двадцати, Феликсовна стояла рядом с солидным мужчиной в морской фуражке. У мужчины такой же, как у Ольги, крупноватый нос и характерный разрез глаз.

— Это отец? — спросил Васильев.

— Хм... Так и знала, что ты начнешь шарить взглядом по хате, — весело хмыкнула Ольга. — И предполагала, что к фотографии прицепишься... «Замечательный» ты человек, в том смысле, что все замечаешь. С таким опасно.

— Опасно — что? — Женя довольно ухмыльнулся.

— Да все опасно, — она не желала развивать эту абстрактную тему.

— Он был моряком? — не отставал Васильев.

— Речником. Но и в море ходил. У нас в роду все моряки. Он у меня грек. А я соответственно наполовину гречанка. Или «гречка», как говорит наш хирург. — Феликсовна, стараясь не пролить чай и не обжечься, поставила на стол кружку и, кивнув на снимок, добавила: — Видишь, какой у него нос? Это единственное, что и мне досталось от эллинских мореходов. Фамилия и нос. Как говорит мама, «доминанта лица». Ты знаешь, что такое доминанта?

— Ты, видимо, всех военных считаешь недоразвитыми, — с обидой вздохнул Женя.

— Почему — всех? — улыбнулась Ольга. — Хотя ты прав. Я не очень высокого мнения о них.

— Кто же тебе так испортил впечатление? — громко спросил Женя, потому что Ольга возилась за шкафом, в «кухонном углу», со второй кружкой.

— Был один такой...

— Который «муж-объелся груш»? — Женя от напряжения дернул скулой, чувствуя, что переступает какую-то запретную черту.

— Почему ты решил, что муж? — после короткой, но тяжелой паузы спросила Ольга, выходя из-за шкафа с кружкой.

— Потому что ты иначе не сидела бы здесь — в этой чертовой «горячей точке», в этом фанерном бараке с солдатскими койками и «командировочным» кипятильником.

— Это точно, «замечательный» ты человек.

— А фамилия у тебя мужнина?

— Нет. Я же сказала, что фамилия у меня отцовская — Триандыфилиди... Папа очень хотел сына. Впрочем, как и все мужики. А тут я на свет вынырнула. Мама говорила, что он очень расстроился. Потом ничего, привык. Но воспитывал меня как пацана... Мы с ним большие друзья... На второго ребенка не решился. Не стал рисковать. «Не дай Бог, опять девка, — говорил, — что я буду с тремя бабами делать?» К тому же боялся, что найдутся шутники, которые в его фамилию в таком случае внесут поправку: после частички «Три» вставят букву «м»... Смекнул?

— Та-а-к, подожди, — напряг мозги Васильев, вставляя «м» в Триандыфилиди после первых трех букв. — Ага! Понял, — и улыбнулся. — Кстати, отчество у тебя не менее яркое. Не могу от него отвыкнуть. Так и буду называть тебя — «Феликсовна»... Да, ну и что же отец?

— В общем, я понимала, что ему хочется сохранить фамилию, он ею дорожит, и решила: выйду замуж, мужнину фамилию брать не буду, родится кто-нибудь — на свою запишу. Короче, сложная такая комбинация. Я надеюсь, ты понимаешь? — Ольга поставила на стол сахарницу.

— Понимаю, — Васильев посмотрел на фотографию. — А муж?

— А что муж? Муж как муж. Был молодой офицер — широкая душа, играл на гитаре, любил праздник... Тогда мне это нравилось. Да и родителям. Папу особенно подкупило то, что Сергей был каким-то дальним родственником-потомком знаменитого Руднева, который командовал крейсером «Варяг» в русско-японскую.

— Да ну! — искренне изумился Васильев.

— Вот так все удивлялись, когда узнавали. — Ольга принесла вилки. — Сергей любил рассказывать про генеалогическое древо, по полчаса рисовал схемы, кто от кого произошел. В общем, как в Святом писании: Авраам родил Исаака, Исаак родил Якова, Яков всякого ...

— Но это действительно интересно, — не отставал Женя. — И потом, его только уважать можно, что предков помнит. На Руси у нас немногие могут этим похвастать.

— Ну, во-первых, помнит он их исключительно из-за Руднева. А если до конца честно, то чтобы себе козырей набрать. Вторых, все его экскурсии в историю интересны раз, два, ну три. Но на пятом начинает надоедать.

— Но, видимо, это не единственный его недостаток?

— Слушай, разговор уже смахивает на допрос. — Ольга нажала кнопку, и из магнитофона тихо полилась печальная песня на французском. — Давай ешь! — и сама взялась за вилку.

— Извини, если я такой назойливый.

Несколько минут ели молча, слушая музыку и аккуратно вытаскивая из банок кусочки консервированной рыбы. Хлебнув чаю, Женя все же не выдержал:

— Но детей у тебя нет. Иначе была бы фотография где-нибудь на стене.

— Ладно уж, — сдалась Феликсовна. — Откровенным можно быть или с тем, с кем по жизни до конца пойдешь, или со случайным попутчиком, как в поезде, например. А у нас с тобой, по-моему, и есть купейный вариант. Дай-ка сигарету.

Васильев чиркнул спичкой, проследил за облачком дыма из полных Ольгиных губ и опять взялся за кружку с чаем.

— Детей действительно нет, — Феликсовна говорила, глядя Женьке прямо в глаза. — То в институт собиралась поступать, то ради себя хотели пожить. А Сергей праздник любил, я уже говорила. То у него кто-то из сослуживцев звание получил, то день рождения у комбата или ротного, то проверку сдали хорошо, то награду чью-то обмывали, то день танкиста, то артиллериста, то триста лет русской балалайке, то шестьсот лет граненому стакану, то еще черт знает что. В общем, вечный праздник... Я же баба вроде как умная была: ну как, думаю, с таким мужиком детей заводить?! Ждала, когда остепенится. А он втянулся. Может, не надо было такой умной быть: родить и все — он бы поневоле остепенился. — Ольга глубоко затынулась. — А так, гитарочка, бутылочка, душа компании. На черта ему семья?! Гусар, широкая натура. Ну, правда, не мелочился. Когда развелись — оставил мне квартиру однокомнатную почти в центре Ростова...

— Так ты из Ростова?! — обрадовался Женя.

— Ну да, — удивилась его реакции Ольга.

— Как же я, дурак, сразу не спросил? — судорожно стал доставать из пачки сигарету Васильев. — Я подумал: раз греки, это наверняка что-то черноморское типа Сочи, Новорос-

сийска... Я ведь тоже из Ростова. У меня квартира в районе Военведа. Знаешь?

Ольга молчала. Рядом был человек со своим, чужим для нее миром и судьбой, хотя с ним она, возможно, ходила по одним и тем же улицам, магазинам, кинотеатрам... Васильев, почувствовав изменившееся настроение Ольги, потух. Все! Больше она о себе говорить не будет.

— А почему ты ничего не спрашиваешь о моей жизни? — Женька чувствовал себя неловко.

Ольга потушила сигарету и встала, чтобы убрать со стола.

— Потому что главное я о тебе знаю.

— А что в моей жизни главное? — Васильев начинал злиться.

— Главное то, что у тебя есть ребенок, может, даже двое. С женой не ладится. Карьера не состоялась. В твоём возрасте (ты вон скоро седой будешь) мужики уже подполковниками ходят, — Ольга говорила все это, мотаясь между столом и «кухней». — На дурака и алкоголика ты не похож, значит, семейные проблемы помешали продвижению. Не исключаю развод. То есть жена вторая... Наверняка учительница, как у большинства военных. Правильно?

— Правильно, — опешил Женя. Немного подумал и спросил: — Ну, положим, про карьеру понятно — сидящая голова, капитанское звание... А проблемы с женой как высчитала?

— Очень просто, — Ольга опять села. — Ты единственный из офицеров, кто телефон в отделении не насилует, чтобы позвонить в полк и узнать — были ли письма...

— Все правильно, товарищ Шерлок Холмс. Жена вторая, учительница русского языка и литературы. Сын, четыре года. Любовь — то ли есть, то ли уже была. А счастья нет. Я и сюда-то на войну сбежал от семейных проблем. Вернее, думал, что сбегу. Но сын ведь. Скучаю...

— Ну, ладно, — Ольга поднялась со стиснутыми губами и выключила магнитофон. — Скука скукой, но ты за этот вечер пять раз на мои колени посмотрел. А я этого не люблю. Пойдем. Мне дежурить надо, а тебе — бай-бай.

В дверях Женя остановился:

— Спасибо этому дому за хлеб-соль! — Постарался сказать весело, но глаза выдали — сфальшивил.

— Дай Бог здоровья! — Ольга смотрела холодно. — Кстати, пистолетик отдай, не забудь. А то хватится вояка...

— Ох ты, забыл! — хлопнул себя по карману Васильев и по-

ложил оружие в Ольгину ладонь. — Вообще-то ему следует этой пушкой по голове надавать, чтоб знал, как оружие хранить надо. — И застучал своей корягой по дощатому полу узкого коридора...

5

Несколько дней Женя маялся, играл в карты с соседями по палате, читал старые газеты, бродил по госпиталю и старался встретиться с Феликсовной, чтобы поговорить. Но она не дежурила, была занята на операциях, после которых, усталая, сразу уходила «домой».

И вот однажды раздался ее окрик в коридоре:

— Васильев, на перевязку!

Женя взлетел с кровати и, чуть прихрамывая, помчался в процедурную.

Ольга улыбнулась ему.

— Ну что, земляк, хирург тебя смотрел? — Феликсовна рывала пачку бинта.

— Смотрел, — сердце у Женьки заколотилось, в груди разлилось теплое вино.

— Завтра или послезавтра пойдешь на выписку, — Ольга мельком взглянула на Васильева и отвела глаза.

— Жаль, — вздохнул Женя и поднял синюю казенную штанину на раненой ноге.

— Почему? — Руки у Ольги чуть подрагивали, когда она возилась с повязкой. Она сама не понимала, почему это происходило.

— Да так... Жаль, и все. — Женя смотрел на копну соломенных Ольгиных волос, на шевельнувшуюся грудь под белым халатом...

— Из дому что пишут? — Феликсовна спросила, удивляясь себе: зачем ей это надо, почему ее вдруг стали волновать отношения этого капитана с женой и сыном.

— Не знаю, не интересовался. Может, писем и вообще не было, — Васильеву неприятно было говорить о доме.

— Так ведь скоро замена. Поедешь домой. — Обработав перекисью водорода и зеленкой заживающие раны, Ольга стала накладывать повязку.

— Ну-у, это когда еще будет...

— Когда? — Феликсовна подняла глаза.

— Что-то около месяца.

— Мне здесь сидеть дольше, — и ловко сделала узелок на повязке. — Готов, артиллерист.

— Ольга, — Васильев замаялся. — Может, посидим сегодня вечером. На прощанье... Ты же говорила, что у нас с тобой — купейно-поездной вариант. До конечной станции еще есть время...

Феликсовна стояла у шкафчика с медикаментами, звенела склянками и думала. На фоне окна был четко виден ее греческий профиль.

— Ладно, — сказала, не глядя на Женьку. — Приходи.

— А ты водку пить? — у Васильева заблестели глаза и стало распирать грудь.

— Пью, — сказала Ольга и закрыла шкафчик. Затем повернулась к Жене и спрятала в карманы халата задрожавшие руки.

— Ну, тогда я пошел? — воспламененный Васильев зашевелил усами, не зная, что делать со своим горящим телом. А делать что-нибудь очень хотелось: подпрыгнуть, побежать, закричать... Он резко стукнул об пол своей клюкой. — До вечера?

— До вечера, — Ольга улыбнулась, обнажив белую обойму зубов.

Васильев постучал и открыл дверь.

— Проходи. — Ольга была в бежевом, плотно облегающем ее крупноватую фигуру платье с деревянными пуговицами сверху донизу.

Магнитофон разливал по комнате французскую печаль. На электрической плите в «кухонном» закутке шкварчала черная сковородка. Дух жареной картошки забивал все другие запахи комнаты. Женя демонстративно втянул носом гастрономический аромат.

— Вот это закусь! А то эти казенные каши в столовой уже поперек горла стоят.

— Поэтому мы с девочками в столовку и не ходим. Договорились с начпродом: берем продукты на складе и сами готовим, — Феликсовна расставляла на столе посуду.

— А где твоя соседка? — с надеждой спросил Женя.

— Узнала, что у меня будут гости, и ушла к подругам. — Ольга еще ни разу не улыбнулась.

— Значит, мы вдвоем? — Васильев, еле сдерживая радость, достал из-за пазухи бутылку водки.

— Не липовая? — Ольга покосилась на бутылку. — Не траванемся?

— Не должны. Брал у проверенных «боевых товарищей».

Ольга пошла в «кухонный угол» за картошкой. Пар поднялся над сковородкой. Женя плеснул по стаканам водку.

— Ну что, Феликсовна, — начнем?

— Это будет пьянка, — мотнула головой Феликсовна. — Нужно с тостом.

— Тогда, — Васильев секунду подумал, — за возвышенное и земное, — французский минор из магнитофона настраивал на подобный тост.

— В каком смысле? — Ольга подняла стакан.

— Не за роман о Моцарте, конечно, — быстро скорректировал курс Женька. — За то, чтобы было у нас побольше возвышенного, поменьше земного...

— Что ж, за это выпить можно, — Феликсовна протянула стакан и чокнулась с Васильевым. Выпила одним глотком, по-мужски, не скривившись. Лишь глаза наполнились влагой. — Ешь, пока горячая!

— Кстати, ты читаешь про Моцарта, потому что другое чтиво под руку не попало?

— Нет, мне очень нравится его музыка. Особенно «Реквием». У меня дома есть пластинка. Ты слышал когда-нибудь «Реквием»?

— Конечно... Опять ты спрашиваешь так, будто современные офицеры, кроме Кобзона и Газманова, никого не знают.

— Да ладно тебе обижаться, — Ольга улыбнулась. — Сам знаешь, что я почти права...

— Я впервые вижу тебя одетой «не по форме», — Женя решил переменить тему. — То есть не в белом халате, а в «гражданке». — Он стал есть, почти не прожевывая, обжигаясь раскаленной картошкой.

— Ну и как? — спросила Ольга, орудуя вилкой. В ее голосе не было любопытства.

— Тебе очень идет это бежевое платье. Но особенно хороши деревянные пуговицы. Я вообще люблю все натуральное, не синтетическое.

— Особенно людей, — в глазах Ольги сверкнула ирония.

— Да, людей особенно. — И Васильев налил по второй. — Ну что: выпьем за то, чтобы у нас все было настоящее, не искусственное?

— Только у нас? — Феликсовна хитро улыбнулась.

— Остальные меня в данный момент не волнуют. — Женя выпил.

— Я не знаю, честно говоря, что у нас с тобой может быть настоящего, поскольку перспектива не просматривается, но выпить выпью, — и Ольга сделала один глоток из стакана.

— А ты поменьше о перспективах думай, — закурил Васильев, выпустив густое облако дыма. — Такое время настало, Феликсовна, что одним днем жить нужно. Вот здесь, например, на этой войне непонятной: сегодня живой-здоровый, а завтра или труп, или калекка. Какая к черту перспектива?!

— Ну-ну, — настроилась слушать дальше Ольга.

— Ты думаешь, я сейчас философию своей жизни тебе нарисую? — серьезно говорил уже расслабившийся от водки Женя.

— Надеюсь, — улыбнулась Феликсовна.

— Не хочу тебя утомлять. Надо проще.

— Будь проще, — хмыкнула Ольга и закольцевала банальную фразу: — И люди к тебе потянутся.

— Все люди мне не нужны. Кто-то один нужен, — музыкальный плач французов толкал Женю на откровенность.

— Я так понимаю, что в настоящий момент это Феликсовна, — Ольга демонстративно направила взгляд в потолок.

— А почему это так тебя веселит? — грустно спросил Васильев, не думая об ответе. — Ты видишь, что нравишься, что я хочу быть с тобой, мне с тобой интересно... Что тут смешного?

— А смешно здесь то, что подобные возвышенные разговоры я слышала сотни раз, — вздохнула Ольга и глаза ее похолодели, — и знаю, что это обычное словесное оформление вполне земного желания залезть ко мне в постель.

Расстрелянный в упор Васильев на какое-то время онемел. Лицо вспыхнуло.

— Ну, раз так, — он смешался, не зная, что еще сказать, — я пойду. Спасибо за все! — и поднялся.

— Не обижайся, — Ольга опустила глаза. — Сам знаешь, какво одинокой бабе на войне, среди кучи мужиков, у которых почти поголовно семейное положение — «командировочный»...

Васильев сел.

— Наливай! — Феликсовна подсказала выход из тупика. — Мы еще не выпили обязательный третий тост по вашей старой афганской традиции — за тех, кого с нами нет.

Женя молча налил, встал, подумал и выпил. В голове размазанно, нечетко мелькнуло несколько лиц погибших ребят.

Пауза продолжалась. Разговор не вытанцовывался.

— Ну, тогда уж сразу и четвертый, чтоб за нас не пили третий! — порывисто сказал Женя и опять налил.

— Подожди. Не гони лошадей, — поправила прическу Ольга. — Я ж тебе не мужик — хлопать стопку за стопкой...

Васильев не мог смотреть ей в глаза. Феликсовна срезала его на взлете почти справедливо. Она сказала правду. Не всю, но правду. И Жене захотелось исправить положение.

— Понимаешь... — начал он.

— Понимаю, — спокойно продолжила Ольга. — Я сместила акценты. Не слепая, вижу. Извини.

— Да, — Женя закусил губу, повернулся и, взяв Ольгу за руку, прижал ее ладонь к своему горящему лицу.

Ольга, высвободив ладонь, запустила пальцы в седеющий Женькин затылок. Васильев сполз со стула, стал на колени рядом с Ольгой и обнял ее. Ольга пахла аптекой. Женя коснулся мягкими усами ее полных сухих губ, опустил лицо к груди, взял в рот деревянную пуговицу платья и расстегнул ее зубами и языком. Потом то же самое проделал и со следующей.

Платье медленно распадалось на неподвижной, удивленной такой манерой раздевания Ольгой. Когда Женя дошел до последней пуговицы, Ольга наконец среагировала:

— Ты все будешь делать зубами?

— Нет, — не отвлекаясь от «дела», буркнул Васильев и, скользнув рукой от круглого колена вниз, сбросил тапочку с Ольгиной ноги и мягко сжал в ладони теплую женскую ступню.

Французы с магнитофонной кассеты шептали о любви. Последняя пуговица поддалась, и Женькины усы защекотали упругое, освобожденное от платья бедро. Ольгино тело наэлектризовалось. Казалось, даже пушок на коже вздыбился. И Ольга так же, как Женя ее ступню, крепко сжала его отросшие волосы на затылке...

Позже, лежа в постели, Васильев курил, поставив себе на грудь стеклянное блюдце из какого-то медицинского реквизита, служившее пепельницей. В темноте краснел огонек сигареты.

— Я буду к тебе приезжать, — сказал Женя.

— Зачем? — Ольга лежала с закрытыми глазами.

— Потому что заскучаю по тебе, Феликсовна.

— А что я по этому поводу думаю — тебя не волнует?

— Ты не хочешь меня больше видеть? Я тебе не понравился?

— О Господи, не комплексуй! Ты, как и всякий приземленный мужик, думаешь, что если женщина после общей с ним

постели не бросается ему на шею, то, значит, он был плох как мужчина.

— В чем же дело? Объясни мне, приземленному.

— А ответ, как пел Высоцкий, «ужасно прост, и ответ единственный...». Не хочу к тебе привыкать, срастаться. За месяц это может случиться. Через месяц ты укачишь к жене, а я тут... — и не договорила.

— До чего ж ты любишь в перспективу заглядывать, — вздохнул Женя и раздавил окурочек. — Все хочешь жизнь спланировать, будто архитектор — будущий дом.

— М-да, планировать я люблю. Только ни черта из этого не получается... Да и вообще, — Ольга повернулась к Жене спиной, — такое предчувствие, будто что-то нехорошее случится.

Из магнитофона плыла высокая французская тоска.

6

— По-моему, иностранцам нужно запретить писать о возвышенном, — сказал Васильев, возвращая Феликсовне роман о Моцарте.

Это был уже пятый его приезд в госпиталь после выписки.

— Почему? — Феликсовна улыбалась, радуясь шумному появлению Васильева и поглядывая на толстую книгу, брошенную им на стол. Книгу Женя обернул в газету, чтобы не испачкать обложку, да так, с газетой, и вернул. «Аккуратный», — подумала она.

— У иностранцев только детективы получаются неплохо, — Васильев обнял Ольгу и прижался к ее щеке. — Но все, что касается психологии, — тем более таких нестандартных людей, как Моцарт и ему подобные, — выходит пшик.

— Даже так? — Феликсовна отстранилась. Говорить о литературе ей не хотелось. Она слабела в мужицком объятии.

— Да, чтобы писать о Моцарте, нужно родиться Чеховым, Бунинным, безразмерную русскую душу надо иметь.

— А греческая не подходит? — весело хмыкнула Ольга.

— И греческая немного подходит, — Женя потянулся губами к Ольгиному лицу, вдыхая знакомый мягкий запах аптеки.

— Сразу видно, что ты член семьи русского филолога... Ты надолго? — опять отстранилась Феликсовна и посмотрела на Васильева в упор.

— На полчаса, — Женя опустил глаза. — Раненых привез. Их сейчас оформят, и я сразу назад... Бронетранспортер не мой, я

не могу распоряжаться... Кстати, тебя скоро наверняка на операцию вызовут — ребята тяжелые.

— Опять на полчаса, — вздохнула Ольга, высвободилась из объятий и села.

— Ну, я же военный человек, зависимый, — пустился в объяснения Васильев.

— Не нравится мне такая система. Это смахивает на встречу в борделе.

— Ну что ты болтаешь? — Женька присел на корточки возле Феликсовны и обнял ее бедра. Помолчал немного, потом вскинул голову. — Знаешь, давай завтра я возьму «броник», и мы с тобой помотаемся по городу. Покажу тебе интересные места... Потом кто-нибудь из взводных забросит нас сюда к вечеру, а утром меня заберет. А?

— Завтра много операций.

— Тогда послезавтра, — Женька смотрел на нее с надеждой.

— Слушай, — Ольга направила на Васильева требовательный взгляд, — зачем тебе вообще такая мужеподобная баба, как я? Тебе же со мной непросто? Службе мешаю, наверное...

— Во-первых, — замаялся Васильев, — мне с тобой просто интересно. Во-вторых, ничему ты не мешаешь. В-третьих, ты не мужеподобная, ты мне очень нравишься... Так что? Послезавтра уходим в загул?

— Уходим, — кивнула Ольга и спрятала руки в карманы халата.

Васильев глядел через видоискатель фотоаппарата на Ольгу, пытаясь захватить в рамку скелет разбитого дома на заднем плане. Верх здания — острые, почерневшие зубья каркаса — не помещался в кадр. А Васильеву хотелось запечатлеть подругу на фоне мертвого дома. Это была экзотика.

— Оля! — крикнул он. — Ты не могла бы отойти чуть дальше? Поднимись вон туда! — и Женька показал рукой на груды битого кирпича.

Ольга повернулась и стала подниматься на развалины, осторожно ступая по камням, чтобы не подвернуть ногу. Васильев глядел на нее сквозь фотоаппарат и командовал:

— Чуть выше, Оля! Еще!

Ольга сделала пару шагов, придавила ногой противопехотную мину, и эта мина лопнула, срезав Ольге стопу.

— Ой, бля! — выдохнул Васильев, обсыпанный кирпичным крошечком, и уронил фотоаппарат на грудь.

Ольга лежала на дымящемся от взрыва холме и с недоумением глядела в высокое небо. Джинсы ее, посеченные осколками, намакали красным человеческим соком.

На утреннем разводе командир полка говорил о развале дисциплины, о том, что боевая обстановка действует на многих расслабляюще, что некоторые офицеры думают, мол, война спишет все их грехи.

— Ничего никому война не спишет! — кричал он со злыми глазами, грозя строю пальцем. — В том числе и капитану Васильеву, — командир зыркнул на Женьку, — который, захватив с собой госпитальных блядей, поехал кататься и напоролся на мину. Сделал бабу калекой!..

Васильев побледнел и выпалил:

— Выбирайте выражения, товарищ подполковник! Я не блядь вез, а свою будущую жену!

Командир внимательно посмотрел на Женьку, демонстративно глубоко вздохнул и приказал:

— Капитан Васильев, после развода подойдите ко мне!

— Есть! — резко ответил Женя и потупил взор, чувствуя на себе пристальные и удивленные взгляды сослуживцев.

Феликсовна лежала в палате одна. Под простыней угадывалась ущербность тела. Васильев присел рядом и стал мять дрожащими пальцами полиэтиленовый цветной пакет с апельсиновым соком, шоколадом и прочими гостинцами.

— А я думала, ты мне корягу свою принесешь, с которой раненым ходил? — Ольга попыталась улыбнуться, но отвернулась, закрыв ладонью глаза.

— Оленька, — у Васильева дрогнул голос. Он уткнулся лицом ей в живот. — Прости меня, пожалуйста. Я сам буду твоей корягой, костылем и протезом. Я ни за что тебя не брошу. Я разведусь с женой. Я все решил.

— Зато я еще ничего не решила, — Ольга шмыгнула распухшим носом и вытерла слезы. — Не надо мне твоих жертв. Сама как-нибудь управлюсь... У тебя ребенок. Не хватало еще, чтоб я лишала его родного отца.

— Никуда мой ребенок от меня не денется, — вздохнул Женя. — Слава Богу, в одном городе живем... А тебя я не брошу, — он взял Ольгу за руку и стиснул ее ладонь. — Я сам во

всем виноват и не могу оставаться в стороне. Да и с женой у меня... Сама знаешь...

— Я тебе повторяю, — Ольга повернула к нему стальные глаза, — меня от твоей жалости тошнит! А тем более не нужна твоя жертвенность. Кстати, за счет других.

— Не злись, пожалуйста, — Васильев растерялся. — Может, я что-то не так говорю, не теми словами. Но я не хочу расставаться с тобой... Какой бы ты ни была — с ногами или безногая. Кроме тебя, мне никто не нужен. Еще и детей с тобой нарожаем. Хочешь?

— Дурак! — Ольга смотрела зло. — Только детей мне в такой ситуации и не хватало. Сама беспомощная, как дитя, — голос ее надломился, в глазах блеснули слезы. — Я на первом же месяце совместной жизни тебе обрыдну так, что твоя жена покажется тебе Василисой Прекрасной и Премудрой!

— Ну, не сердись. И не расстраивайся. Я уже говорил с командующим. Он мужик незлой, с пониманием. Пообещал мне содействие. Как только поправишься, он меня сразу заменит, и мы с тобой уедем домой вместе.

— Сказал слепой — посмотрим, сказал глухой — услышим, — Феликсовна вздохнула и скривилась от боли.

— Нога болит? — Женя робко посмотрел на изгиб простыни.

— Душа болит, — Ольга опять отвернулась и прикрыла глаза ладонью.

Васильев сидел молча, не зная, что еще сказать.

— Я еще позавчера письмо родителям написала, — прервала молчание Ольга, — отправь его. В тумбочке конверт... Старики еще ничего не знают. Пусть и дальше не знают. Всему свое время... А теперь уходи. Мне сейчас перевязку будут делать... И запомни: я не считаю тебя чем-нибудь обязанным мне, я тебя от себя освобождаю.

— А мне свобода без тебя не нужна. — Васильев поднялся, держа в руке конверт, подписанный твердым Ольгиным почерком. — Прошу тебя — не выставляй свои иголки, как дикобраз.

Васильев исчез за дверью, и Феликсовна крепко уцепилась за спинку кровати, чтобы вложить куда-нибудь бешеную энергию, боясь, что она выльется в рыдания. В горле застрял клубок боли и не проглатывался. Она застонала и сжала зубами простыню. «Калека! Калека!» — пронеслось в голове...

Разноцветный июнь рвался через окно в ее серую палату.

Транспортный самолет с ранеными приземлился на военном аэродроме на окраине Ростова. На бетонных плитах темнели серые веснушки дождевых капель. Низкое, нелетнее, набухшее влагой небо сочилось почти невидимыми дождинками. Васильев помог Ольге сойти по опущенной самолетной рампе. Их ждала госпитальная машина. Первыми в нее загрузили тяжелораненых.

— Сейчас на перевязку, кой-какие процедуры сделаем, а уже потом отправим вас домой, — сказал Феликсовне дежурный врач. — Вы сопровождающий? — обернулся он к Васильеву.

— Да. Сопровождающий. Причем надолго.

— Не понял, — вскинул брови врач.

— Это я так... Не обращайтесь внимания.

Ольга, опираясь на костыли, попыталась сама забраться в машину, но не смогла и закусила губу, сверкнув повлажневшими глазами. Васильев погрузил в салон «уазика» сумки, тут же подскочил и помог сесть Ольге.

К стеклам автомобиля прилипли первые крупные капли дождя и заструились вниз.

На третий этаж Ольгиного дома поднялись с трудом. Феликсовна еще не приоровилась к костылям и очень устала.

В ее однокомнатной квартире не было следов запустения. Пыли не было даже на полированной поверхности стола. Ольга провела по нему пальцем.

— Мама с отцом заходили, — она рухнула на диван. — Господи, что с ними будет, когда узнают все?!

Женя сел рядом и обнял ее за плечи.

— Ну, перестань. Не накручивай себя.

Помолчали.

— Ты не расслаживайся, — подняла голову Ольга, — сходи лучше за покупками, пока магазины не закрылись. Есть-то что-нибудь надо. Здесь холодильник пустой, как закрома Родины.

— Да, Феликсовна! — засуетился Женя. — Где у тебя сумка или пакет для продуктов?

— На кухне посмотри... И коньяку возьми приличного.

— Есть, товарищ полковник! — взял под козырек Васильев.

— Если ты хочешь таким образом меня развеселить, — осадила его Ольга, — то это труд напрасный. Иди и не кривляйся.

Когда Женя ушел, Феликсовна с силой швырнула костыль на пол и закрыла ладонями лицо...

Промокший под дождем Васильев вернулся с курицей, овощами и итальянским коньяком.

— А с неба все льет. Будто и не лето сейчас, а осень. Даже прохладно... Ты знаешь, я ведь готовить не мастак, — выкладывая на кухонный стол продукты, сказал Женя, он говорил громко, чтобы Ольга слышала в комнате. — Эту курицу я могу или просто сварить, или просто зажарить, безо всяких там кулинарных выпендрозов.

— Не суетись, я сама все сделаю, — заковыляла в кухню на костылях Феликсовна.

— Но как же ты будешь... в таком положении?

Женя старался избегать выражений типа «без ноги», «на одной ноге» и тому подобных и не сразу находил им замену. Ольга чувствовала его замешательство, и от этого было еще больше.

— Женя, прошу тебя: не разговаривай со мной как с неполноценной. Твоя так называемая деликатность еще больше мою ущербность подчеркивает. Хочется тебе сказать «безногая» — так и говори, хочется сказать «калека» — говори «калека».

— Ну, так тоже нельзя, — Васильев опустил голову.

— Можно. И даже нужно. Если ты, конечно, хочешь, чтобы я чувствовала себя нормально.

— Я тебя не понимаю.

— Жаль... Поставь стул между мойкой и плитой. Мне так удобнее.

Ольга с трудом села, отставив костыли, огляделась в поисках кухонных принадлежностей, вздохнула:

— Боже, какая же я беспомощная. — И долго не могла поднять с колен отяжелевших рук.

— Ты мне только говори, что нужно делать, я сам управлюсь. — Женя переминался с ноги на ногу.

— А что будет, когда ты уйдешь на службу, будешь в наряде или в командировке?.. А стирка, уборка?..

— Я сам все буду делать, — пробормотал Женя, сам не веря в то, что говорит. — И потом, живут же люди и без обеих ног, и парализованные. Вон, Николай Островский, слепой и неподвижный, целый роман написал — «Как закалялась сталь».

— Типун тебе на язык, — Ольга вздохнула и достала платок. — Ты, Васильев, после войны полглупел, что ли?.. Никак не поймешь простой вещи: люди в таком положении заканчивают совместную жизнь или хотя бы продолжают нормально начатую. Но я не слышала, чтобы кто-то с такой беды начинал.

— Вот мы и будем первыми. Опять же, наверное, на первых порах твоя мама поможет?

— Моя мама, если узнает, боюсь, как раз и будет полностью парализованная — у нее того здоровья несчастного осталось на пару сезонов... Да и у отца тоже... И что ты будешь с нами, калеками, делать — закаляться, как сталь?

Васильев, не поднимая глаз, достал сигареты.

Ольга смотрела на него неотрывно, и губы ее еле заметно вздрагивали.

После молчаливого ужина Феликсовна ушла в ванную одна, не позволив Васильеву помочь. Женя расстелил диван-кровать и ходил по комнате, изучая Ольгину библиотеку. Из ванной донесся глухой удар. Васильев метнулся к закрытой двери.

— Ты упала, Оля?! Открой! Я же предупреждал!

Феликсовна не открыла.

— Успокойся, — голос ее готов был надорваться. — Ничего страшного.

Спустя десять минут она вышла с костылями, в халате, надетом поверх длинной, до пят, ночной рубашки.

— Ударилась? — Васильев внимательно посмотрел Ольге в глаза.

— До свадьбы заживет, — Феликсовна отвела взгляд.

— Ну что ты такая неприступная, как Брестская крепость?! Я же помог бы в ванной. Что ты там такое от меня прячешь, чего я не видел? — Ольга начинала его раздражать.

— Кое-чего ты действительно не видел. И не должен видеть. По крайней мере, пока. — Ольга проковыляла в комнату и тяжело опустилась на застеленный слежавшимися простынями диван. — Там коньяк еще остался. Принеси сюда. Выпьем для храбрости... И поставь, пожалуйста, пластинку. Там внизу, под проигрывателем, есть итальянская эстрада. Под итальянский коньяк пойдет...

Наступала их первая совместная ночь после подрыва на mine.

Долго лежали рядом, как чужие, — без движения, оцепеневшие, глядя в темноту, чуть разбавленную огнями города, мутными от дождя. Ольга ждала. Женя прислушивался к себе, пытаясь разобраться в душевной многоголосице. Наконец голос, требовавший «Надо!», победил. Женя задвигался, положил руку Оль-

ге на грудь, коснулся усами ее сухих ленивых губ. Движения его были суетливы. Ольгина ночная рубашка казалась броней.

— Ты меня жалеешь, — сказала Ольга, устав от напряжения.

— Я боюсь, что у тебя нога заболит от моей возни.

— Не обманывай, — и вздохнула.

Она сказала правду, и Женя откинулся на спину.

— Видишь ли, — она старалась говорить философски, — любовь и жалость — две вещи несовместимые, как гений и злодейство. Это классик сказал.

— Сразу видно, что твой классик не воевал.

— Принеси, пожалуйста, сигареты, — Ольга казалась спокойной.

Женя заскрипел диваном, поднялся и, пока ходил за сигаретами и пепельницей, решил возмутиться:

— Что ты меня все время пугаешь?

— Я не пугаю, а объясняю. У тебя со мной ничего не получится. Не только сейчас, но и впредь. Так что не насилуй себя.

Женя шелкнул зажигалкой, выхватив из темноты бледное Ольгино лицо.

— Ты же умная и сильная. Разве ты не понимаешь, что сама этими дурацкими разговорами нагнетаешь обстановку «военного психоза», как говорит наш командир...

— Я достаточно умная, чтобы реально смотреть на вещи, и достаточно сильная, чтобы самой справляться со своими проблемами, не загружать окружающих, а тем более не рушить чужие семьи.

— Семьи почти без тебя порушены были, — голос Васильева отвердел. — А насчет того, чтобы меня не загружать...

— Тебя в первую очередь, — Ольга не дала договорить. — Ты в силу какой-то непонятной мне наивности, или жалости (которая меня, кстати, раздражает), или чувства долга (что меня вообще бесит) думаешь, что я потеряла только стопу. А я потеряла все!

— Не понимаю, что значит «потеряла все»?! — Женя разозлился и закурил с остервенением.

— Например, возможность иметь детей (самой теперь нянька нужна), возможность нормально любить и быть любимой... Возможность в постели спокойно ноги перед мужиком раскинуть, не боясь шокировать его своим обрубком, — ответила Ольга со спокойным вызовом.

— И это все?!

— Это не все, но это существенно. После вида моей культи у

тебя сроду на меня не поднимется. Я и так не красавица, не Мерлин Монро... А баба должна вызывать желание. Судьба у нее такая.

— Ну, знаешь...

— Знаю... И тебя знаю... Будь ты мужланом, грубым и прямым, как проволока, было бы проще. Но ты ведь штучка тонкая, впечатлительная. Я себе представляю, что бы ты испытал, когда бы в ванной этот кусок мяса во всей красе увидел...

— Что ж теперь — удавиться, что ли, раз на конкурс красоты «лучшей пары ног» не попадешь?!

— А почему бы и нет, — Ольга говорила с холодным спокойствием, что давалось ей непросто. — Детей у меня нет. А самой быть для кого-то обузой и радости не доставлять — перспектива, прямо скажем, мрачноватая. Тем более на развалинах чужой семьи.

— Так, все! Завязали этот «гнилой базар», как говорят в Ростове. — Васильев выключил проигрыватель. — Спим! Утро вечера мудренее.

Диван застонал под улегшимся Женькой. Ольга незаметно плакала. Васильев шумно дышал. Бессонная, мучительная ночь душила их в своих темных объятиях. За окнами шелестел дождь.

Утро было серым и неприветливым. Унылый дождь не кончался. Женя молча поднялся и сразу пошел на кухню ставить чайник.

— Не заходи в комнату, пока я не приведу себя в порядок, — громко сказала Ольга.

— Может, я все-таки помогу?

— Нет, я сама.

— «Сама, сама», — пробормотал под нос Васильев, скрипнул зубами и зажег газ. Так и стоял у плиты в трусах, пока Ольга одевалась, умывалась и поправляла повязку на культе, скривившись от боли.

Позже, сидя за столом, спросила:

— Ты на службу пойдешь?

— Служба не волк, в лес не убежит.

— Нагоняй получишь, — Ольга отпила глоток кофе.

— Не впервой, — Васильев тупо смотрел на мокрое от дождя окно.

— Тебе нужно идти домой.

— Сейчас схожу.

— Ты не понял, — Ольга говорила медленно, с расстановкой. — Тебе нужно домой не сходить, а уходить навсегда.

— Ты опять?.. — Женю начинало злить Ольгино упрямство.

— Сам ведь видишь, что ничего у нас не получится, — Ольга казалась спокойной.

— Это просто начало неудачное, — стал оправдываться Васильев.

— Это не начало, это конец всему. О чем я тебя предупреждала.

Женя вздохнул. Неприятно было сознавать, что Ольга права.

— Не сиди сиднем. Зайди в магазин, купи гостинцев женам-детям...

Васильев поднялся. Подумав, решил ехать в форме. Назло жене.

— Да, надо чего-нибудь Саньке купить.

В дверях Женька замялся:

— Я только свои вещи возьму и сразу назад. Все разборки отложу на потом. Хорошо?

Ольга кивнула головой.

— Да, давай.

— Я тебя прошу: не расстраивайся и не бери дурного в голову... Я скоро вернусь... — и продолжал стоять в дверях.

— Женя! Не томи! Уезжай быстрее! Раньше уйдешь, раньше вернешься... Кстати, можешь не возвращаться — так будет лучше.

— Опять ты... Давай без глупостей!..

— Ты уйдешь или нет?! — Ольга была раздражена.

— Уйду. Но скоро вернусь. Жди, пожалуйста, — и вышел.

8

Перед своим подъездом Васильев закурил, судорожно затягиваясь. План разговора, составляемый им каждый день на протяжении последнего месяца, рассыпался и вылетел из головы, как только он нажал кнопку звонка. Жена открыла дверь и прищуренными черными глазами оглядела Васильева с ног до головы. Поняла, что в капитанских погонах он явился намеренно, из протеста.

— Ты один? Без своей новой супруги?.. Ну, заходи, Одиссей, — она резко повернулась к нему спиной, всколыхнув темные волнистые волосы, и зашагала на кухню.

Сжатые, как стальные пружины, сели за стол.

— Ну! — тонкие ноздри ее трепетали, как у резвой кобылы перед забегом.

— Как Санька? — Женя опустил глаза и крепко зажал ладони между колен.

— Санька нормально, — жена нервно вздохнула. — Но я хочу узнать, на ком ты там собрался жениться, да еще перед строем всего полка об этом объявил.

— А, наши донесли, — мотнул головой Женька.

— Конечно наши. Ростов — город маленький. И Кавказ рядом... Говорят, там баба — здоровая, как корова. Что у тебя за вкус?! Я и не подозревала, что тебе такие нравятся.

— Во-первых, баба не здоровая, а калека — по моей вине...

— Фу-ты ну-ты, какие страсти!

— До чего ж ты, Нинка, злая баба, — вздохнул Васильев.

— Ты зато добрый. Шлюх госпитальных жалеешь, а семья, ребенок — побоку. — Она вскочила со стула и подошла к окну. — Мне, дура, тоже надо было не сохнуть тут который месяц от идиотской верности, а трахаться со всеми подряд. Слава Богу, мужики по-прежнему проходу не дают.

Женя смотрел на нее исподлобья, представлял, как его Нинка барахтается в постели с чужим мужиком. Ревность, как затаившаяся и вдруг потревоженная кобра, подняла голову.

— Сейчас лето, отпуск. Нет чтоб махнуть куда-нибудь на море. Да не одной, а с хахалем. Так я мужа жду, пока он «конституционный порядок» наведет... под чужими юбками.

Васильев смотрел в черные, жгучие Нинкины глаза, вспоминал справедливые слова Ольги о женской особенности — нравиться и вызывать желание у мужика — и с удивлением стал прислушиваться к себе. Где-то в глубине груди зашевелилась жадность. Не хотелось отдавать кому-то другому эту, пусть злую, но все же свою, родную женщину, да еще красивую, да еще мать твоего сына!.. К тому же этот другой будет командовать его Санькой!.. Васильев сравнил Нину с Ольгой. Ольгу отдавать другому было не жаль.

— Ну, что ты молчишь? — жена требовала объяснений.

— Я хочу Саньке дать подарки и взять кое-какие свои вещи, — произнес он наконец, любуясь смуглой ногой жены, показавшейся из-под халата.

— Бери что хочешь и не затягивай сцену прощания.

Дверь в кухню скрипнула, и на пороге появился круглолицый Санька.

— Папа! — лицо его засветилось.

Васильев сгреб в охапку ребенка, поднял, прижал к себе и долго так стоял, чтобы просохли глаза и жена ничего не заметила.

Нина наблюдала всю эту сцену молча, сцепив руки на груди, и не выдержала — побежала в ванную плакать, оттолкнув по дороге обнимающихся мужиков — большого и маленького.

Женя опустил Саньку на пол и ринулся за ней. Нина захлопнула дверь, но защелкнуть шпингалет не успела. Васильев рванул дверь на себя и влетел в ванную. У Нины уже набухли глаза, она зашептала с надрывом:

— Уходи, уходи!..

— Успокойся, пожалуйста. Я же люблю тебя, — неожиданно вырвалось у Женьки, он стиснул жену в объятиях, гася отчаянное сопротивление ее упругого тела, прижал верткие руки и стал целовать волнистые волосы, мокрые щеки, полные, но жесткие губы. Нина мотала головой, отворачивала лицо, потом чуть ослабела, и он судорожно стал расстегивать ее легкий домашний халат, обрывая пуговицы.

В коридоре зачепали детские шаги. Васильев почти бессознательно щелкнул шпингалетом и опустился на колени, сдирая с жены кружевные черные трусики.

— Мама, что вы там де'аете? Отк'ывайте! — Санька скребся в дверь ванной, готовый вот-вот расплакаться.

— Не бойся, Сашенька, — хрипел Васильев. — Мы с мамой не ругаемся. Мы только искупаемся и скоро выйдем. Скоро выйдем...

Мужская сила в конце концов одолела уже не очень настойчивое сопротивление, и Женька уткнулся лицом в теплый мшистый низ живота.

— Ну, выходите! — хныкал Санька, прислушиваясь к странной возне за дверью. — Что вы там — дэ'етесь?

— Не бойся, сынок, мы тут купаемся, — задыхаясь, стала успокаивать его Нина, за несколько месяцев одиночества истосковавшаяся по мужику.

— А 'азве вз'ослые вместе купаются? — в упор спросил Санька всклокоченного отца, вышедшего из ванной в слегка примятой военной форме. — Вз'ослые вместе не купаются. Там же тесно! — обиженный всей этой ситуацией сын буровил батьку распахнутыми блестящими глазенками.

— Купаются, сынок, — юлил Васильев, приглаживая взлохмаченную шевелюру и усы. — Я просто помог мамке спинку

помыть... Ты не расстраивайся. Мы сейчас с тобой гулять пойдём. На карусели, — и пошел на лестничную площадку курить и обдумывать возникшую ситуацию.

Жена принимала душ. Но перед тем, как Васильев оставил ее одну, она сказала, отвернувшись:

— Мне сейчас действительно хочется отмыться после тебя...

— Объясни: что вообще происходит? — Нина как обычно стояла у окна, скрестив на груди беспокойные руки, и колола Женьку черными глазами. — Чего ты вообще хочешь?

— Я хочу... — начал было Васильев, но замялся, потому что на кухню придрейфовал Санька. — Дать тебе денег.

— Спасибо сердечное, — демонстративно поклонилась Нина, — но нам в школе выплатили отпускные.

— Брось ты выпендриваться, — Женя поднялся со стула и направился к сумке, которую оставил в коридоре. Там были и толстые пачки купюр его военно-полевого содержания, и игрушки со сладостями для сына.

Санька поплелся за отцом и заискрился от радости, получив подарки.

— А на ка'усели пойдём? — спросил с надеждой.

— Пойдем.

Деньги Васильев выложил на стол и многозначительно произнес:

— Вот...

— Это все, что ты хочешь мне сказать? — нервно вздохнула Нина.

— Я должен тебе многое сказать. Но что-то не получается... Я лучше с Санькой пойду погуляю, а потом вернусь, и мы с тобой поговорим.

— Нет, мы поговорим сейчас, иначе ты никуда с Санькой не пойдешь! — Она даже ногой топнула, тонкие ноздри ее трепетали.

— Да не ори ты, дите не пугай! — вполголоса, но с нажимом произнес Васильев. — Не могу я сейчас ничего говорить: у меня такая каша в голове, что я даже не соображаю, как меня зовут!

— А как блядей госпитальных зовут — соображаешь?!

— Нинка, тебя за твою злобу когда-нибудь Бог накажет, — покачал головой Женька. — И вообще, ты так ругаешься, что посторонний человек в тебе сроду филолога не признает.

— Не знаю, как Бог, а ты уже достаточно наказал. А насчет

ругани — так это тоже часть «великого и могучего» русского языка.

— Все, хватит! Одень Саньку — мы ходим проветримся. Я его не видел два месяца.

— Зато других прелестей насмотрелся, — не унималась Нина, но непонятно было, что она имеет в виду: то ли войну, то ли женские прелести своей соперницы...

На улице было пасмурно, как и на душе у Васильева. В голове действительно была такая каша, что и втроем не расхлебать, а уж одному и подавно. Дома с Нинкой было тяжело, но и без нее, без сына было плохо. С Ольгой теперь тоже было трудно, но и оставить ее казалось невозможным. Слава Богу, Санька отвлекал от тяжких раздумий, без конца задавая вопросы: «А ты на войне был?», «А ты из пушки ст'элял?», «А ты кого убивал?», «А пушка г'омко ст'эляет?», «А ты боялся на войне?». Вопросов Санька задавал много, и на все Женька умудрился кое-как ответить. Но на вопрос: «Почему война бывает?» — ответа не нашел и сказал честно:

— А черт его знает.

В парке, пока ребенок с сияющими глазами катался на паровозике, кораблике и качелях, Женя нервно курил и посматривал на часы. Ольга уже наверняка зажала его.

Небо грозило пролиться дождем. Васильев чувствовал, как вокруг него накапливаются не атмосферные, а житейские электрические разряды. Что бы он теперь ни сделал, подумалось, гром обязательно грянет. Но откуда ударит молния — это надо было выбрать самому Васильеву. «Чему быть, того не миновать», — решил Женя и поплыл по течению своих смутных желаний.

— Сашенька, — сказал вкрадчиво, — давай мы с тобой сейчас к одной тете в гости пойдем. Она тут недалеко живет. Понимаешь, ей на войне миной ножку оторвало. Теперь ей больно, она там одна в своей квартире плачет, скучает. А мы с тобой придем и развеселим ее. Давай?

— Давай, — согласился Санька, глубоко задумавшись и готовя новые вопросы по поводу оторванной ножки у военной тети.

Ольга открыла дверь и долго стояла у порога на своих костылях, не двигаясь с места и поочередно посматривая то вниз — на заинтересованного безногой тетей ребенка, то вверх — на опус-

тившего усы Васильева. Пауза затянулась, и уже мучающийся от содеянного Женя решил разрядить атмосферу с помощью сына.

— Что надо сказать?

— Доб'ый день, — стеснительно произнес мальчик и прижался к отцовской ноге.

— Мы пришли вас проведать, — буркнул Женя и переглянулся с сыном.

— Очень хорошо, — вымучила улыбку Ольга. — Проходите, — и застучала костылями в глубь квартиры.

Васильев снял туфли, влез в свои оставленные еще утром тапочки и легонько подтолкнул в спину стесняющегося сына:

— Проходи, не разувайся. Вон туда — в комнату.

В квартире пахло табачным дымом. На кухонном столе стояла початая вчера, но заметно обмелевшая за сегодня бутылка с коньяком. Ольга стояла у плиты, чиркая спичкой, чтобы зажечь газ и поставить чайник.

— Располагайтесь в комнате, я сейчас! — крикнула мужикам.

Васильев усадил сына на диван, приказал сидеть тихо и пошел к Ольге.

— Женя, ты что, сдурел? — наткнулся он на вопрос и твердый взгляд серых широко раскрытых глаз.

— Почему — сдурел? — опешил Васильев.

— Ты что — не понимаешь? — Ольга отвернулась и стала смотреть на синее шумящее пламя. — Вы, мужики, — как дети...

— Все равно наши с тобой отношения для Саньки секретом не будут, — пустился в объяснения Женька.

— Да разве же это так делается — с бухты-баракты, без подготовки?.. Да и вообще еще ничего не решено. Какого черта ты в этот гордиев узел еще ребенка впутываешь? — Ольга заговорила сердито. — Еще не известно, как на это отреагирует твоя жена...

— Ну, не знаю. Как-то само собой вышло, — Васильев опустился на стул. — Может быть, Саньку когда-нибудь заберем и вместе жить будем.

— Господи, какой ты дурак! Какая из меня мать, если к тому же у него родная есть?! — Помолчала и добавила: — Вернее, ты не дурак. Ты просто еще не определился. У тебя в голове и в душе — кавардак, поэтому и делаешь глупости. Поэтому и от жены сейчас не ушел, а ребенка сюда привел, чтобы передо мной оправдаться...

Васильев уперся локтями в колени и обхватил свою сидящую голову. Так и сидел, слегка раскачиваясь, пока из ком-

наты не причапал уставший от одиночества и никому не нужный Санька.

— Что, скучно тебе там одному? — сразуотреагировала на его появление Ольга. — Потерпи немножко. Сейчас мы будем чай пить с вареньем. Ты какое любишь варенье?

— Не знаю, — устало выдохнул мальчик и прижался к отцу, поглядывая на Ольгину обрубленную ногу.

— Абрикосовое будешь?

— Буду, — от робости согласился Саня.

— Может, я в магазин схожу — куплю что-нибудь к чаю? — очнулся Васильев.

— Я с тобой, — заволновался мальчик.

— Да сиди уж! Не напрягайся, — осаждала Ольга и тут же стала заговаривать парня:

— Тебя как зовут?

— Саша.

— А ты музыку любишь?

— Я мультики люблю.

— Ну, пойдем, включим телевизор. Может быть, там мультики идут, — и заковыляла в комнату, увлекая за собой маленького оробевшего гостя.

Васильев остался курить на кухне.

В комнате мультиков не было. Был серьезный разговор.

— Ты смотришь на мою ногу... такую необычную, да? — спросила Ольга и почувствовала комок в горле.

— Ага, — признался Саша.

— Ну, видишь, она оторвалась, и я теперь без нее живу.

— А новая нога не вы'астет?

— Нет, не вырастет.

— А где она?

— Нога?.. На войне осталась.

— И что, она тебе больше не нужна?

— Почему не нужна? Еще как нужна, — Ольга теребила руками халат, не зная, куда спрятать свой обрубок от детского пристального взгляда.

— Почему же ты ее с собой не заб'ала?

— А зачем?

— Ну, как-нибудь бы ее п'иклеила и ходила бы хорошо, как все люди, — посоветовал Санька.

— Не приклеивается, — улыбнулась посеревшими губами женщина.

— А как же ты будешь себе туфли покупать? Ведь туфли по одиночке не п'одаются.

— А ну кончай глупые вопросы задавать! — обрубил разговор Васильев.

Он вошел в комнату с большим подносом, уставленным дымящимися чашками и блюдами с вареньем.

Разговора больше не получилось. Чай допили молча.

— Ты жди меня, — уже за порогом тихо сказал Женя. — Я ребенка верну туда, где взял, — и выстроил улыбку.

— Ждать я тебя не буду, — так же тихо, чтобы не слышал мальчик, произнесла Ольга. — Но если придешь, выгонять не стану — в том случае, если все решишь окончательно. Ты понял?

— Я решу.

— Что бы ты ни решил, я все пойму. Но только не разрывайся на две части. Я этого больше просто не выдержу. — Она захлопнула дверь и пошла допивать коньяк.

9

По дороге домой Васильев долго и сильно переживал. Ничего хорошего из его визита с Санькой не вышло. Разве только время удалось потянуть. «Но чего я, собственно, ожидал? — сам себе задал риторический вопрос. — Только ситуацию усложнил...» Затем, сгорая от стыда, попросил:

— Сынок, знаешь, ты пока не говори маме, что мы были у этой тети. Хорошо?

— Хорошо. А почему?

— Ну, мама будет волноваться, может быть, даже заругает нас...

Васильев не знал, что его неугомонная Нинка не просто волновалась. Она решила не сдаваться и подняла на ноги всех своих подруг и знакомых, кто работал в госпитале или был хоть как-то связан с ним, и узнала о своей сопернице все или почти все: должность, стаж работы, семейное положение, подробности ранения, внешний вид, характер и даже кое-что о первом муже. Ну и, конечно же, домашний адрес. «Ростов — город маленький, несмотря на полтора миллиона населения» — лишний раз убедилась Нина и почему-то успокоилась. Незнание тревожила ее, полная ясность — напротив.

— Ужинать будешь? — спросила Нина.

— Буду, — после короткого колебания кивнул головой Васильев и пошел в ванную мыть руки. «Эх, бритву и все туалетные

принадлежности у Ольги оставил», — вспомнил Женя и задумался: где же у него теперь дом?

Ни за ужином, ни после Нина выяснения отношений не затевала. А Васильев и рад был хоть на короткое время отдохнуть от бесконечных разборок. Все позже. Как-нибудь само вытанцуется.

Стыдно было признаться самому себе, но ночевать у Ольги и спать с ее культей ему почему-то не хотелось. Ольгина ущербность Женю теперь совсем не вдохновляла. И когда жена спросила, где ему постелить, ответил с тайной надеждой на совместную ночь:

— Где хочешь...

Нина постелила ему в детской комнате, а сына забрала к себе. Но среди ночи пришла к Женьке и молча, с остервенением, сверкая в темноте глазами, не просто отдалась мужу, а почти что изнасиловала его, оставляя на Женькином теле фиолетовые засосы и царапая до крови спину и плечи. Так она боролась с враждебным ей, внезапно возникшим у Васильева миром и мстила основательнице этого мира. Пусть видит ее, Нинкины, метки на Женькином теле, пусть знает, кому принадлежит этот полный сил, здоровый мужик.

Васильев, искусанный и иссеченный ногтями, недолго млеет от острого наслаждения. У него это была уже вторая подряд бессонная ночь.

За окном шелестел дождь.

Утром, за завтраком, Санька проговорился:

— Мама, а если у маленьких детей ото'вет ногу, то новая не вы'астет? — За ночь он забыл про обещание, данное отцу накануне.

У Васильева екнуло в груди.

— Это только у ящерицы новый хвост вырастает, если старый отвалился, — сразу ответила быстрая на язык мама и тут же онемела, сощурила глаза и полоснула черным взглядом, словно лезвием, по Женькиному бледнеющему лицу. — Ну-ка подь сюда! — Нина вскочила из-за стола и поволокла Женьку за руку в коридор. — Ты что, водил ребенка к этой своей сучке?! — зашипела на мужа, брызгая слюной.

— Водил, — признался Женя, не зная куда девать глаза.

— Идиот! — Нина с правой вlepила ему такую звонкую пощечину, что у Васильева зазвенело в ухе. — Подлец! — тут же вмазала еще и с левой. У Женьки усы встали дыбом.

— Вон отсюда, скотина! — и она, открыв дверь, вытолкнула мужа на лестницу, а через несколько секунд выбросила Васильеву фуражку. — Чтоб я тебя больше не видела!

Женька быстро сбежал со своего пятого этажа, выскочил на улицу и уже здесь напялил фуражку на бедовую свою голову. Измочаленное лицо горело, как фонарь. Васильев, постояв немного в растерянности, двинулся в магазин за сигаретами. «Нет, — думал он по пути, — в таком состоянии к Ольге идти нельзя. Только в полк, к мужикам, к пушкам, куда угодно!..» Да и на службе, в конце концов, надо было обозначиться...

Нина, накормив ребенка, выпытала у него подробности визита к «тете Оле» и побежала к соседке:

— Валя, сегодня воскресенье — в детсадишке выходной, а мне по делам в город надо смотаться. Саньку оставить не с кем. Приглядишь за ним часика полтора?

— Ну конечно. Какой разговор?!

...Нина ехала в город на такси, почти уверенная, что Женька сейчас у своей зазнобы. Хотелось застать «на горячем». Невольно вспоминала, как Васильев уходил к ней от первой жены. Ассоциации получились болезненные. Нина то и дело вытаскивала из сумочки зеркальце и проверяла боевой окрас своего лица. Схватка предстояла нешуточная. Нина еще раз вытащила бумажку с записанным адресом. Из-за волнения никак не могла запомнить.

Дом и подъезд нашла сразу. Быстро взбежала на третий этаж и нажала кнопку звонка. За дверью долгое время было тихо, а затем послышался характерный стук костылей. Нина набрала воздуха в грудь. Щелкнул замок, открылась дверь, и Нина столкнулась с удивленными серыми глазами.

— Где Васильев? Я его жена!

— Не знаю, — выдохнула Ольга. — Я думала — с вами. Вы проходите, — и неловко двинула костылями, уступая дорогу.

— Ноги моей не будет в твоём блядском доме! — прошипела Нинка. — А уж тем более не будет здесь ноги моего сына!

Из ее глаз летели искры.

— Если вы с Женькой думаете, что вам удастся Саньку у меня отвоевать, то знай — я тебе и вторую ногу выдерну, и Васильева сгною! Поняла?!

— Да не кричите вы так, — Ольга опустила голову. — Соседи же вокруг.

— Плевала я на твоих соседей! Да и на тебя! — и Нинка, развернувшись, побежала по лестнице вниз, продолжая обвинительную речь так, чтобы Ольга слышала: — Ишь че удумала! Правду люди говорят: Бог шельму метит. Не успели съехаться-разъехаться, она уже ребенка к себе тащит, корова одноногая!.. — и так грохнула дверью подъезда, что штукатурка посыпалась.

Сразу после ухода жены Васильева Ольга, обрызганная ядовитой слюной, закрыла входную дверь на все замки. Затем достала из стопки пластинок «Реквием» Моцарта и включила проигрыватель. На кухне она открыла духовку в газовой плите и повернула все ручки до отказа. Ольга вернулась в комнату, сделала музыку громче и поставила проигрыватель на автоповтор, чтобы «Реквием» не кончался. Опять пошла на кухню и плотно закрыла за собой дверь.

За окном шел дождь. По стеклу глухо стучали капли и стекали струйками на подоконник. Ольга смотрела в окно, пока голова не стала тяжелой, а перед глазами не вспыхнули звезды. Тогда она легла на пол и положила костыли рядом.

В полку Васильев с горя выпил с друзьями, но душевную боль не заглушил. Нужно было окончательно прибавиться к какому-нибудь берегу, и Женя, укрепив волю водкой, поехал к Ольге.

По дороге курил, предчувствуя, что теперь в его жизни будет мало радости. Нину наверняка потеряет, для Саньки постепенно станет чужим, а с Ольгой будет мучиться...

Закрытая дверь озадачила, но не очень удивила. «Опять Ольга демонстрирует характер и независимость, — подумал. — Это теперь обязательная программа». Он еще раз нажал кнопку звонка, постучал... Не открывала. Женя закурил, не зная, что принять.

Из-за двери слышалась печальная музыка. Он прислонил к двери ухо и прислушался. Что-то знакомое. Женя напряг память. Ага... «Реквием» Моцарта. Ольга что-то говорила об этом. Сердце Васильева стало вдруг распухать в груди.

— Ольга! — крикнул он. — Ольга, открой!

И тут он уловил запах газа.

Разбежался и ударил в дверь плечом. Что-то хрустнуло в раме. Снова разбежался и ударил всем телом. Потом еще. Дверь распахнулась. Женя бросился на кухню. Его окатило волной газа.

Увидев лежащую на полу Ольгу, он рванул на себя ручку окна. Одна створка открылась, но вторая не поддавалась — не пускал намертво покрашенный шпингалет. Васильев грохнул по стеклу кулаком. Зазвенели и посыпались осколки. Порезанная рука оплыла кровью. Холодный влажный воздух ворвался в квартиру, но Жене показалось этого мало. Он схватил Ольгу на руки и поволок на улицу, задыхаясь от тяжести. Уложил ее на скамейку перед подъездом и принялся трясти и хлестать по щекам.

Привлеченные звоном разбитого стекла и шумом на лестнице, в окна стали выглядывать соседи.

— Что случилось? — спросил какой-то седой мужчина.

— Вызовите «скорую»! — крикнул Васильев. — Человек умирает! Вызывайте быстрее! — голос его срывался.

Васильев стоял на коленях возле Ольги, гладил ее по мертвым остывающим щекам и стирал капли дождя. Он хотел еще крикнуть, чтобы кто-нибудь выключил музыку — дверь там открыта, — и огляделся. Но дворик был пуст.

ЗАРАЗА
Рассказ

Полки стонали от поноса.

— Засранцы! — ревел на совещании генерал. — Батальон с дизентерией в госпиталь уложили!..

Командир и замполит самого больного полка, поднятые с кресел начальником, наливались соком позора. Повинные их головы румянились от жары и стыда, и пот сверкал в их жидких волосах...

— Шо, трудно было организовать бочки с кипяченой водой и мыло с пантацитом?! — кричал генерал, расстреливая с трибуны вопросами командира и замполита полка.

Снаряды его фраз разбивались о потные лбы стоящих посреди клубного зала офицеров. В их горячие затылки сыпалась карточка взглядов всех присутствующих. Сотня человек — от лейтенанта до полковника — с привычным напряжением следила за генеральским разносом.

За тонкими фанерно-жестяными стенами солдатского клуба на пыльной голой земле сидел одуревший от жары июль. По палаткам безмолвно бродила дизентерия, хватая бойцов за истончившиеся кишки и высасывая из них кровь. Мухи радостно пели и путались в ее грязных волосах. Хилый саженец-госпиталь только-только начал пускать побеги инфекционных отделений. Падая от усталости, медики дезинфицировали все, что могли. Но могли они немного. После санитарных рейдов оставались туалеты, залитые чернильного цвета дезраствором, губительным для всякой летающей мелкоты природы. Засыпанные хлоркой сортиры и мертвая мошкара обозначали мужественный путь медиков. Однако на смену погибшим мухам с бесчисленных помоек слетались новые тучи, и дизентерия хохотала гнилым ртом в спину усталым санитарам.

В госпитале солдаты из рабочих команд, как пауки, плели колючую ограду, строили новые фанерные бараки и рыли выгребные ямы. Стройка стучала молотками и визжала пилами. В госпитале было тесно. Еще дрожали на ветру вылинявшими боками палатки. Прокуренные медсестры спали на матрасах без простыней и спиртом отгоняли от себя тиф. В палатках и коридорах лечебных модулей на полу и двухъярусных кроватях с урчащими животами валялся цвет Вооруженных Сил — действующая на Юге армия.

Солдат Сергей Панин состоял в этой армии, лежал в коридоре на матрасе и скрипел животом. Он тихо радовался, что лежит в госпитале, а не воюет далеко в горах со своей ротой, стыдился этой радости и стрелял чинарики у богатых на сигареты курцов. Богатых было очень мало. Бедных — очень много. Они неравны были в тени под узким козырьком курилки. Они равны были лишь в туалете — длинном дощатом сарае, принадлежавшем одновременно сразу двум отделениям — дизентерийному и гепатитному — и вследствие этого разделенном на две половины дырявой перегородкой.

Панину страшно хотелось курить, невыносимо хотелось. Но его рота воевала в горах уже неделю, никто к Панину не заходил и сигарет не приносил. От недостатка дыма он грыз ногти. Пришлось унижительно выклянчивать чинарики у солдат-«стариков». Многие оставляли ему бычки с высокомерием кладовщиков и долгим презрительным взглядом наблюдали лихорадочные затяжки молодого бойца.

Стальные глаза Панина под крутым козырьком бровей поблескивали затаенной злостью. Ноздри помятого в детстве носа раздувались. Панин болел обкусанной унижениями душой. Но курить хотелось сильно, и он терпел, обдирая легкие бракованным табаком московской фабрики «Дукат», думая, что отравит и усыпит им большую душу. Но душа его не спала, раненная дизентерией, которую Панин получил сознательно. Он понял, что его сослуживец Мишка Симонов болен, видел его частые забеги в туалет и специально пару раз попил из его кружки и втихаря доел за ним кусок хлеба, чтоб влететь наверняка. И даже если бы командир и замполит полка каждому солдату закипятили бочку воды с пантацитом — обеззараживающими таблетками, Панин все равно бы заразился. Он ел бы с помойки, чтобы попасть в госпиталь и не идти на войну. И напрасно комдив поднимал кровяное давление себе и офицерам. Панин хотел вле-

теть с поносом и влетел. Теперь он ходил в сортир кровью и страдал душой.

Мучился Панин животом, мучился молодым, захлебывающимся сердцем. Но панинская гордость с перебитыми ногами еще куда-то ползла. Были дни, когда Сергей совсем не тяготился службой в действующей армии. Он дрался с солдатами-«дедами», когда те пытались его оседлать. Пока ему везло в боевых рейдах, он смотрел на войну с любопытством. Пули барахтались в песке вокруг его худого тела, вызывая в Панине лишь интерес кинозрителя. Панин еще не знал войны, не знал, что он в ней — мишень. Поэтому он гордился собой. А гордому человеку мучительно сознавать, что он трус. Панин не сразу узнал, что боится смерти. Но когда узнал, понял, что скоро по-страшному умрет.

В тот раз Панину опять повезло. Не повезло его роте. Полгода фортуна дула ей в паруса, уводя от смерти. Полгода рота петляла меж минных полей и засад. А через полгода налетела на банду и, оставив боевикам одну подбитую БМП, еле унесла ноги. Вызвали вертолеты, разогнали «духов» и стали искать своих. И нашли. Пять человек аккуратно лежали под скалой без голов.

Они были еще молоды — ребята из панинской роты — они были везунчиками и не знали, где искать головы своих товарищей. Они обшарили все вокруг и нашли лишь внутренности. И тогда командир догадался. Он расстегнул куртки на телах убитых и нашел там головы своих солдат, спрятанные в выпотрошенные животы. Как зачарованный смотрел почерневшим лицом на это Панин, потому что только красота и мерзость могут так примагничивать человеческий взгляд. Оглушенный ужасом, Панин стал блевать. Он блевал долго и трудно, выворачивая наизнанку свою молодую душу, выкидывая из себя любопытство к войне и пацанячий азарт.

В этот час он стал трусом. Панин теперь боялся смерти и по ночам видел свою отрезанную голову с прямыми бесцветными славянскими волосами в своем же пустом животе. Он не опорожнился до конца от гордости и лишь через муку внутри души смог заразиться дизентерией. Теперь он лежал в бараке, худел от кровавого поноса и стрелял бычки у солдат-«стариков».

Лежать ему определялось еще дней десять. И Панин знал, что после госпиталя снова пойдет на войну. С тихой завистью смотрел он за колючую проволоку, разделявшую дизентерийное и гепатитное отделения. Три раза в неделю на той стороне перед

длинным баракom строили желтоглазых больных (в военной форме, а не в госпитальных робах), сажали в кузов автомобиля и везли на аэродром, чтоб отправить лечиться на «большую землю», в глубь России. Слышались оттуда резкие команды офицеров, хохот уезжающих почти домой солдат и шум грузовика.

Панин хотел к ним. Но хлипкий забор у него в душе еще стоял. Панин не сразу решился его повалить и идти к гепатитчикам.

Идея крутилась вокруг него, как надоедливая муха, но он ее не отгонял. И однажды Панин, застучав сердцем о ребра, прокрался за дырявую перегородку в туалет гепатитчиков и охрипшим тихим голосом оглушил завявшего от болезни желтушника:

— Братан, дай мочи полбанки, очень тебя прошу!..

Гепатитчик обнажил желтые склеры вмиг округлившись глаз и задрожал подбородком. Он понял, зачем нужна была Панину его бурая от хвори моча. Он знал про этот вариант дезертирства: желающий заболеть желтухой и уехать в тыл на лечение — выпивает мочу больного гепатитом, и заражение тяжелой формой обеспечено.

Панин стоял перед желтушником на ватных своих ногах и тараторил:

— Только не говори никому, не говори никому...

Желтушник с приспущенными штанами держал в руке стеклянную банку с теплой своей мочой, собранной для анализа, и понемногу приходил в себя. Он перестал трясти подбородком и залил в глаза злость.

— Может, тебе еще в рот насрать?.. На, сука! — взвизгнул он, задыхаясь, и брызнул мочой в дергающееся панинское лицо. — Драпануть решил, гад?! — кричал он в спину убегающему Панину, натягивая штаны...

Панин утерся и залег на свой матрас в коридоре. Его трясло весь вечер. Ночью он плакал, уснув ненадолго лишь под утро. Стыд, происходивший от остатков гордости, бурно тек по его жилам, смешавшись с адреналином. Два дня Панин ждал, что за ним придут. Два дня чувствовал на лице теплую солдатскую мочу, горел душой и боялся военного трибунала. Два дня вспоминал свою веселую молодящуюся мать, которая после развода с отцом пошла работать дежурной в общежитие иностранных студентов...

Сергею было тогда четырнадцать лет. Мать со скандалом (сын-подросток не хотел ехать с «малявками») отправила его за город в летний детский лагерь. Сергей там сумел подрабать с местными

ребятами, и ему сломали переносицу. Назревал «разбор полетов» у лагерного начальства, и Панин этим же вечером сбежал домой. Он вошел в квартиру, открыв дверь своим ключом, и поэтому никого не спугнул. В комнате был включен свет. Два голых вспотевших негра, упершись коленями в стертый ковер на полу, раскачивали пьяную панинскую мать. Сергей задохнулся от неожиданности. Негры перестали двигать мать. Она подняла тяжелые глаза и убрала со лба упавшую прядь крашенных волос.

— Сбежал из лагеря, скотина? — процедила устало.

Сергей пулей вылетел из квартиры. Всю ночь до лагеря он шел пешком. Раскаленная голова его к утру остыла, и он догадался, откуда у матери на нищенскую зарплату дорогая косметика, красивые шмотки и вообще достаток в доме после ухода отца. С поразившим лагерное начальство равнодушием пережил он разборку драки и угрозу попасть в детскую комнату милиции. С таким же равнодушием вернулся домой, когда кончилась путевка.

С тех пор до самого призыва Сергея в армию мать предупреждала его о визите очередных своих друзей, и он уходил из дома до глубокой ночи. В его душе не было ни ненависти, ни презрения. В его груди проросли зерна стыда и смирения. Письма домой с фронта он писал два раза в месяц, словно отправлял некую естественную надобность. О том, что заболел дизентерией, Сергей матери не сообщил. Не потому, что щадил ее нервы, — просто установленный им самим срок для письма еще не пришел...

После выписки из госпиталя Панин вернулся в роту отупевшим и молчаливым. Жизнь еще тлела в нем. Через неделю он вместе со всеми пошел в рейд. После долгого марша на боевых машинах он отпросился у командира на пару минут.

— Что-то опять живот прихватило, — пряча глаза, сказал Панин.

Он пошел в развалины дома. Вынул из гранаты предохранительную чеку, старательно засунул себе за пазуху разогретый на жару ребристый корпус включенной «лимонки» и присел, готовый к прыжку в бездну покоя. Граната вырвала панинское измученное болезнью и душой нутро, и командир полка с замполитом снова выслушивали от генерала ругань. После начальственного разноса они вечером написали матери Панина, что сын ее пал смертью храбрых в неравном бою, и что вечная память, и что Родина не забудет, и прочее и прочее — все как полагается.

Через месяц командир полка и замполит получили письмо от матери Панина, в котором она грозилась вывести командование полка на чистую воду, поскольку офицеры — воры и подлецы. Сын ей писал, что купил в военторге импортные дорогие кроссовки, а прапорщик, который привез гроб и вещи сына, кроссовки не доставил и ничего про них не знает. «Я напишу об этом вопиющем случае министру обороны и в прокуратуру», — заключала письмо мать солдата Панина. Прочитав его, командир матюкнулся, а замполит сказал: «Вот зараза» — и тяжело вздохнул.

ОЧЕРКИ

КАДАРСКАЯ ЗОНА

Трое пленных с завязанными глазами и наручниками на давно не мытых запястьях сидели в замкнутом, огороженном дворе небогатого дома на окраине Кадара. Хозяева неделю назад оставили свое жилище, и теперь в углу в овечьих шкурах, не дождавшихся выделки, шевелились бледные черви. Арестованные сидели под навесом, и нудный осенний дождь не сыпался на их поникшие головы. Один из пленных, высохший от возраста старик, шамкал провалившимся в бороду ртом молитву. В его руке, похожей на корягу, вздрагивала розовая неживая вставная челюсть.

— Они точно ваххабиты? — спросил я у охранявшего пленников дюжего солдата с пулеметом на плече.

— Местные жители говорят, что ваххабиты, — ответил боец и зевнул. — Сказали, что здесь, в Кадаре, семь семейств ходили в Карамахи на бандитские сборища. Всех выдали. Но большинство убежали, а этих нашли в пещере. Прятались. У них там и еда, и одеяла, и радиостанция была. А оружие спрятали, наверное...

Я разглядывал пленников, не веря, что враг бывает таким жалким и немощным: с трясущимися от страха белыми губами, с вставной челюстью в руке, в замусоленной одежде, произведенной в турецких подпольных мастерских и купленной где-нибудь на рынке в Махачкале... Неужели против этих людей, похожих на придавленных нищетой крестьян, нужно было применять сверхзвуковые штурмовики, реактивную артиллерию, танки с антикумулятивной броней, десант из Пскова, спецназ из Поволжья и еще массу другой военной силы?

Размышления мои прервал хозяин дома, пробравшийся сквозь

милицейское оцепление, чтобы накормить домашний скот и проверить, не растащили ли солдаты имущество. Лицо его было напряжено, а глаза бегали то по сгорбленным фигурам пленников, то по углам двора, сверяя наличность с тем, что было до объявления села зоной боевых действий.

Глядя на хозяина, на шоферские, серые от въевшегося технического масла руки и проследив за его взглядом, я не удержался и спросил:

— Что-нибудь пропало?

— На удивление — ничего. Даже запчасти не тронули...

Я оглянулся. Под стеной на промасленных тряпках лежали железяки, важность которых может оценить только настоящий водитель-профессионал.

— Не до мародерства сейчас, — вздыхаю с облегчением, что родная армия не замаралась воровством.

— Понятно, — чуть расслабляется хозяин, но до улыбки еще не созревает. — Если что-то из продуктов нужно, пусть берут ребята — не жалко. Сам был солдатом, знаю, как в армии кормят. А у нас тут и варенья, и соленья, и компоты... Я специально все двери оставил открытыми. Если уж кто захочет — все равно сорвет замок.

— Значит, ничего не пропало? — настаиваю.

— Щас посмотрю, — и хозяин уходит произвести окончательный смотр имуществу.

— Порядок, — говорит он, вынырнув из двери, и взгляд его теплеет. — Но ведь еще милицейской зачистки не было. Будет зачистка — наверняка пропадет телевизор или магнитофон. — И он наконец улыбается, правда безрадостно.

— Вряд ли, — успокаиваю собеседника, — все ОМОНЫ, милиция и внутренние войска теперь в Карамахи и Чабанмахи или в оцеплении.

Последние мои слова тонут в реве штурмовиков, заходящих для атаки на мятежные села. Пленники-ваххабиты напрягаются.

Я отвожу хозяина в сторону и шепчу на ухо, показывая рукой на пленников:

— Эти люди — ваххабиты?

— Ваххабиты, — громко отвечает он, разрушая звукомаскировку, которую я пытался сделать для его же безопасности. — У нас в Кадаре их мало. Но есть. Эти тоже все время в Карамахи бегали. Добегались. Щас тихие. А видели бы вы их на ваххабит-

ских сборищах! — и уходит куда-то за сарай, где лениво мычит корова.

— Я в руках оружия никогда не держал, — поворачивает в мою сторону лицо с повязкой на глазах старик-пленник, и челюсть в его скрюченных пальцах вздрагивает. — И сын мой никогда не держал оружия. Кроме Корана, ничего в руках не держали.

— Это его сын, — кивает головой солдат-пулеметчик на молодого бородатого парня, сидящего на корточках у стены со скончанными сзади руками.

Я не могу отделаться от ощущения, что эти непохожие на врага в привычном его понимании люди мне знакомы. Где-то я видел нечто подобное, слышал похожие речи...

Это было в Афганистане. Только вместо бараньих шапок — чалмы, вместо турецких кожаных курток — выцветшие жилетки, вместо русского языка с кавказским акцентом — фарси. Трудно было поверить, что афганские дехкане — враги. Невозможно было себе представить, что огрубевшими от работы руками они берут карабины и автоматы и целятся в меня и моих товарищей. Увы, это было именно так.

Правда, имело место одно существенное различие: в Афганистане мы были чужаками, пришедшими в суверенную страну со своим уставом, а здесь была Россия. Опять же — в Афганистане в принципе не могло быть колхозного шофера, который открыто назвал бы соседа душманом, выдав его чужакам. Уж не говоря о приглашении в свою кладовку, чтобы полакомиться вареньями и соленьями. В общем, и схожесть ситуаций, и их разность были одномоментными.

Размышления мои прервал полковник из армейской разведки, шумно ввалившийся во двор своей мощной фигурой.

— Ну что, корреспондент, познакомишься с местной экзотикой? — спросил он у меня, не нудяясь в ответе.

Привычными, уверенными движениями он выпотрошил карманы пленников и протянул мне один из паспортов.

— Глянь — какая география.

Я стал листать страницы. Визы Азербайджана, Ирана, Турции, Иордании, Саудовской Аравии украшали паспорт, как игрушки новогоднюю елку.

— Тебе такие турне и не снились, — улыбнулся полковник. — ...Возьми на память, у меня такого добра полно, — и он протянул мне карманную зеленую книжечку «Крепость мусуль-

манина». — У них это что-то вроде цитатника Мао у хунвейбинов — заповеди ваххабитские... А теперь, извини, мне нужно поработать. Ты тут лишний. Разговор будет не для печати.

Я понимающе кивнул головой и вышел со двора, захлопнув железную дверь. Буквально в тридцати метрах от ворот — командный пункт, где четыре генерала и десятка полтора старших офицеров из разных силовых ведомств руководят боевой операцией по уничтожению укрепрайона сепаратистов в Карамахи и Чабанмахи. Давно не бритые, с серой щетиной на обветренных красных лицах, генералы сорванными голосами сипят в микрофоны.

— «Двадцатый», что ж ты мне врешь, сволочь! — орет в рацию генерал из внутренних войск. — Я же вижу отсюда в бинокль, как ты атакуешь: твои бойцы за курями гоняются, а не снайперов выкуривают!..

— Я же бывший танкист! — кричит в свой микрофон армейский генерал. — Не надо мне лапшу на уши вешать! Там автомат заряжания в машине: один снаряд улетел, а другой уже в казеннике! Всего пару секунд нужно для очередного выстрела. Давай быстрее веди огонь, пока они перебегают на очередной рубеж!

— «Двадцатый!» — орет генерал-«внутренник». — Я тебе покажу «подведение итогов». Ты у меня кровью смоешь трусость и мародерство! Если через две минуты в атаку не пойдешь — накрою тебя минометами!

Выключив рацию, он зло плюет себе под ноги в чавкающую под сапогами грязь.

— Врет, подлец, что его снайпера прижали, и отсиживается в подвале, кур ошпиывает на обед! Неделю уже здесь мурыжимся! — и «внутренник» смотрит на меня красными от бессонницы глазами.

Справа в сыром окопе, под дождем, микрофон терзает полковник-авиатор с побелевшими от возмущения глазами:

— Да на хрена мне такие бомбы, которыми разве что прыщи давить. Тут, как минимум, пятисотки нужны! Самолеты только керосин жгут понапрасну! Здесь же укрепления, как в Вервольфе. Пять лет готовились, бетона залили немерено! Такая бомбежка для них — все равно что слону дробина!..

Воздух в очередной раз треснул от грохота танковой пушки, и дом на окраине Карамахи окутался дымом.

— Ты видел, Миша! — подбежал генерал-армеец к генералу-«внутреннику». — Только что в эту хату десять боевиков забежало.

Боец-танкист самостоятельно, без команды, влупил и накрыл всю группу. Ты понял, а?! — сипел он радостно. — Во мои дают! А твои сопли жуют и кур щипают! — Глаза у «армейца» искрятся.

— Иди ты к черту со своими танкистами! — раздосадованно отвечает «внутренник», закуривает и поднимает к дымящемуся рту рацию: — «Двадцатый!» Ты, сволочь, долго еще будешь готовить атаку?! Марш вперед!

Над окопами командного пункта — мат и ругань, безжалостные шутки и смех, угрозы расправы и обещания славы... Воздух трещит от нервного психического электричества. И капитан, прибежавший на КП с вестью о прибывшей делегации депутатов Госдумы России, нарывается на фугас начальственного гнева.

— Вот я щас тут все брошу, — взмахивает руками, перепачканными глиной, армейский генерал, — и пойду твоих депутатов встречать, экскурсию на войну буду им организовывать! Им шоу нужно, а мне нужно операцию закончить и людей сберечь! Иди отсюда к чертовой матери! — хрипло ревет он на ретировавшегося капитана. — И депутатов туда же заberi!..

Тут один за другим на окраине Чабанмахи лопаются снаряды, поднимая в небо букеты дыма и пыли.

— Во молодцы, артиллеристы! — тут же забывает о капитане и депутатах генерал. — Скажи своим, — кричит артнаводчику, — чтобы чуть выше взяли, перед мечетью, где у них опорный пункт!..

Я утопаю в грязи чьего-то огорода, на котором расположился КП, пытаюсь добраться до окопа со «стереотрубой». Траншея командного пункта тянется вдоль гребня, под которым — глубокое ущелье. За ущельем, на плато и его откосах — село Карамачи с опорными пунктами ваххабитов (среди которых и местные жители, и пришлые чеченцы). Справа от плато, на склонах горы Чабан — село Чабанмахи, на окраине которого завяз «двадцатый» (поливаемый матом и угрозами с КП). Оба села, вся картина боя — как на ладони. Зрелище и величественное, и трагическое одновременно. В небе ревут самолеты и вертолеты, на КП — генералы, в селах — снаряды и бомбы. В двух километрах отсюда, в тылу, на вертолетной площадке мнутя в ожидании встречи приехавшие из Москвы депутаты и телевизионщики.

— Товарищ генерал! — кричит связист «армейцу». — Начальник Генштаба «на проводе»!

— Иду! — отвечает бывший танкист и прижимает трубку к уху, изнасилованному грохотом.

Метрах в десяти справа от генерала ойкает и падает в окоп солдат-десантник. Пуля попала ему в плечо. Вокруг раненого начинается обычная санитарная суета.

— Откуда пальнули? — поднимает голову полковник-авиатор с воспаленным обветренным лицом.

— Черт его знает, — отвечает майор-связист. — Наверное, из Карамахов.

— А потому что не хера торчать над бруствером, как манекен в витрине! — орет генерал-«внутренник». — Всем в окопы!

Я стою в траншее, засыпанной окурками, и чувствую себя лишним на этом празднике войны. Я ухожу с КП, чтобы не мешать людям заниматься своим делом. По дороге сталкиваюсь с группой молодых ребят, вооруженных до зубов, с непокрытыми головами, в кожаных перчатках, с голыми пальцами, но ... без погон, в камуфлированных безрукавках. Это командиры штурмовых групп из внутренних войск. Они идут к генералу-«внутреннику» на инструктаж. Сейчас они будут брать левую окраину Чабанмахи. Несмотря на нудный морозящий дождь и пронизывающий ветер, им жарко. Они только что вышли из боя. И сейчас вернутся туда же. Им будет еще жарче.

— Что, пресса, нос повесила? — весело окликает меня полковник-разведчик. — Выше голову! Наше дело правое!

— Узнали что-нибудь? — интересуюсь про пленных.

— А как же! Раскололись, как орехи. Все рассказали.

— И что же?

— А оно тебе надо? — улыбается полковник. — Ты вон лучше про наших бойцов пиши. Кровью умываются, а «духов» жмут.

— Чеченцев много? — не отстаю от разведчика.

— Человек пятьсот, — чуть помолчав, сдается полковник. — Местные бандиты уже сдались бы давно, да эти «чехи» не дают. Всех, говорят, порешим: и жен, и детей, и вас самих. «Чехам» что — их жены и дети отсюда далеко.

— Так там мирных жителей полно, что ли? — удивляюсь.

— Нет, большинство ушли. Мы же им «коридор» давали. Но какая-то часть осталась. Видно, для шантажа «чехи» и держат их.

— А Надир Хачилаев еще здесь? — задаю новый вопрос, но разведчик поднимает ладонь:

— Все, пресса, все! Больше ничего не скажу!

— Что с этими пленными будет? — кричу уже в спину разведчику.

— Ментам сдадим. Пусть разбираются, — повернув голову, на ходу отвечает полковник, направляясь к генералу-«армейцу».

Я иду на центральную площадь села, где рядом с мечетью на огромном камне возвышается обелиск с высеченными именами всех кадарцев, павших в Великую Отечественную войну. Фамилий около сотни.

Площадь — название слишком громкое. Ее диаметр не больше пятидесяти метров. Она горбата, как морская волна, и с одной стороны упирается в старую мечеть, а с другой — в развалившееся здание сельской почты. И мечеть, и почта, и край площади нависают над ущельем, разделяющим Кадар и Карамахи. Издали все это действительно напоминает огромную каменную волну, девятый вал, накатывающийся на карамахинское плато. Неудивительно, что вдоль гребня выстроились танки. Отсюда и обзор, и обстрел вести очень удобно.

Обрастая по периметру корпусов стреляными гильзами, танки периодически лупят из пушек по неприятелю, и стекла в кадарских домах вздрагивают.

Возле почты установили свои камеры телевизионщики из Москвы. Прильнув к окулярам, они рассматривают Карамахи и снимают взлетающие на воздух дома.

— Посмотри: явно какое-то укрепление, — подзывает меня один из телеоператоров.

Я прижимаюсь лицом к аппаратуре и вижу возле какого-то строения маскировочную сеть, зеленые снарядные ящики и характерную для окопа насыпь земли.

— Вот бы туда влупить! — загораются глаза у тележурналиста.

Он явно увлечен боем и готов помочь танкистам. Вскоре весть об обнаружении ваххабитского укрепления доходит и до офицеров. К телекамере подходит майор в испачканных глиной резиновых сапогах и с серым от усталости лицом. Его шлемофон болтается на спине.

— Можно глянуть? — спрашивает у телеоператора.

— Конечно! — радостно отвечает тот.

— А видно-то как хорошо, — бормочет майор, не отрываясь от камеры. — Нам бы такую аппаратуру на танки...

— Кратность увеличения сумасшедшая! — хвастает журналист и улыбается. — Японские линзы.

— Спасибо! — наконец отрывается от окуляра офицер и бежит к танкам.

Вскоре звучит выстрел, и майор возвращается к телекамере, чтобы проверить результат.

— Накрыли, — спокойно констатирует он эффективность огня и поворачивает лицо к телеоператору. — Браток, ты не мог бы сделать так, чтобы я поводил камерой по всему фронту села. Может, еще что найду.

Журналист с удовольствием показывает, как двигать аппаратурой, чтобы получить полный обзор.

— Ну, все, старик, орден тебе обеспечен, — улыбается руководитель телегруппы, обращаясь к оператору, и тут же подмигивает мне: — Без телевидения теперь даже войну не выиграть.

Майор оборачивается, чтобы проверить: в шутку говорят или всерьез. Убедившись, что это всего лишь хохма, опять прилипает к окуляру.

— Интервью дадите? — спрашивает старший телегруппы, когда офицер уже возвращается к своим.

Тому неудобно отказывать, ведь журналисты помогли накрыть вражескую цель. Он мнется, закуривает и все же увиливает.

— Ну что я, ребята, буду вам говорить? Вы уж лучше у генералов спрашивайте.

— Давайте я скажу! — доносится вдруг голос со стороны площади.

Все оборачиваются. К нам подходит местный житель в бараньей шапке и кожаной замусоленной куртке. Ему за 50 лет, он давно не брит и похож на чабана.

— Я временный комендант Кадара, — говорит чабан с сильным акцентом.

Журналисты тут же наводят на него камеру и суют под нос микрофон.

— Мы очень рады, что сюда пришла русская армия! — приосанившись, начинает речь комендант. — Эти ваххабисты нам всем тут надоели. От них житья нету. Пусть их всех уничтожают до одного. А если вы не уничтожите, то мы сами их уьем!.. — Пауза. — Поздравляю всех солдат и офицеров с днем победы!

Я еле сдерживаюсь, чтобы не заулыбаться. Телевизионщики тоже напрягают лица, усмиряя смех. Выслушав тираду коменданта, они вопросов не задают, боясь, что тот брякнет какую-нибудь глупость.

«Это мой клиент», — решаю. И беру чабана в оборот. Мы идем с ним от почты к мечети и переступаем через рассыпанные танкистами стреляные гильзы.

— Когда все это начиналось, — рассказывает комендант, — то наш мулла пошел туда, в Карамахи, на их собрание. Посидел, послушал, поговорил с ними... Вернулся, собрал нас всех, кто в Кадаре живет, и сказал: «Кто туда пойдет, в Карамахи, — тот не мусульманин». Вот так. Они там не мусульмане все, в Карамахи. Они людей убивали, они какие-то дурацкие законы там сделали. Наши люди туда не ходили. Только очень мало людей туда ходили. Очень мало!

Комендант посмотрел на меня, пытаюсь разобраться: понял я или нет.

— Я понимаю, — киваю головой.

— Они всех, кто ихнюю веру не принял, выгнали. «Или по-нашему живите, — сказали, — или уходите!» — и чабан иллюстративно махнул темной от работы рукой. — Начальника милиции, главу администрации села убили. Взяли и убили. Без разговоров! Это что?! Это бандиты! — Глаза коменданта вспыхивают. — Мы тут все мусульмане. Мы все в мечеть ходим и Коран знаем. Там нет, в Коране, такого, как они делают, — и чабан показывает на дымящиеся Карамахи. — Они заслужили то, что сейчас здесь творится. У всех оружие было... У меня нет оружия. Зачем мне оружие? Я никого убивать не собирался. Значит, они собирались убивать, раз у них было оружие.

Мы идем с комендантом мимо танков, через площадь, и он высказывает простые истины, дополняя исковерканные акцентом слова скупыми жестами.

— А вы там были, в Карамахах? — спрашиваю.

— Нет. Зачем? Боялся. Мулла наш не велел, и я боялся. Почти никто не ходил... У нас свой мулла. Своя мечеть. Нашей мечети 1200 лет! Вот она. Там есть табличка: построена в 700-х годах.

Я смотрю на здание с невысоким минаретом. Ему явно не 1200 и даже не 200 лет.

Разглядев сомнение на моем лице, комендант решает проводить меня внутрь.

— А можно? — спрашиваю с искренним опасением православного человека перед посещением мусульманского храма.

— Можно, если уважаешь святое место! — твердо высказывает комендант опять же простую истину.

Разувшись, мы входим под своды мечети. Только здесь, внутри храма, я убеждаюсь в древности сооружения (видимо, недавно обложенного кирпичом). Почерневшие и растрескавшиеся от времени балки и колонны выдают возраст строения. Конеч-

но, это не восьмой век. Учитывая разницу в мусульманском и христианском летосчислении, возможно — четырнадцатый век.

Осторожно ступая по домотканым коврикам, я рассматриваю мужскую и женскую части зала, четки на полу и огромную картину с видом Мекки.

— Да, это очень старая мечеть, — говорю коменданту, который вопросительно смотрит мне в глаза.

Выйдя на воздух, незаметно для своего спутника крещусь и шепчу: «Прости, Господи, мою душу грешную!»

— Это святое место, — говорит комендант. — Тут ваххабитов не было и не будет.

— А где же мулла? — спрашиваю.

— Все люди ушли. Милиция объявила: здесь зона боевых действий — уходите. Все ушли. К родственникам. В другие села. Иногда приходят, чтобы покормить скотину... Кончится война — все придут. А я временный комендант Кадара. Генералы ваши знают.

— Так что вы тут — главная власть?

— Э-э! — машет рукой чабан. — Разве такая должна быть власть?

— А какая? — спрашиваю.

— Власть должна быть... — и комендант замолкает в поисках нужных слов, мучается, не находит и только сжимает каменный трудовой кулак.

За нашим диалогом наблюдают трое пожилых мужчин в потертых одеждах сельских интеллигентов. Один не выдерживает своей безучастности и подходит.

— Я местный школьный учитель. Понимаете?

— Понимаю, — киваю головой.

— Ваши солдаты — странные ребята, — продолжает он, и глаза его загораются дурным огнем. — Я специально не запирал дверь во двор, оставил ключ в замке, а они взяли и выломали мне всю дверную коробку. Просто грохнули сапогом и выломали. Понимаете?

— Понимаю, — киваю головой. — Но и вы поймите: они все уже знают чечено-ваххабитские уловки, в том числе и с ключом. Когда поворачиваешь его в замке и тем самым замыкаешь контакт, происходит взрыв прикрепленной к обратной стороне пластидной мины.

Учитель непонимающе смотрит на меня, моргает, и злой огонь в его глазах гаснет.

— Но я не чеченец и не ваххабит, — наконец соображает он. — У меня нет мины на дверях!

— А откуда солдат это знает, — упорствую. — Вон сзади вас полуразрушенный дом. Неделю назад при вступлении сюда армейских частей из него стреляли по нашей колонне.

— Потому что тут жил ваххабит, — объясняет учитель. — Большинство людей здесь — не ваххабиты.

— А откуда солдат знает: кто ваххабит, а кто нет, где двор мирный, а где бандитский?! Если в селе хотя бы из одного дома ведут огонь по нему, он будет подозрительно относиться ко всем, — говорю с надеждой, что местный интеллигент усвоит эту простую логику.

— Да, это все война, — соглашается учитель, но без поиска одушевленного виновника обойтись все же не может. — Без этого предателя Степашина ничего бы этого не было! — и показывает рукой на дымящиеся Карамахи.

Заслышав фамилию бывшего министра внутренних дел (а позже и премьер-министра) России, к нам подходят еще двое местных жителей.

— Как это так?! — возмущается седой мужчина с властным лицом. — Ваххабисты во главе с Надиром Хачилаевым захватывают здание Государственного Совета Дагестана, — и он поднимает к небу указательный палец, — гадят там, бесчинствуют, грабят, рекламируют себя по телевизору!.. И после этого Степашин приезжает к ним сюда, — палец выставляется в сторону Карамахи, — и вместо того, чтобы всех арестовать и расстрелять, говорит: «Какие симпатичные террористы» и присылает им два самолета с гуманитарным грузом. А вот у него, — палец поворачивается на учителя, — в школе люди забыли, когда последнюю зарплату получали. Значит, хорошо быть ваххабистом, значит, хорошо грабить и убивать. За это тебе из Москвы Степашины пришлют подарок, а из Турции или Саудовской Аравии — доллары. Вот хорошо устроились! — и человек с властным лицом хлопает себя по бедру и зло улыбается.

Вдруг на Карамахи обваливается артиллерийский залп. Земля вздрагивает, и мы все оглядываемся на поднявшуюся в небо пыль.

— А вы кто? — интересуюсь у властного оратора.

— Заместитель главы администрации села, — отвечает с гордостью седовласый человек и опять тычет пальцем в сторону разбомбленного Карамахи: — А они, ваххабисты, главу админи-

страции своего села застрелили. Потому что он был не согласен с их политикой. Они вывели его из кабинета и при всех людях на площади застрелили. Без суда и следствия. А кто с ними не согласен был — ограбили и выгнали... Никого за это не наказали. Наоборот — Степашин им подарок привез. Вот такой в России министр, и такой в России порядок!

— Степашин уже не министр и не глава правительства, — вношу поправку.

— Зато порядок остался тот же, — буравит меня глазами властный дагестанец. — Наши муфтии в Махачкале уже давно перед Москвой ставят вопрос о признании ваххабизма экстремистской организацией, чтоб поставить его вне закона. И что? Никак Москва не реагирует... «Хорошие ребята», — говорит министр. Ты еще молодой... То, что сейчас бомбят Карамахи и Чабанмахи, — ничего не значит. Завтра вам из Москвы придет приказ: остановить наступление и отвести войска! Может такое быть? Может! Уже было в Чечне три года назад. Люди все помнят! Они никому не верят... Дайте людям оружие! Мы сами с ними воевать будем! — палец опять стреляет в Карамахи. — Вы пришли и ушли, а нам тут жить. И детям нашим. Я не хочу, чтоб на мою дочку паранджу надели и сделали рабыней, какой-нибудь третьей женой бородатого бандита! Или чтоб мой сын ходил в коротких штанах без трусов. Это же дикость какая-то! Хаттаб из Иордании будет мне тут, на моей земле, рассказывать, как мне молиться Аллаху. Я без него знаю!

Слушая длинный монолог заместителя главы администрации села, чабан, назначенный временным комендантом Кадара, кивает головой и молчит. Видно, что он со всем сказанным согласен. Но тут два штурмовика заходят для атаки, и рев с неба заставляет нас на минуту вскинуть глаза вверх.

— Пять лет, — проигнорировав бомбежку, вступает в разговор учитель, — здесь творятся безобразия. Какая-то мелкая секта разрослась до размеров национального бедствия Дагестана. Из-за нее на нас и Чечня напала. Если бы не было здесь вот этой «независимой шариатской республики» с двумя селами, то и агрессии бы не было. Басаев с Хаттабом подумали, что у нас в Дагестане большинство ваххабиты. А у нас их мало.

— Да, — прорезался голос у коменданта, качнувшего головой в бараньей шапке. — У нас честные мусульмане в Кадаре.

— Я председателю Госсовета республики Магомедову говорил, — вступает, властно поднимая вверх палец, седовласый дагеста-

нец, — нужно кончать с этими ваххабистами в зародыше, пока они не разрослись, как рак в организме. Уже всем давно было ясно, что в Карамахах готовятся к войне. У них решения шариатского суда какие были? С провинившегося — 10 тонн цемента, например. Или три дня земляных работ. Все строили там чего-то, строили... Что строили? Подземелья, склады, траншеи... Даже госпиталь! У нас все это знали. Милиция знала, ФСБ знала!..

— И что Магомедов? — спрашиваю с искренним интересом, потому что формальный лидер Дагестана — даргинец по национальности, как и жители Кадарской зоны, включая Карамахи и Чабанмахи. Здесь его социальная опора.

— А ничего не ответил. «Не будем торопиться», — ответил.

Трое разгневанных мужчин еще долго говорят о бездействии республиканских властей, о предательской позиции прежнего руководства федерального центра, об исламе и секте ваххабитов, о подлости агрессоров-чеченцев, о чужаке Хаттабе, взявшем себе вторую жену из уроженок Карамахи, о нищете порядочных людей и процветании преступной мафии... Я устаю от этих разговоров и иду на командный пункт, где кипит боевая работа и сорванные голоса хронически невысыпающихся генералов управляют самолетами в небе, пушками в поле, танками на гребне и штурмовыми группами десантников, внутренних войск и омовцев на окраинах мятежных сел...

Генерал-«внутренник» спрыгнул с борта боевой машины десанта (БМД) и подошел к «стереотрубе».

— Вот это другое дело! — сказал удовлетворенно.

— Ну, что там? — спросил армейский генерал.

— Фитиля командиру «двадцатки» вставил, вот и пошел вперед, — ответил «внутренник».

— Какого фитиля? — не сразу понял бывший танкист.

— Как — какого?! По шее дал.

На склоне горы Чабан закипал бой. Потрескивали выстрелы снайперских винтовок, тарахтели пулеметы.

— На левом фланге бригада Керского хорошо идет. Уже два квартала заняли. Скоро будут в центре села.

— К ним можно как-нибудь подъехать? — спрашиваю у армейского генерала. — Я хочу посмотреть своими глазами, что там происходит.

— Запросто! — поворачивается генерал. — Скоро туда вертушка пойдет. Подсядет возле десантников, а от них до Керского — рукой подать...

— Ну и что? — насторожился «внутренник», когда по радию на него вышел командир злополучной «двадцатки».

— Сколько «двухсотых»?.. А «трехсотых»?.. Понятно... Жди, сейчас подойдет машина — заберем.

— Что там? — почувствовал недоброе бывший танкист.

— Чечен-фанатик с гранатой кинулся на наших бойцов: сам себя подорвал и наших долбанул. Один труп, два раненых. Сейчас эвакуацию надо организовывать.

— Идиоты! — буркнул армеец в адрес противника и вновь повернулся ко мне: — Ты понял? Вон, держись того полковника — он полетит.

— А у Керского большие потери? — спрашиваю у генерала-«внутренника».

— Вчера и сегодня не было. Гладко идут. А два дня назад шестерых потеряли. В основном от огня снайперов.

— Телевизионщикам интервью дайте, товарищ генерал! — я фиксирую у начальства желание поговорить и поделиться эмоциями. Я вижу, как из-за угла мне сигналил рукой корреспондент ТВ.

— Никаких интервью! — сверкнул глазами генерал-«внутренник».

— Если вы ничего не скажете — врать начнут, — пускаю в ход козыри. — Информационная война идет, товарищ генерал! Вспомните первую чеченскую кампанию! Не дадим интервью — журналисты поедут к Басаеву.

— Да мы небриты все, нечесаны-немыты, — смягчается начальник.

— Это еще лучше. Сразу видно, что окопный генерал, а не паркетный шаркун.

— Ладно, зови их, — соглашается, улыбаясь, «внутренник» и проводит ладонью по щекам, заросшим седой щетиной.

Через пару минут он говорит в камеру с каменным лицом:

— Эти два села, Карамахи и Чабанмахи, несколько лет назад образовали своего рода анклав внутри Дагестана. Объявили себя зоной шариатского суда, ваххабитским государством. Никому не подчинялись, кроме чеченских бандитов и эмиссаров из арабских стран. Планировалось объединение с Чечней с целью выхода к Каспию и нефтяному шельфу. Здесь около пяти тысяч населения. Мирные жители все вышли: женщины, старики, дети. Боевиков на начало операции было около тысячи человек, включая несколько сотен пришлых из Чечни бандитов. Здесь Хаттаб

с Басаевым организовали школу подготовки боевиков. Хаттаб лично проводил тут занятия и инспектировал бандитов каждые три месяца. Инженерное оборудование — как в укрепрайоне: бетонированные огневые точки, склады, госпиталь и так далее. Вооружение: зенитные установки, «стингеры», крупнокалиберные пулеметы, стрелковое оружие. Дерутся отчаянно. Местные уже готовы сдаться, но чеченцы и наемники не дают. Для этого держат в заложниках часть женщин и детей.

— Много там мирных? — вставляет вопрос телевизионщик.

— Неизвестно. Но не больше двух-трех десятков. Потому что основная масса людей вышла. Мы им предоставили «коридор».

— А сколько осталось сейчас боевиков? — допытывается журналист.

— Трудно сказать. Дело в том, что, несмотря на окружение и милицейское оцепление, они умудряются поодиночке выскользнуть через ущелья и «зеленку» (лесистые зоны)...

— Они все воюют за идею? На чем вообще держится этот ваххабизм?

— Какая идея! Держится все на деньгах. Человек, вступающий в ряды ваххабитов, сразу получает 300 долларов, а затем по 100 долларов в месяц. Если приведет с собой нового человека — получает еще несколько сотен. Тут чисто долларовый ислам. Хотя, конечно, есть и фанатики. Не без этого...

— А бывший депутат Госдумы Надир Хачилаев здесь еще? — новый вопрос.

— Неизвестно... Но даже если он удерет, то вряд ли ему удастся возродить здесь ваххабизм. Народ Дагестана — против...

Меня дергает за рукав полковник, с которым предстоит лететь на «вертушке» к десантникам. Я иду за ним к бронетранспортеру и оборачиваюсь напоследок в сторону Чабанмахи. По склону цепочкой вытянулась штурмовая группа внутренних войск.

Вертолет выбрасывает меня на склоне холма, рядом с двумя неразорвавшимися авиабомбами. Их хвосты торчат из земли, как железные цветы. Я иду по размытой вчерашним дождем дороге в сторону Карамахи. Под ногами валяются стреляные гильзы, пустые автоматные магазины, бронежилеты, пробитые каски с почерневшей кровью внутри.

На спуске, недалеко от первого разрушенного снарядом дома, я натываюсь на труп старшего лейтенанта. Он лежит здесь уже больше двух дней, черный и задубевший. Снайперы ваххабитов не подпускали к нему никого, не давая забрать тело.

Рядом четверо солдат возятся с трупами еще двух наших бойцов. Они обматывают тела проволокой и кивают мне, чтобы я спрятался в канаве. Похоронная команда дергает за конец проволоки, чтобы сдвинуть убитых с места: проверяют — заминирован труп или нет. Слава Богу, мин под убитыми нет, и солдаты грузят в кузов «Урала» негнувшиеся, окостеневшие тела павших.

Я иду дальше. Мимо раздувшихся трупов коров и овец. Удушьящий запах падали разлит над руинами села. Птиц не слышно. Только тихий гул мух.

Пока добираюсь до центра села, над зданием администрации уже полощется на ветру российское знамя. Под лестницей валяется труп араба-наемника. Солдаты едят арбузы, горами лежащие на рыночной площади...

Я захожу в полуразрушенный дом. На полу рассыпаны фотографии из семейного альбома. Девушка в парандже, свадьба, улыбающиеся лица, цветная фотография турецкого солдата в парадной форме с письмом на обратной стороне, открытки с видами Стамбула и Мекки, ученические тетрадки по арабскому языку, исламская литература. На русском нет ничего. Ни книги, ни газеты. Вдоль стен — обгоревшая итальянская мебель, японская бытовая техника, залитая после вчерашнего дождя глиной с дырявого потолка. Дом богатый. Во дворе дымятся скаты мотоцикла и грузового КамАЗа. В дом заходит молодой комбат внутренних войск, капитан. Мы знакомимся.

— У них тут только официально зарегистрированных в селе КамАЗов было 750. А сколько «левых»? — говорит комбат внутренних войск, и под его ботинками хрустит стекло и осколки хрустальной люстры. — Говорят, карамахинцы контролировали все грузоперевозки от Азербайджана до Москвы. И наркотики тоже. Такого богатства я нигде не видел.

— Керский где? — спрашиваю у капитана-комбата.

— Там нашли подвалы Хаттабовой школы. Командир бригады туда пошел.

— Тюрьму для пленников нашли?

— Пока нет, — крутит головой комбат. — Вообще-то она должна быть наверху, в Чабанах. К вечеру будет наша.

Мы выходим во двор. Недалеко падает снаряд, и над нашими головами летят осколки.

— Хотели как лучше, получилось как всегда, — улыбается капитан, имея в виду наших артиллеристов.

— Духи что, рядом?

— Чуть дальше, вон там, — капитан машет рукой. — Уже зажаты. Но сколько еще по подвалам и схронам сидит!.. Как крысы, будут неделю выжидать...

Я поворачиваюсь в ту сторону, куда показывает комбат. Над Карамахами, как волчий зуб, возвышается гора Чабан. На ее склонах — село Чабанмахи. Там у ваххабитов остался последний опорный пункт. Там еще организованное сопротивление ваххабитов. В основном чеченцы и наемники. Оттуда слышится грохот боя... Капитан-комбат выходит на улицу, разгромленную артиллерией.

— Строиться всем! — орет молодым голосом, и замурзанные арбузом солдаты с липкими от сладкой мякоти руками вытягиваются в шеренгу на обочине.

— У кого там ваххабитское знамя? — спрашивает комбат.

— Здесь! — показывает солдат зеленую тряпку с арабскими символами.

— Старшине отдай! В музее будет, — говорит комбат и дает команду: — Оружие проверить!

...Через несколько часов Чабанмахи пали. Дагестанский ОМОН водрузил российское знамя над последним опорным пунктом врага. Бородатые, с горящими победными глазами, они приехали в центр села с привязанными к бронетранспортеру голыми телами чеченцев и арабов. Дагестанский ОМОН, натерпевшийся от чужаков и земляков-ваххабитов, теперь переживал триумф.

В Кадар, на командный пункт, я возвращался кружным путем, на грузовике, загруженном бараньим мясом. Кровь стекала по бортам. На одном из поворотов к нам подсели три спецназовца с оружием, спрятанным в брезентовые чехлы. Баранья кровь доползла до спецназовских ботинок. Как и дагестанцы, офицеры всю дорогу материли Степашина и вообще Москву за бездействие.

— Восток любит суд скорый. Пусть неправый, но скорый, — говорил спецназовец в черной трикотажной шапочке.

Он долго говорил об этом. Я устал его слушать.

Спецназовцы «расстреляли» все мои сигареты, и я, оказавшись уже в Кадаре, попросил закурить у майора-дагестанца в милицейской форме, которого встретил на сельской площади.

— Ты видишь, что творится? — кивнул он головой на дымящиеся разрушенные села. — А мы после чеченской агрессии,

после того, как выгнали этих шакалов из Ботлиха и Цумады, приехали сюда наводить порядок с пистолетами и наручниками. «Вахи» нас косили из пулеметов, как пацанов. Семнадцать человек положили тут. Армия и та еле справилась. Вот до чего ситуацию довели.

Он курил и поглядывал на дымящиеся села.

— Гадюшник. Всю республику развратили долларами и наркотиками. Ну, ничего.

— А что вы здесь делаете? Зачистку начинаете? — спросил я, зная, что милицию в Кадар пока не вводят.

— Нет. За пленными пришел.

И тут на дороге показались те трое кадарцев, которые попались нашей разведке. Они шли цугом в оцеплении солдат.

Когда ваххабиты вышли на площадь и их увидели местные жители, мои недавние собеседники, кто-то крикнул:

— Если вы их не убьете, мы сами с ними справимся!

От этих слов старик-ваххабит споткнулся, и из его ладони выпала розовая челюсть. Шедший за ним дюжий пулеметчик наступил на нее сапогом, и послышался хруст. Ваххабиту сломали зубы.

ВОЙНА И ПЛЕН

КИНОШНЫЙ ИЛЛЮЗИОН

«Воины-десантники, сдавайтесь! В плену вас ждут горячий чай, сухая одежда и наше радушие...». Многие, надеюсь, помнят эту фразу из популярного в недавние времена фильма «В зоне особого внимания». Кино было про будни Советской армии, про мирную боевую учебу, где супермены из ВДВ «воевали» против стойкой и хитроумной пехоты. Десантники брели через болото по уши в грязи, чтоб выполнить поставленную задачу, а из громкоговорителя окружившего их условного противника монотонно повторяли:

— «Воины-десантники, сдавайтесь! В плену вас ждут...» — и далее по тексту перечень услуг.

Загнанному в угол неприятелю победитель всегда предлагает сдаться в плен. А чтобы уговорить, обещает радушие, достойную жизнь, деньги, милосердие, наконец свободу и прочие блага. Однако большого значения это не имеет, поскольку обещания свои победитель, как правило, не выполняет. Поэтому фраза из советского кино про десантников примечательна именно тем, что она правдива. Действительно, если бы ребята в белоголубых тельняшках сдались в плен, то краснопогонная пехота на самом деле напоила бы их чаем, передела в сухое и радушно поделилась бы куревом.

Воистину нет на свете лучше плена, чем такой — киношный, где свои среди своих... Тем не менее по сюжету десантники от этой светлой перспективы отказались, презрев радушие победителей. И вызвали этим симпатии к себе у зрителей. Приятно, когда «наши» в плен не сдаются. Увы, так бывает чаще всего только в кино.

УПРЯМЫЕ ФАКТЫ

Только в кино обещания бывают правдивыми, и только в кино «русские не сдаются». На самом деле Россия (и в свое время Советский Союз) — страна, прославившаяся на весь мир именно тем, что в разных войнах больше всех теряла своих солдат пленными. По многим данным, в Первую мировую войну в австро-германском плену к 1918 году находилось больше двух миллионов пленных русских солдат. Для сравнения — это количество всего мужского населения (включая младенцев) воевавших против нас в ту пору Болгарии или Венгрии. Не спасают статистического положения даже сдававшиеся нам целыми полками чехословаки. Из них набрался всего один корпус, в то время как из русских пленных можно было сформировать фронт протяженностью от Балтийского до Черного морей.

Во Вторую мировую войну дела обстояли еще хуже. Точное количество военнопленных мы уже вряд ли узнаем, но по страницам печати чаще всего кочует число 5 миллионов, то есть в два раза больше, чем в первую «империалистическую». Ни сдавшаяся под Сталинградом армия Паулюса, ни в конце концов вся проигравшая нам Германия не дали такого количества пленных.

В июле 41-го в котле под Минском немцами взято в плен 329 тысяч советских солдат и офицеров. В августе того же года под Рославлем фашистами захвачено было 38 тысяч человек. В том же августе под Смоленском — 310 тысяч, под Уманью — 103 тысячи, под Гомелем — 78 тысяч. Итого только за один месяц — 529 тысяч. В сентябре 41-го положение еще хуже: в котле под Киевом в плену оказалось около 665 тысяч (!) воинов Красной Армии. В октябре у Азовского моря пленено 100 тысяч человек. В том же месяце под Вязьмой — 663 тысячи!

В мае следующего года войны (1942-го) на Керченском полуострове захвачено 150 тысяч бойцов, а под Харьковом — 240 тысяч. В июне под Миллерово в плену оказалось 88 700 человек. В июле при падении Севастополя в плен сдались 100 тысяч.

Наши «рекорды» никем не побиты. Вот и получается, что Россия — абсолютный мировой чемпион по пленным (сдавшимся и захваченным врагом).

Эти исторические факты ужасающи, унижительны и даже оскорбительны для нас. Еще оскорбительней сегодняшняя реальность — в чеченском плену до сих пор томятся российские солдаты и офицеры. Но о них речь пойдет ниже. Пока же хочется совершить экскурс еще и в духовно-историческую область.

И ДУХОМ ОКРЕПЛИ В БОРЬБЕ?

Постоянные войны в пределах и за пределами нашего Отечества во все века давали жуткий результат, а именно — массовое пленение как славянского воинства, так и мирного населения (вспомним монголо-татарские нашествия и турецкие набеги). Но это полбеда. Беда, что фактически оккупационный режим устанавливали в нашей стране собственные тираны. Один только Иван Грозный с его опричниной чего стоит! А ведь он — не исключение. Есть еще Сталин. Другие правители, слава Богу, их масштабов не достигли.

Все это сформировало особую ментальность русского народа, вошло в фольклор. Поговорка «Скорей бы война, да в плен сдаться» могла появиться только у нас и нигде больше — ни в Японии, ни во Франции, ни даже в Германии (почти всегда воевавшей и вовне и внутри себя и проигравшей все «внешние» войны). Так что состояние неволи для россиян есть, к сожалению, норма. Одновременно и причина и следствие нынешнего унижительного существования. Мы в свое время и Москву Наполеону сдали без особой боли. Вполне в духе традиций. До него там уже побывали и кочевники из Азии, и поляки из Европы.

Разговоры некоторых юношей о том, что лучше бы мы проиграли войну Гитлеру и сейчас бы пили немецкое пиво как родное — не случайность, а настрой огромной массы людей, особенно молодежи. Масса, видимо, не знает, что на территории нынешней Германии когда-то проживало множество народов, но немцы уничтожили всех. Они ни с кем ужиться не смогли. Так что баварское пиво не немцу лучше пить в своей независимой стране.

Увы, многие этого не понимают со своей психологией пленников. И жизненную альтернативу поэтому видят не в выборе между пленом и свободой, а в выборе между пленом «отечественным» и чужестранным. Это было и раньше. Вспомните армию Власова в Великую Отечественную войну... Во время Гражданской войны чужестранный полуплен выбрали сотни тысяч людей, а именно — так называемая белая эмиграция. Это пре-красно видно в фильме «Бег».

Кстати, о кино и его предшественнице — литературе. Тема плена есть одна из основных в нашем искусстве, начиная со «Слова о полку Игореве» (про князя-невольника) и заканчивая бездарным и безразмерным сериалом о Роксолане — пленнице султана, в прошлом году показанном на ОРТ (сериал украинс-

кий, но про наш единый тогда народ). В этом ряду и «Судьба человека» М. Шолохова, и «Кавказский пленник» Л. Толстого, и фильм Бодрова-старшего «Кавказский пленник», и фильм А. Невзорова «Чистилище», и «Мусульманин» В. Хотиненко, и множество другой литературы и кинофильмов.

Ни у одного народа в мире нет такого мощного искусства про плен, что вполне объяснимо нашим невеселым прошлым, да и настоящим. Ведь одна из самых отличительных особенностей нашего искусства — реалистичность. С этим вряд ли кто будет спорить.

«ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...»

К сожалению, плен — есть такой же неременный атрибут войны, как стрельба, разрушенные дома, раненые и трупы... И полный идиотизм — отрицать его как фактор вооруженной борьбы и возможный итог боя. Однако идиотизмом такое отношение можно называть в мирное время, в военное же оно становится преступлением.

Общеизвестен пример предвоенного (30-х годов) подхода руководства советской страны и Вооруженных Сил к таким видам боя, как отступление и отход войск. Отрицая на корню подобный вариант развития событий на полях сражений, командование не учило армию не только отступать, но даже толком обороняться. «Если завтра война, если завтра в поход...», то только наступление, да к тому же на чужой территории, — пели и говорили в то время не только одурманенные пропагандой массы, но даже военные специалисты. Чем это закончилось — все знают: почти два первых года грянувшей Великой Отечественной прошли для нашей армии в непрерывных оборонительных боях, отходах, отступлениях, окружениях и выходах из «котлов». Последнее, как правило, не удавалось. Поэтому и миллионы пленных, и потери территории, и масса других потерь.

Это в отношении вопросов тактики и стратегии. Что касается политики, то Советский Союз в предвоенные годы отказался участвовать в Женевской конвенции по пленным — руководство страны посчитало позорным для себя даже предполагать, что в Красной Армии будут пленные. «Красноармейцы в плен не сдаются», — не уставал повторять Сталин.

Ох, Иосиф Виссарионович, сдаются... Еще как сдавались! Несмотря на праведность войны. Ни одна армия мира так в плен не сдавалась (о чем уже было сказано выше). От государствен-

ного устройства страны и морально-политического духа народа редко зависит исход боев. Даже японцы со своими вековыми традициями самурайства и страстью к харакири сдавались толпами и нам, и американцам. Камикадзе — и те ситуации не исправили. Что уж про нас говорить!

Однако Сталин свое дело сделал. Сначала сделал вид, что пленных на войне не бывает, а затем не научил армию обороняться и выходить из окружения.

Однако больше всего шокирует финал сталинской «арии» пленным — перевод их после Победы 45-го из немецких концлагерей в сибирские. Надо признать, в своих ошибках вождь был последовательным. Мы, к сожалению, всегда плохо начинаем войны, но не лучше и заканчиваем их.

Кстати, наступать, по мнению талантливого писателя и честного солдата-фронтовика Виктора Астафьева, мы так и не научились. «Мы немцев не победили, — утверждал он, — мы завалили их своими трупами и залили своей кровью». Учитывая общие потери в войне (по последним данным — почти 28 миллионов жизней с нашей стороны и меньше 10 миллионов с немецкой), в словах писателя-фронтовика большая доля истины.

Таковы ужасающие результаты игнорирования естественных законов всякой войны. Горы трупов на поле боя и такие же горы трупов во вражеском плену... Но если в бою умирали хотя бы без стыда и унижений, то за немецкой колючкой — в позоре и муках, чему в немалой степени способствовало неучастие СССР в Женевской конвенции.

Мой отец, почти 4 года просидевший в фашистском концлагере, рассказывал, например, что русских военнопленных немцы кормили... после чехов. Это значит, что в лагерном баракстоловой накрывались столы для всех национальных групп отдельно. Для всех, кроме русских (которые не имели статуса военнопленных, в отличие от англичан, французов и прочих, и соответственно «женевский паек» им не полагался). Русских заводили в столовую после чехов. Наши доедали то, что те не доели. Если представить себе лагерную норму и качество продовольствия, о которых многие слышаны, то можно себе представить объедки.

Конечно, умер бы от голода и мой отец, как большинство его товарищей. Но он регулярно работал на разгрузке вагонов, и его подкармливал рабочий-железнодорожник (немец) тайком от охранников. В отличие от Сталина он знал, что у русских есть

пленные и о них безбожно забывать. Низкий ему поклон, этому немцу! Сам жил впроголодь и от семьи отрывал совсем не лишний кусок, чтобы безвестного Пэтэра из вражеской для его фа-терлянда страны от голода спасти.

«...НО ДЕЛО ЕГО ЖИВЕТ!»

Если кто-то думает, что сталинский подход к пленным и к некоторым другим факторам и атрибутам войны канул в прошлое, тот глубоко заблуждается. Один из примеров такого подхода — Афганистан. Он еще свеж в памяти. Всего 11 лет прошло с момента вывода оттуда советских войск — мелочь в историческом масштабе. Но не мелочь для тех, кто оказался там в плену. Подумайте, ведь только недавно в прессе сообщалось, что вернулся из афганского плена бывший наш солдат. Парень провел там лучшие (в физиологическом смысле) свои годы. И ведь он был там не один. Около трехсот наших соотечественников испытали «прелесть» чужестранного плена. И никто, кроме родителей, не тревожился о них. Остался без внимания и общест-венности, и руководства страны даже такой уникальный факт, как вооруженное восстание пленных советских солдат в Пакистане. Наши ребята сумели обезвредить охрану тюрьмы и несколько дней (!) держали круговую оборону, устроив посреди чужой Азии свою «Брестскую крепость». Все погибли, не дождавшись от своей державы помощи. Государству плевать было на своих солдат. Неудивительно, что в августе 1991 года солдаты наплевали сами на это государство и перешли на сторону новой зарождающейся державной формации, замахав трехцветными флагами.

Ну и что дальше? А дальше, уважаемый читатель, «наша песня хороша, начинай сначала!». Если что и изменилось, то в худшую сторону. Афганская война, еще недавно казавшаяся нам ужасной и несправедливой, несправедливой по отношению к соседнему народу и к своей армии, по истечении времени выглядит не так уж мрачно. Во-первых, масса блестящих военных операций, выигранных боев и повсеместный героизм. Во-вторых, за целых почти десять лет войны стотысячный контингент, а с учетом ротации 600-тысячный, потерял всего 13 с половиной тысяч убитыми (сейчас за год в два раза больше гибнет в автокатастрофах) и всего 300 пленными, которых почти всех в конце концов вызволили с грехом пополам. На фоне чеченской кампании 1994—1996 годов это просто бесспорная победа.

Я намеренно не говорю о целях и причинах войн, поскольку дело это темное и требует отдельного большого разговора. Что касается способов ведения войны и учета всех ее факторов, то государственное устройство, как оказалось, действительно мало на это влияет. И при царе на солдата поплевывали свысока, и при Сталине, и сейчас. Но если при Сталине хоть наступать худо-бедно учились, то при военной реформе 90-х годов даже о правильности атак забыли. Поэтому в первую чеченскую кампанию воевали спонтанно, о чужих не думали, о своих не помнили, кости павших до сих пор никак не распознаем, а пленных... глаза не видят — сердце не болит.

ЧАСТНАЯ АНТРЕПРИЗА

Нет, ребята, так нельзя. Кто ушел из жизни — светлая им память, но могилы должны быть хотя бы с фамилиями упокоившихся. Что касается пленных, то во всякой войне они были, есть и, к сожалению, будут. И долг армии и державы, войну учинившей, своих солдат вызволять. Иначе если государство не будет о них заботиться, то каждый проходимец, подвизающийся на этом поприще, будет выглядеть героем. Вот, дескать, гляди, какой я есть: державе нашей до лампочки судьбы плененного воинства, а я «бойца» из неволи вызволил. А кого именно и как вызволил, за счет чего или за счет кого — нам и невдомек. Кого купил, кого продал, кого на кого обменял? Черт его знает! Темное дело. Не думаем об этом. Хотя тоже объяснимо: что ж тут думать, главное — ребята наши на свободе! «Спасибо! — говорят счастливые до слез родители освобожденных пленников. — Нашлись вот энтузиасты-спасители...» И то правда.

Однако меня терзают смутные сомнения вот по какому поводу. Например, осенью 1998 года освобожденных пленников начали пачками возить из Чечни в Москву. Вот радость-то, подумалось. Наконец-то! Пресса в аэропорту интервьюировала и снимала загадочно-величественного олигарха Бориса Березовского и анфас и в профиль. Зашуганные «пленники» ныряли из самолетов в автомашины и исчезали в неизвестном направлении. Сколько в плену были, с кем вместе томились, кого и что знают, почему освободились, за счет чего — ничего не поняли телезрители. И я в том числе.

Позже военные журналисты из Ростова-на-Дону выяснили, что из почти двух десятков освобожденных из неволи солдат абсолютное большинство еще недавно служило в Дагестане, в

самоволках попались в лапы дельцам, те отправили их тут же в Чечню, а там по истечении нескольких дней солдат освобождали. В плену они находились до недели максимум! Лишь один-единственный солдат из «осенней группы» освобожденных оказался настоящим пленным из Чечни, томившимся в неволе долгие месяцы. А добрая сотня его товарищей так и осталась догнивать в зинданах. Дай Бог, чтоб они выжили! Речь идет именно о тех, кто участвовал в первой чеченской военной кампании. Однако у широкой общественности возникла иллюзия их массового освобождения.

Нет, все не так. Это похоже скорее на махинацию. Тем более что из источников, близких к Аслану Масхадову, стало известно, что штабы Салмана Радуева, Шамиля Басаева и иже с ними после осеннего (98-го года) освобождения российских солдат (захваченных в Дагестане) оснастились таким количеством высококачественной оргтехники, что московской ФСБ и не снилось. Да и финансовые дела поправились у тогдашних масхадовских оппозиционеров. В общем, взаимопонимание между похитителями, содержателями и освободителями просматривается явное.

А что же российские военнопленные, годами томившиеся в глубине чеченских руд с первой по вторую войну? Никто не знает. Тишь да гладь. Их стоны не были слышны. Только матери, слезы выплакав и ноги исходив, все колесили между Москвой и Грозным и судьбу кляли. Смилуйся над ними, Господи! Потому что ни Грозный, ни Москва не смиловались. И напрасно. Коли держава умеет войны начинать, должна уметь и заканчивать. Иначе за нее больше никто воевать не станет.

Можно закончить чеченскую войну, только сосчитав убитых и пленных. Кое-что, слава Богу, уже делается. Наконец стали на государственном уровне помогать знаменитой 124-й лаборатории Северо-Кавказского военного округа, занимающейся идентификацией останков павших воинов. На государственном уровне стали радеть о тех немногих пленных, которые появились во второй чеченской кампании.

Но все же не обошлось без смущения умов и сердец людей товарно-рыночно-политическими хитроумными комбинациями. Осенью 98-го их проделывали Березовский с Басевым и Удоговым, освобождая через Чечню дагестанских пленников (для «освобождения» ими же и похищенных), а зимой 2000-го — спецслужбы с чеченскими друзьями прокручивали странные обмены журналиста Андрея Бабицкого на трех российских солдат.

СМЯТЕНИЕ УМОВ

В общем, ясно: во-первых, при бездействии государства легко нажить политический капитал, устроив шоу с похищениями и освобождениями солдат; во-вторых, история с обменом Бабицкого на десантников дискредитирует государство не меньше. Это плохо не только потому, что — обман и пренебрежение к людям. Это плохо еще и потому, что, подобно советскому кино про десантников, создает у российского воинства иллюзию легкого, необременительного плена с почти обязательным хеппи-эндом. А то, что такая иллюзия до последнего времени существовала, — подтверждают, к сожалению, многочисленные факты. Вот некоторые из них.

Во время боевых действий 95-го года в Чечне полностью экипированное и подготовленное к бою одно из подразделений армейского спецназа без единого выстрела сдалось дудаевцам, поддавшись на угрозы противника. Сдавались, к сожалению, солдаты и сержанты из других родов войск, распропагандированные родными политиками (правозащитник С. А. Ковалев лично склонил к плену несколько десятков военнослужащих) и отечественными средствами массовой информации, чьи корреспонденты из чеченских бандитских штабов не вылезали.

Можно снять шляпу перед Мовлади Удуговым. Это он вдохновил московских политиков и журналистов и организовал работу чеченских боевиков в радиоэфире и при непосредственном контакте по линии соприкосновения противоборствующих сторон, чтоб морально подавить россиян. Вот наши бойцы и сдавались во главе с офицерами и при полном вооружении.

В августе 1996 года в Грозном около 300 (!) наших полностью вооруженных и экипированных солдат и офицеров из ведомства МВД сдались двенадцати (!) боевикам. «Мне 41 год, — докладывал командир «эмведешников» генералу К. Пуликовскому (командующему объединенной группировкой войск в Чечне), — и умирать мне неохота. Да и вообще у нас тут александров матросовых нет...» Напрасно генерал офицера уговаривал. Сдались 300 русских «спартанцев». Дюжина дудаевцев настолько поразились этой трусости, что, отобрав у пленного войска только снайперские винтовки и гранатометы (автоматы и пистолеты оставили «воинам»), привели их всех в Ханкалу, в штаб к Пуликовскому. «Заберите эту шваль, — сказали при передаче, — нам с ними воевать неинтересно...» Вот оплеуха-то!

Но данный случай уникален. Обычно участь пленных была

другой. Это частично показано в жестоком фильме А. Невзорова «Чистилище», частично рассказано теми, кому повезло выжить и вызволиться.

Капитан Сергей М. из знаменитой майкопской бригады попал в плен 31 декабря 1994 года и 8 месяцев томился в яме под г. Шали. «Об одном просил Бога, — рассказывает он о тех страшных днях, — быстрее умереть...» Об избиениях, прижиганиях сигаретами, публичных казнях и прочих «прелестях» чеченского плена говорить бесполезно — нашего читателя этим не удивишь. Но вот отрубание голов, снятие кожи и скальпов с живых солдат — это нечто необычное для молодой России. Тем не менее мы постепенно и к этому привыкаем. И тут не все плохо.

Я не боюсь этих слов. Намеренно подчеркиваю, что пропаганда зверств чеченских боевиков имеет по крайней мере один положительный заряд — люди узнают правду. вспомните, какую злую шутку сыграла судьба с тележурналисткой НТВ Еленой Масюк. Она романтизировала боевиков на протяжении почти всей первой чеченской войны. А потом Елену сделали рабыней ее же «герои». Она сломалась от такого коварства. Убежден: о плене, о его сущности вообще и чеченском в частности, следует говорить всему личному составу российских Вооруженных Сил. Как следовало Сталину и его наркомвоену говорить своей армии о тактике отступлений и отходов войск, концлагерях и новом фашистском порядке, так и нам следует методично и целенаправленно готовить армию к тому, что ее может ожидать. Это не цинизм, а суровые реалии.

Россия, к сожалению, страна воюющая, у нее есть враги. В Чечне, в Таджикистане (там российские войска и пограничники), по сути, идут уже который год непрерывные реальные бои. Мирное время и безопасность территории существуют не для всех и не везде. И не надо стыдливо опускать глаза при упоминании о пленных. Они пока есть. И, видимо, еще будут новые.

Солдаты России, и в первую очередь те, кто служит на Северном Кавказе, должны знать, что, как только они в одиночку окажутся за забором родной воинской части, их могут захватить бандиты. И если не распнут на кресте или не снимут с живого скальп (мстя за что-нибудь), то поиздеваются всласть, а затем затерроризируют родителей, чтобы продали все до нитки, чтоб исходили сто дорог, пролили реки слез и надорвали сердце, вызволяя сына из плена. И держава не поможет — сама, к сожалению

нию, пленница. Пока только в финансовом плену. Слава Богу, что не в абсолютном.

Однако мы имеем в своей стране огромное количество людей, которые существуют за счет русских пленных. У них такой способ экономического выживания. И если даже пленника буквально не продают за деньги, то заставляют работать за миску объедков, как раба или животное. В современном плену не бывает горячего чая и радушия победителей. Это из области кино и удуговской пропаганды.

Но самое ужасное, на мой взгляд, — не отношение хозяев к своему невольнику, но отношения между невольниками. Тема эта стыдливо не обсуждается публично, а напрасно. Думаю, особо стоит сказать и об этом.

Итак, одно из любимых развлечений чеченских боевиков в первую войну — это драки между русскими пленниками. Иногда со смертельным исходом, как у гладиаторов Древнего Рима. Заставляли пленных заниматься и мужеложеством. Однако и это цветочки. Чтобы сохранить жизнь, невольнику всегда предлагают принять ислам. И многие соглашались. Выживали, потом давали интервью телевизионщикам, рассказывали, что мусульманином быть неплохо и что первая война в Чечне была несправедливой, и еще многое говорили. Не сказали только об одном нюансе: принятие ислама окроплялось кровью, то есть пленник должен был застрелить или резать своих же товарищей-пленных.

Так что если кто-то, насмотревшись телерепортажей Елены Масюк из Чечни, а затем наслушавшись правозащитника С. А. Ковалева и Мовлади Удугова, сдавался, решив покончить с «несправедливой войной», то впоследствии все равно вынужден был брать в руки оружие. Но теперь — чтобы вести войну «праведную» — за веру — и резать своих земляков и друзей, с кем кашу хлебал из одного котелка и спал под одной шинелью. Вот так. Пацифизм в условиях войны, как правило, кровавее и грязнее собственно войны, праведная она или несправедливая. А самые страшные садисты — перешедшие к неприятелю бывшие пацифисты...

Убийство своих — не есть изобретение чеченских боевиков. Это было и в Великую Отечественную. Моего отца миновала сия чаша, поскольку его захватили в плен в самом начале войны. Немцы еще не разлились и пленными не пресытились. Это позже они изощрались, когда им Красная Армия на хвост наступила.

Однако чье бы ни было это изобретение, оно сейчас тоже существует как фактор плена. Нравится нам это или нет, говорят об этом публично или молчат.

И еще одна прописная истина. Окруженному, подавленному противнику неприятель всегда предлагает сдаться. И всегда якобы из гуманных соображений. Не верьте! Потому что предложение о сдаче, как правило, поступает из эгоистических побуждений и страха, что обреченный будет драться насмерть и нанесет существенный урон. Не чужих жалеет противник, а всегда — только своих! И это тоже лишний раз доказала Чечня. Уж не говорю о воспоминаниях своего отца, чьих рассказов я наслушался вдоволь. Что немецкий, что афганский, что чеченский — плен ужасен и бесчеловечен. И солдаты России должны об этом знать. Пленный обречен на звериное выживание. А если выжил и спасся, то стал другим человеком, приговоренным к пожизненной драме. Это частично показано в фильме «Мусульманин». И коли речь зашла о кино, то это не единственный фильм, который стоит показывать во всех воинских частях как учебно-воспитательное пособие. Есть еще «Чистилище» А. Невзорова. Там слишком много правды, за что автору и досталось «по сусалам» от эстетов.

Увы, общепринятая эстетика и реальная военная жизнь (каковую мы имеем сегодня на Кавказе) между собой почти не соприкасаются. Но если мы хотим, чтобы наша армия наконец рассталась с «авторитетом» самой охотно сдающейся в плен армии (о чем шла речь выше), то мы должны презреть некоторые сомнительные этические и эстетические нормы и говорить со своими солдатами и гражданами языком правды. Иначе мы и в грядущем XXI веке будем впереди планеты всей ходить в полон, как ходили исстари наши предки тысячами к туркам и японцам, к монголо-татарам и немцам, устанавливая мировые рекорды по количеству сдавшихся.

...И СОБСТВЕННАЯ ГОРДОСТЬ

Вторая чеченская кампания, к счастью, сломала сложившийся вне нас, но про нас стереотип народа-пленника. Несмотря на нашу вечную неволю то при собственных тиранах, то при чужеземных завоевателях, то при начальниках-самодурах. Видно, такова уж русская душа с ее невероятной амплитудой колебаний — от шокирующих бесстыдства и предательства до умопомрачительного героизма. Потому что есть крейсер «Варяг», есть

блокадный Ленинград, две обороны Севастополя и Брестская крепость. Но это примеры общеизвестные. Менее известна крепость Баязет. Ее целый месяц осаждали турки. Русский гарнизон без воды и еды оборонялся насмерть и презрел плен. Больше того, офицеры крепости расстреляли своего командира, поддавшегося на уговоры турок и решившего капитулировать. Об этом рассказал писатель Валентин Пикуль.

Немало примеров мужества дала еще первая чеченская кампания. Герой-танкист Григорашенко — прототип героя в фильме Невзорова, распятый на кресте, навсегда останется образцом для подражания в своем полку.

В августе 1996 года в Грозном дудаевские боевики искренне восхищались русским офицером из бригады спецназа СКВО, до последнего дыхания в одиночку оборонявшимся перед толпой неприятеля. «Все! Хватит! Молодец! — кричали ему, окруженному и огрызающемуся огнем. — Уходи! Мы тебя не тронем». Не ушел с позиции, не мог (даже если бы хотел) — у него были перебиты ноги. «Мы вынесем тебя к твоим!» — закричали боевики. «Хорошо, — сказал лейтенант. — Согласен. Идите сюда!» Когда дудаевцы приблизились, офицер подорвал и себя и врага гранатой. И все равно боевики не обиделись, несмотря на потерю трех десятков бойцов, — они наградили нашего лейтенанта высшей дудаевской наградой, пораженные его подвигом. Фамилия этого человека до сих пор не известна! Запомни этот подвиг, читатель! Такое бывает нечасто. Особенно на фоне всероссийского предательства.

Ошибся командир трехсот сдавшихся в день его подвига «спартанцев» из МВД. В Российских Вооруженных Силах есть матросовы. И мне не стыдно за нашу армию и наш народ. У нас всегда были люди, которые понимали — моральная победа зачастую важнее военной. Толпы захваченных пленных солдат — есть признак моральной победы. Наполеон, столкнувшийся под Бородино со стойкостью русских войск, несмотря на их отступление, понял, что проиграл. Русские не сдались. И это уже исторический факт.

А взять ту же первую чеченскую кампанию. Российская армия не проиграла сражений: она взяла города (правда, кровавым штурмом, но взяла) и узлы дорог, но сдала в плен и не сумела освободить своих пленных солдат, погибших в неволе. И в результате полсвета считает ее проигравшей ту войну. И это тоже уже исторический факт.

Данный закон действует и в мелком масштабе: моряки «Варяга» утопили свой крейсер, но победили, несмотря на материальную потерю. Лейтенант Григорашенко в Грозном потерял танк и повис на кресте, как Иисус, но морально победил.

Я офицер и участвовал в пяти войнах. Бог спас меня от плена и гибели. Но на Руси от сумы и от тюрьмы (читай — от плена) не зарекаются. Я не знаю, как поступил бы, окажись в безвыходной ситуации. Может быть, и сдался на милость врагу (хотя теперь милости не бывает), надеясь на чудо. Может быть, потерял бы лицо, уронив воинскую честь. Страх — тоже неприятный, но неизбежный атрибут войны. Но мне очень нравится выбор, который сделал баснописец Эзоп — персонаж исторический из пьесы Гильермо Фигейреду «Лиса и виноград». Когда ему предстояло выбрать между жизнью раба (кстати, не очень обременительной, учитывая уважение хозяина) и смертью (в результате клеветы его как вора должны были сбросить в пропасть со скалы), Эзоп определился, спросив:

— Где та пропасть для свободных людей? Я иду туда...

Я не рискую призывать российское воинство при малейшей угрозе плена пускать себе пулю в лоб. Я прошу лишь всегда помнить об этом выборе, даже в мирное время. И помнить о тех, кто предпочел смертельную пропасть и отказался жить рабом. Эти люди достойны светлой памяти. Они — единственное препятствие, мешающее миру смотреть на наш народ как на вечного пленника.

ВОЙНА И ВОДКА

НЕПРИЛИЧНОЕ РАНЕНИЕ

В феврале 1995 года в Грозном наш бронетранспортер на бешеной скорости (мчались, чтобы чеченским снайперам трудней было целиться) вмазался в задницу впередиидушего БТРа. От удара сварные швы брони разъехались, как мокрый картон. Движок сплюснулся, и на измочаленный войной асфальт брызнули масло и солярка. Местные жители бросились врассыпную, опасаясь взрыва.

В момент столкновения я торчал в открытом верхнем люке и глазел на развалины захваченного армией города. Из-за ротозейства я раскроил голову и сильно ударился грудью, парализовав диафрагму. Умываясь кровью, я старался «включить» легкие, но ухватить воздуха не мог и только дергал костенеющим ртом, как рыба на берегу.

В конце концов я задышал и выбрался из бронетранспортера. На асфальте на четвереньках стоял наш солдат-водитель с мутными глазами. Из его рта плыла кровавая каша, состоявшая из кусочков языка, зубов, десен и губ. Все, что ниже носа, у него было смято ударом о люк.

Нас затащили в какой-то подвал, оборудованный под госпиталь, где под «крышей» швейцарского Красного Креста работала бригада журналистов (имевших когда-то медицинское образование). Медсестра Лена Петрова из телегруппы бывшего «взглядовца» Александра Политковского, делая мне укол, улыбалась:

— Зачем же вы к пьяным бойцам на борт сели?

Я удивился и посмотрел на окровавленного водителя, бормотавшего что-то в бреду разбитым ртом. У солдата был шок.

— От него перегаром несет как из бочки, — перехватила мой

взгляд Лена. — Они тут через одного пьяные. Коньячный завод захватили, вот и бухают...

Дальше не помню. Я наконец-то потерял сознание...

Это было мое первое ранение за всю офицерскую службу, за все четыре войны, на которых довелось побывать. И случилось оно по вине пьяного солдата-водителя, не успевшего затормозить.

— Ну что же вы, не могли бойцов проконтролировать?! — с укором говорил нам через несколько дней капитан (командир пьяного экипажа), осматривая покоруженный в аварии БТР. — Знал бы, сам поехал бы вас сопровождать...

Мы с майором В. Богданом молчали, опустив глаза. Мы действительно в суматохе не поняли, что солдаты пьяны. И еще нам было стыдно, что на войне мы получили ранение по пьяному делу. Для офицера это неприлично.

Мне жаль солдат, особенно водителя, пострадавших в том инциденте на улице Грозного в феврале 1995 года. Но еще жальче тех, кто из-за водки на войне погиб. И не только в Чечне 1994—1996 годов.

ГРАДУС «БОЕВЫХ» ПОТЕРЬ

Общеизвестно, что в России за последние полвека (а может, и больше) ни одна семья военнослужащего, который погиб на войне, не получила похоронку, где было бы сказано что-то вроде этого: «Ваш сын (муж/отец) смертельно отравился метиловым спиртом...», или «Ваш сын (муж/отец) был в пьяной драке застрелен своим сослуживцем». Командование всегда сообщало о героической смерти в бою, верности присяге и долгу, о том, что Родина не забудет и т.п. Не сомневаюсь, что это правильно. Однако и «пьяную» статистику (хотя бы для служебного пользования) нужно было бы вести. К сожалению, она никому не известна. А жаль. Цифры были бы потрясающими и заставили бы, как минимум, задуматься, а как максимум — предпринять меры к уменьшению числа хмельных потерь.

По моим скромным подсчетам, в Афганистане около десяти процентов погибших пали не от душманских пуль и мин, а от водки. Называют и большую цифру — до 20 процентов. Если общее число наших потерь в Афгане составило около четырнадцати тысяч человек, то легко высчитать, что алкоголь выкосил почти полторы тысячи жизней. Это полк!

Не забуду, как пьяный старший лейтенант въехал на бронь-

транспортере ночью в блиндаж экипажа БМП из боевого охранения в Шинданде. Задавил трех солдат... А перед этим почти вся наша 5-я дивизия воевала в окрестностях Герата. В ходе тяжелых боев мы потеряли всего девятерых. Итого: один идиот с затуманенной алкоголем головой на треть увеличил статистику «боевых потерь». И таких случаев было немало.

Помню, как дивизионная газета всю ночь напролет набирала и печатала листовку с предупреждением о смертельной опасности метилового спирта, потому что в штаб просигналили: пропала трехлитровая банка с этой жидкостью. Кто-то готовился к пьянке. А такого количества спирта при «умеренном» употреблении вполне достаточно, чтобы в полном составе похоронить роту!

Листовками обклеили всю дивизию — от полковых штабов до сортиров. И вовремя. Украденный спирт, правда, не вернули, но и не выпили. Ни один человек в госпиталь не поступил с отравлением.

К сожалению, этот случай успешной профилактики «пьяных» потерь едва ли не единичный. Обычно же смертельно травились и тормозной жидкостью, и тем же метиловым спиртом, и самогоном из кишмиша, который покупали у местных афганцев... Конечно же, семьи получали похоронки, где сказано было, что Родина не забудет героя, павшего в неравном бою с врагом. Что враг — жидкий и вонючий, не уточнялось.

Однако пьянство в Афганистане — семечки по сравнению с тем, что творилось в Чечне 1994—1996 годов. Здесь армия дошла до озверения. В отличие от Афганистана, где действовал сухой закон (и в стране пребывания, и в наших войсках), в Чечне водкой и коньяком можно было залиться по уши. Что многие и делали. Пьяные драмы были чуть ли не повседневностью. Вот несколько примеров.

Нажравшийся до оскотинения майор-комбат полночи устраивал своему батальону «подъем-отбой». Причем его люди в этот день только вышли из боя и устали, как волы после пахоты. Рев комбата и муштра мешали спать солдатам и офицерам других частей и подразделений, вылезшим из окопов и добравшимся до теплой казармы. Они-то и успокоили пьяного командира. Подполковник Н. Гаджиметов, рассвирепевший от самодурства майора, выхватил пистолет, сунул в нос пьяному комбату и заорал:

— Еще один «подъем-отбой», и я тебя тут закопаю!

И сразу все стихло. Личный состав выспался, а майор наутро просил у многих прощения.

Однако так благополучно заканчивалось не всегда. Подполковника Ли — всеобщего любимца и солдат, и офицеров, поря дочнейшего и храброго человека — застрелил одуревший от водки капитан. Протрезвев и осознав содеянное, он повесился. Это было в Шали весной 1996 года. Кстати, капитан был не из худших, нормально воевал. Тем не менее в данном случае — смерть двух молодых, полных сил людей, — мужей, отцов. И таких смертей в первую чеченскую кампанию было не две, а гораздо больше. Но кто их считал! Шла война, жертвы неизбежны, вот и списывали на боевые потери. Не скажешь ведь семьям, что их родные пали не от рук врага, а от водки.

ЖИДКОЕ ОРУЖИЕ

Если бы действительно можно было посчитать, сколько вышеупомянутых «боевых» потерь понесла Советская, а затем Российская армия в войнах и вооруженных конфликтах за последние 20 лет, то без сомнения водку можно было бы отнести к разряду одного из самых грозных и опасных для нас видов оружия на сегодняшний день.

Любопытно, что боевые возможности алкоголя известны с незапамятных времен. Например, еще древнегреческий историк Геродот, описывая войну мидийского царя Кира с массагетами, упоминает и способ, с помощью которого мидийцы разбили неприятельское войско, возглавляемое Спаргаписом. Кир оборудовал стоянку своих войск по полной ресторанной программе — накрыл столы, заготовил вина, но сам с большей частью своих сил отступил, оставив для прикрытия банкетного стана небольшой отряд. Спаргапис клюнул на приманку, разгромил «войско официантов» и на радостях устроил пир «победителей». Вот тут-то Кир и ударил по перепившимся массагетам.

Шокированная коварством мидийцев, поражением своих войск и гибелью сына (Спаргапис, протрезвев после разгрома, не перенес позора и покончил с собой), царица массагетов Томирида написала Киру послание, в котором были такие слова: «Кир!.. не превозносись своею победою! Лозным плодом... сею хитрою отравою, а не битвой и воинскою храбростию одолел ты сына моего...»

Напрасно Томирида так неуважительно оценила силу вина и не отнесла его к средствам вооруженной борьбы. История еще неоднократно доказывала, что алкоголь решительным образом влияет на исход битв и даже войн. Красноречивый пример тому — из

жизнеописания всемирно известного алкоголика Александра Македонского. Историки утверждают, что он пил неразбавленное вино (в отличие от большинства греков, которые смешивали его с водой) и в питии меры не знал. Ему приписывают фразу-формулу: «Я вина почти не пью — всего один бокал. Но зато тот, кто просыпается во мне после этого бокала, — тот пьет до упаду». Именно по причине пьянства Александр Македонский не сумел превратить свои победы на полях сражений в победы государственные. Потому что на пирах после битв, договариваясь с побежденным царем о дальнейшей судьбе «покоренной» державы, фактически возвращал пленнику часть и власти, и земель. Пьяная щедрость после протрезвления редко аннулировалась.

Учитывая этот психологический и правовой аспект войн (хмельная царская доброта при «подведении итогов» войны), трудно победы Македонского назвать победами. Фактически греки не властвовали в «покоренной Азии». Вино стало именно тем непобедимым оружием, против которого не устоял непобедимый Александр.

Знает подобные примеры и история Руси. У нас даже в географии это закрепилось. Есть река Пьяная, где кочевники разбили хмельное русское войско.

А теперь перекинем мостик в современность: не вызывает сомнений то, что многие решения в начале «чеченской кампании» 1994—1996 гг. принимались и на государственном уровне, и на генеральском, фигурально выражаясь, не совсем на ясную голову. Свидетельствует об этом и обещание «взять Грозный одним десантным полком». Трезвый военачальник такой глупости не сказал бы. В общем, немало российских солдат погибло в зиму 1994/1995 года в Чечне не столько от пуль и гранат дудаевцев, сколько от жидкого оружия — из-за алкоголя, бродящего в головах некоторых начальников. Отсутствие взаимодействия между частями в ходе войны, удары авиации и артиллерии по своим, огневые стычки между не распознавшими друг друга подразделениями федеральных сил — во многом из-за пьяных командиров, потерявших нити управления войсками.

ГЕНЕРАЛЫ-ОТРЕЗВИТЕЛИ

Возникает вопрос: является ли ныне великой тайной сила водки на войне? Отнюдь. И к чести многих наших генералов и офицеров, борьба с пьянством в армейских рядах идет. Однако системы нет. Горбачевская антиалкогольная реформа

себя дискредитировала. Все сейчас держится на личных отношениях.

В числе главных борцов с этим злом прежде всего стоит назвать начальника Генштаба генерала армии Анатолия Квашнина. В первую чеченскую войну он не давал спуску хмельным командирам. Например, застав в одном из штабов лежащего на полу пьяного до бесчувствия (!) генерал-майора Н., Квашнин добился его увольнения, не побоявшись скандала и бюрократических препон.

Тот, кто сталкивался с Квашниным на войне, в курсе: на «перегар» у офицеров он реагирует с беспощадной решительностью и даже жестокостью. В войсках ходит молва, что он не простил даже одного командующего группировкой войск в Чечне, с которым состоял в приятельских отношениях. А совсем недавно убрал с должности руководителя одного из крупных войсковых объединений генерала, который был замечен в пьянстве. Кстати, именно этого генерала он тоже знал по Чечне, уважал и помогал продвигаться по службе. До тех пор, пока тот не скомпрометировал себя водкой. Квашнин, не раздумывая, порвал приятельские отношения и отправил бывшего товарища в тьмутаракань. Короче говоря, склонных к выпивке командиров Квашнин откровенно презирает и гнобит. Как показал опыт, на пользу общему делу

Славится квашнинским подходом к делу и генерал-лейтенант Геннадий Трошев (заместитель командующего войсками СКВО, ныне возглавляющий восточную группировку федеральных сил на Кавказе). Еще в первую чеченскую кампанию Трошев однажды пришел в бешенство при виде двух пьяных сержантов-контрактников. «Здесь война, а не кабак! — закричал. — Арестовать и немедленно расстрелять!» — приказал командиру комендантской роты.

Контрактники буквально бухнулись на колени, протрезвели и заплакали: «Пощадите!» Трошев отменил приказ только после долгой паузы.

— Вы что, действительно хотели их расстрелять? — спросили у генерала штабные офицеры.

— Нет, конечно, — улыбнулся Трошев. — Но хотя бы диким страхом нужно выбить из них эту пьяную боевую вольницу, иначе сопьются и еще бед тут натворят...

В 1995 году в оперативном отделе у Геннадия Николаевича служил полковник — умница и трудяга, — равных которому в

штабной работе генерал нигде и никогда не встречал. Одна беда — любил полковник выпить. Замены ему Трошев не нашел бы, да и не искал. А потому, чтоб оперативник «с рельсов не сошел», Геннадий Николаевич контролировал его каждый день. Полковник, бывало (пару раз), умудрялся улизнуть, и тогда лицо его наливалось багровым хмельным соком. Но не безнаказанно. Всегда попадался. Генерал устраивал такой «разбор полетов», что пушки на позициях глохли. В общем, трошевский штаб всегда работал как часы, без пьяной аритмии. И в первую чеченскую войну, и сейчас.

Увы, не все генералы и офицеры придерживаются таких воззрений, как Квашнин и Трошев. Один из военачальников, пользующийся заслуженным авторитетом в войсках, человек безусловно талантливый, наводивший и наводящий сейчас ужас на чеченских бандитов, периодически ложится под капельницу, чтобы выйти из пьяного штопора.

— Одной лишней рюмкой водки, — сказал ему однажды по-дружески Трошев, искренне переживающий за судьбу товарища, — ты можешь перечеркнуть все свои заслуги. И ничего нельзя будет вернуть...

Слава Богу, влияние Трошева сказалось. Без водки его сослуживец бьет бандитов лучше, чем с подогревом в 40 градусов в первую войну 1994—1996 годов.

Однако к каждому пьянице на войне командиров типа Квашнина или Трошева не приставишь. Если уж офицер или солдат захочет выпить, никакая сила его не удержит. А значит, каждый должен сам для себя решить — воевать трезвым или пьяным.

Помню, как меня в Афгане (1983 год) провожали на боевую операцию. Напился я до бесчувствия, и тело мое, как мешок, закинули в бронетранспортер. Очухался уже в предгорьях Луркоха. Солнце палило нещадно. Еле живой, я выполз из раскаленной железной коробки БТРа и спрятался в тень. Мои товарищи воевали, а я в холодке под машиной «ловил отходняк». При несусветной жажде я не мог напиться воды, потому что она — дефицит в тех краях. Физических мук и стыда перед сослуживцами я натерпелся так, что с той поры на войне никогда не пил.

Мой лучший друг, ныне полковник, известный в газетно-телевизионном мире, пил по разным поводам в Чечне так, что схватил гипертонический криз. А ведь был здоров как бык и от роду имел 35 лет — расцвет. После криза он нашел в себе силы

и напроочь завязал. Хотя все окружающие уже были убеждены, что он сопьется и больше не поднимется.

СЕРДЦУ СТАЛО ВЕСЕЛЕЙ?

Почему на войне пьют? При всей своей банальности вопрос этот не так прост, как кажется. Ответов может быть множество, потому что причин — неимоверное количество. И трудно выявить главную.

Во все времена, например, пили от страха. Ведь алкоголь, как его ни ругай, обладает бесспорным достоинством — делает человека более уверенным в себе, подавляет боязнь, снимает стресс, мобилизует перед боем и расслабляет после него. А на войне, как говорится, смелого и пуля боится, и штык не берет. Именно по этой причине в Великую Отечественную на уровне руководства страны приняли решение выдавать на передовой по 100 граммов водки бойцам. Абсолютное большинство солдат и офицеров пили, и, как показало время, не только без тяжелых последствий, но и с пользой для Отечества.

Правда, наркомовская водка появилась в войсках не 22 июня 1941 года, а гораздо позже, когда Сталин и его соратники поняли, что одними патриотическими призывами к отступающей армии не обойтись — нужны и приказ «Ни шагу назад!», и заградотряды, и 100 граммов для поднятия боевого духа.

В чеченскую кампанию 1994—1996 годов один молодой офицер-артиллерист признался, что за время своего пребывания в зоне боевых действий (многомесячного) пил каждый день! «От страха бухал», — говорил он. Кстати, по итогам боев командование представило его к званию Герой России.

Прославляемая в литературе, кино, да и в народной молве лихость гусар и казаков русской царской армии в немалой степени тоже основывалась на регулярных возлияниях. Один только Денис Давыдов чего стоит со своими хмельными стихами! И действительно, в начале XIX века атаки русской кавалерии, подогретые вином, зачастую были успешнее, чем австрийские трезвые поползновения на поле боя, с нередкими ретирадами.

Особенно сильно пили русские офицеры в Европе в 1813—1814 годах. Пили так, что забывали поздравить царя с днем рождения. «Ваше Величество, третий день пьем Ваше здоровье!..» — писал в запоздалом релизе один русский генерал. «Пора бы уж и перестать», — ответил Александр I. По тем временам забыть о дне рождения самодержца для офицеров было равносильно тому,

как для нас не поздравить родного деда или отца-фронтовика с Днем Победы 9 мая!

А знаменитый атаман Платов с не менее знаменитым прусским генералом Блюхером на пару бухали так, что буквально валились под стол. Это вошло в исторические анекдоты. В общем, пьяные традиции офицерства у нас имеют глубокие корни. Однако при всех двойственных оценках этого явления бесспорно одно: алкоголь в бою делает сражающегося действительно более храбрым, придает кураж и презрение к смерти. Даже в трезвой Японии летчики-камикадзе в полет без чашки саке не отправлялись. Что ж тут говорить о России, где пьянство почти всегда было в чести?!

Вторая причина неизбежности алкоголя на войне — так называемая медицинская. Например, в Афгане исповедовали принцип «Красные глаза не желтеют» и пили спирт, чтоб отогнать гепатит. Кстати, мне это не помогло. А в России «для сугреву» пили все, от солдата до маршала. Что неудивительно, если учесть наши морозы и то, что войска обычно стоят в чистом поле. А если представить себе Заполярье, то мороз по коже идет даже от одного упоминания. От простуды другого лекарства в таких условиях зачастую просто нет. Конечно, не обходилось без передозировок. Поводов и причин на войне множество. И многие — достойные. В общем, все бы ничего, да не знает наш человек (даже если он в погонах) меры. А в условиях войны, которая сама по себе является кардинальным выходом общества за рамки нравственных и юридических норм, о мере говорить трудно. Особенно если пьют по извечной русской причине — от тоски.

ОБЩЕНАРОДНАЯ ПРИЧИНА

В понятие «тоска» входит много составляющих. Тут и недовольство государственным устройством, и неясность цели, и несправедность войны, и глупость да корыстолюбие руководства различных уровней (от царя и президента до взводного командира), и нервотрепка, и нищенское существование офицеров и их семей... Список огромный, всего не упомнишь. И, как говорят в народе, без бутылки не разберешься.

В первый раз пьянство от тоски я наблюдал осенью и зимой 1992—1993 годов в зоне чрезвычайного положения в Северной Осетии и Ингушетии во время вооруженного конфликта двух народов. Если кадровые военные, привыкшие к длительным командировкам, к отрыву от семей, еще как-то себя соблюдали,

то приехавшие для работы во Временной администрации (она командовала всеми делами в зоне ЧП) чиновники из федеральных несилловых министерств и ведомств доходили просто до скотского состояния, до белой горячки. Пили столько, что запущенная в то смутное время машина нелегального производства водки в Северной Осетии быстро вывела маленькую республику на первое место в стране в этом бизнесе. Маховик, набрав обороты, до сих пор не может остановиться.

Сколько в ту пору было выпито водки — один Бог знает. Но одна деталь красноречиво говорит о масштабах. За пивом на опохмел из Назрани (где в вагонах загнанного в тупик эшелона жили военные, полувоенные и гражданские чиновники) во Владикавказ гоняли ... пожарную машину! Подчеркну, что она служила не столько транспортным средством, сколько емкостью — ее огромные баки для воды заполнялись пенным напитком. Эшелон опорожнял машину в мгновение ока!

Интеллигентный Сергей Шахрай, руководивший Временной администрацией, откровенно растерялся от пьяного буйства подчиненных. Только сменивший его Александр Котенков (ныне генерал и представитель Президента РФ в Госдуме) как бывший замполит батальона знал, что нужно делать. Он ходил с проверками по кабинетам, делал накачки пьяницам на совещаниях и т.п. Но все равно победить водку не смог. Потому что она непобедима, если российский человек «затосковал».

А «затосковал» он от грянувшей тогда гайдаровской реформы, от развала СССР и начавшегося распада РФ, от кавказской неразберихи, от малопонятной вражды осетин и ингушей, от бесполезности попыток утихомирить эту вражду, из-за соседней мятежной Чечни, подливающей масла в огонь полыхнувшей войны, в общем, из-за смуты.

Позже окопно-штабной вариант этого ужаса повторился в Чечне. И опять же если на войне относительно нормально себя ощущали кадровые вояки, то гражданские (строители, чиновники различных ведомств) теряли человеческий облик. До белой горячки допились мои знакомые телевизионщики одного из центральных каналов. Пьяные разборки с мордобоем выплескивались за рамки «гостиниц», и тогда командование сажало некоторых журналистов в зиндан (тюрьма в виде глубокой ямы). Только под капельницей выходили многие из алкогольного пике. Но без тяжелых последствий не обходилось. Чуть не умер от водки видеоинженер. Его откачали военные врачи. А один мой знако-

мый газетчик допился до эпилепсии и после Чечни закодировался. Можно себе представить, что они писали и снимали о войне!

В общем, пьянство офицеров — цветочки по сравнению с беспределом гражданских в зонах боевых действий и ЧП. Другое дело, что более достойный внешний облик кадровых военных не исключает опасности, если они запили «от тоски». Если нетрезв гражданский — беда скорее ему самому. Если военный — то, учитывая оружие и сложную боевую технику в его руках, вздрогнуть должны те, кто рядом. Помню, в Афганистане беспробудно пьяный от спирта, тоски по Родине и несправедности войны экипаж самолета Ан-12 при перевозке раненых в Союз забыл проверить надежность люка в полу гермокабины. На высоте около 6 тысяч метров люк открылся и одного раненого высосало за борт где-то в районе Каракумов. В общем, «пропал без вести».

Свеж в памяти и расстрел на блокпосту (граница Чечни и Дагестана) пьяным сержантом из пулемета своих спящих товарищей. Многие погибли. Сержант тоже одурел от тоски и сумятицы в голове и душе. Недавно его осудил военный суд. Короче говоря, не приведи Бог войскам «затосковать». Тогда жди беды. Не можем мы с тоской справиться. Все норовим утопить на дне бутылки. А она, как показал печальный опыт, в водке не тонет.

ДИАГНОЗ

Особняком стоит проблема алкоголизма как болезни. Увы, физический этот недуг поражает зачастую самых одаренных, а то и просто талантливых людей. Не зря еще писатель Н. Лесков своего знаменитого героя Левшу «наградил» в конце сказки пьянством и от него — гибелью. Медики, наверное, могут дать объяснение феномену пьющего таланта. В народе же он вызывает печальную улыбку

Генерал-майор Г. Петров рассказывал мне о своем сослуживце по Забайкалью, равных которому в знании ракетной техники не было во всем военном округе. Находясь в перманентном запое, старший лейтенант Н. в дни протрезвления творил чудеса, проводя ремонтные и регламентные работы сложнейшей аппаратуры. Чтоб он не сорвался и не запил снова, командиры приковывали его к ракете цепью и дежурили рядом, пока не заканчивалась работа. Ну а уж если мастер сделал дело, то гулял смело — удержу ему не было.

В Волгоградском корпусе, еще в бытность командиром там генерала Л. Рохлина, служил в одной из частей старший прапорщик В., который боевую технику знал, как говорится, «от и до». Запой у него случались регулярно — два раза в год, приблизительно по месяцу. Сломать этот «график» не мог никто — ни начальство, ни семья, ни сам Господь Бог. А потому главной задачей командиров было так подгадать сроки обслуживания техники и перевода ее с летнего режима эксплуатации на зимний (и наоборот), чтобы планы военного округа совпали с графиком запоев старшего прапорщика В. Обычно это удавалось. Но не всегда. Если не совпадало, то хоть войну отменяй...

Подобных умельцев, как правило, любят, жалеют и из армии не увольняют. Но вместо того чтобы отправить на лечение, пусть даже принудительное, из пьяных левшей в погонах выжимают все соки, как из лимонов, а затем забывают, словно гнилую кожуру. Спиваются талантливые мужики до смерти.

Печально и то, что путь в алкоголики нередко начинается именно на войне — вдали от семьи (главного врага водки), в офицерском «спянном и споенном» коллективе, в экстремальной обстановке, где есть постоянная необходимость снять стресс и расслабиться или наоборот — укрепить боевой дух. Отец моего сослуживца — летчик-фронтовик, Герой Советского Союза — как начал в войну бухать, так и не остановился до смерти, потеряв по пьянке Золотую Звезду. Мой сосед, ветеран Великой Отечественной войны Владимир Яковлевич, начинал со 100 граммов наркомовских и тоже не остановился, пока не умер. Удивительно даже, как выдерживал их организм регулярные усвоения водки на протяжении пяти десятилетий! Обычно же кончают жизнь раньше.

Факт этот чрезвычайно печальный, и закрывать на него глаза нельзя. Увы, война — это не только смерть буквальная, но и гибель (для многих) личности, при сохранении живой оболочки. Особенно это характерно для авиаторов. У них спирта — море разлитое. К нему привыкают, как к солдатскому компоту.

ТЕНЬ КИРА ВЕЛИКОГО

Исходя из вышесказанного, так и хочется сделать какой-нибудь гадостный вывод типа — у нас самая пьяная армия в мире или — войны без водки не бывает! Но, к счастью, есть пример недавних событий в Дагестане, когда армия и другие силовые структуры отражали чечено-ваххабитскую агрессию. Все были

приятно удивлены отсутствием пьянства. Это была первая трезвая война на моей памяти. Даже вопиющий случай воровства солдатами-десантниками нескольких ящиков водки в селе Кадар у местного жителя не испортил общую картину. Пьяных почти не было! И сейчас редкость, когда идет военная антитеррористическая операция в Чечне. Видно, потому, что боевой дух высок и не нуждается в спиртовом подогреве. А может, тоски в душе нет по причине симпатии прессы и определенности со стороны правительства... В общем, воюем с ясной головой.

Но на душе все равно беспокойно по одной причине. Не беда, что Басаев—Гелаев—Хаттаб готовятся к обороне Грозного. Беда, если они оставят федеральным силам город со щедро накрытыми столами, как когда-то Кир великий подготовил пир для массагетов во главе со Спаргаписом. Против этого застольного оружия мы, боюсь, не устоим. Это при гусарах можно было, налившись хмелем, ходить в атаки и громить непьющих турок. Нынче трезвый пьяного всегда одолеет. И это есть главный вывод.

ВОЙНА И НАЕМНИКИ

ДЕЗЕРТИР

Олег Мринский дезертировал из Французского легиона недавно. Из-под Марселя, где находилась база, он рванул в Париж, ночевал в картонных коробках под мостами вместе с клошарами, сумел раздобыть денег и вернулся в Киев. В Киеве у него собственная двухкомнатная квартира, почти новый автомобиль «Жигули» и вдовый отец.

У Мринского нет проблем. Он юрист по образованию, имел работу, не имел семьи и пользовался бешеной популярностью у женщин. Бывший французский легионер красив как бог. Одна из комнат его холостяцкого жилища целиком отдана под тренинг-класс. Спортивного инвентаря здесь — хватит на оборудование средней школы. Олег качает тут мускулы, и без того мощные, как у Сталлоне. К тому же несостоявшийся наемник гораздо симпатичнее Слая.

На взгляд обывателя, Олегу не хватало в жизни разве что птичьего молока, все остальное было.

— Хотелось приключений и денег, — объясняет он свой контракт с Французским легионом. — Но не получил ни того ни другого.

Под Марселем Мринский стриг на базе легиона траву, мыл полы и учил французские строевые песни.

— Все, как в нашей мирной армии, когда служил молодым солдатом, — говорил бывший легионер. — Ни тебе усиленной боевой подготовки, ни мощных физических нагрузок, ни денег... Да и вообще, этот Французский легион — сплошная липа. Слава его и известность держится на русских и немцах, которые пришли туда после Второй мировой войны — в конце 40-х — начале 50-х.

— За деньгами и приключениями нужно было ехать в Чечню, — провоцирую Олега.

— Мне предлагали, но я отказался. В Чечне не приключения, а мясорубка.

Разговор наш перешел на северокавказскую тему.

«КРЫША»

На самом деле все так называемые вербовочные пункты в Украине, которые агитируют молодых людей вступить во Французский легион, главным образом набирают добровольцев на войну в Чечне. Конечно, против федералов, на стороне террористов и ваххабитов. Под «крышей» Французского легиона до сих пор сколачиваются отряды для боев в горных районах Чечни. Вербовочные пункты есть не только в Киеве, но и в Харькове, Одессе, Львове, других городах Украины. Есть они и в России.

В Одессе этим занимается информационное агентство «Кавказ», созданное Мовлади Удуговым, Шамилем Басаевым и Хаттабом. Распространение антироссийской информации — не самая главная задача агентства. За его ширмой тоже идет набор добровольцев для вооруженной защиты бандитских идеалов. Такое же агентство давно работает и в Киеве.

Сколько боевиков было набрано через подобные вербовочные пункты — сказать трудно. Однако на границе Ставрополя и Чечни, Северной Осетии и Ингушетии украинских хлопцев без документов и с мутной биографией задерживали и задерживают десятками. Попадают они федералам и в самой Чечне. Выдают себя за мирных жителей, за рабов, обманом или силой увезенных из родных мест. Докопаться до истины невозможно, поскольку только наличие оружия определяет принадлежность человека к боевикам.

По предварительным данным, в декабре прошлого года только в Грозном под ружьем у бандитов находилось около 300 наемников с Украины. Некоторые из них воевали еще в первую чеченскую войну. Прежде всего это представители известной экстремистской организации УНА-УНСО. И в прошлом, и сейчас эта «фирма» также активно занималась и занимается поставкой живой силы на «чеченский фронт». В январе 1995 года бронетранспортер полковника Андриевского из Майкопской бригады подбили именно ребята с трезубцами на шапках. Одного такого хлопца Андриевский застрелил, но второй ранил самого полковника.

То, что уже во время новогоднего штурма Грозного в первую войну в городе были уна-унсовцы, говорит о надежной и всесторонней готовности дудаевцев к войне. Значит, наемники там находились еще до ввода российских войск. Организация УНА-УНСО отравила на Кавказ своих людей накануне кровавых событий.

«САЛО В ОКОПАХ»

Так называют русские солдаты в Чечне наемников с Украины. И пощады от федералов наши ближайшие соседи и братья по крови не ждут. Потому и сражаются отчаянно. В плен они не сдаются. Во-первых, юридически они не попадают под амнистию, поскольку являются гражданами другой страны. Во-вторых, с моральной точки зрения, всякий наемник по идее лишен морали. Он воюет только за деньги. Романтика и жажда приключений здесь не в счет. Хлопцы с Украины в отличие от чеченцев не могут сказать, что защищают свою землю и свои семьи, суверенитет своей республики и честь горцев (при всей сомнительности данных аргументов). Тем более не могут они, христиане, отстаивать исламские ценности перед «агрессией православия», что является идеологической базой ваххабитов.

Самое главное, что именно это раздражает российских военных — предательство братьев по вере и по крови. Тем более что в рядах федеральной армии служит множество украинцев — и солдат, и офицеров. И сражаются они героически. Впрочем, и на бандитской стороне украинцы дерутся до последнего патрона. Например, отчаянно, хитро и грамотно действовала девушка-снайпер из Полтавы. Не одного российского бойца уложила она из своей винтовки. Федералы долго ее выслеживали, охотились и в конце концов убили.

Любопытный факт имел место в Дагестане, подвергшемся агрессии международных террористов осенью прошлого года. В Новолакском районе, который почти полностью захватили ваххабиты, сражения шли тяжелые, кровопролитные и затяжные. Особенно горячо было в бою за высоту 323,1 под с. Новолакским. Федералы потеряли здесь более десяти своих людей. Но боевиков все же уничтожили.

В окопах на холме осталось около двадцати бандитскихtrupов. У одного нашли документы — турок Уфук Кайнар. Большинство других остались безымянными. Однако явно славянская наружность не вызывала сомнения. Больше того, возле ку-

чек бандитских экскрементов валялись листики из Корана, которыми пользовались... взамен туалетной бумаги. Заметьте, что речь идет об отряде ваххабитов — «борцов за веру»! Хороши «чистые мусульмане»! Кстати, у народов, исповедующих ислам, туалетной бумагой в принципе не пользуются. Только водой.

Случаев, свидетельствующих об участии в боях против российских войск наемников из ближнего зарубежья, множество. Все перечислить невозможно.

«КИДАЛЫ»

На нынешнем этапе антитеррористической войны в Чечне наемников из стран дальнего зарубежья заметно поубавилось. Во-первых, из-за активных и успешных действий федеральных сил. Все меньше желающих из арабских стран, из Турции, из Афганистана, из Косово ехать в Чечню на убой. К тому же внешность арабов и талибов отличается от внешности чеченцев. И если последние имеют возможность замаскироваться под местного мирного жителя, то арабу, талибу или косовскому албанцу с характерной «мордой лица», да еще без знания чеченского и русского языка, это сделать невозможно. У них нет отходных путей. А в плен их федералы не берут. Лишь несколькими арабам удалось выжить. Представители ФСБ увезли их в Москву «на разработку». Остались в рядах боевиков в основном русские, украинцы, литовцы, белорусы, латыши.

Во-вторых, материальный стимул — главный мотив действий наемника — явно дискредитирован Шамилем Басаевым и такими, как он, «кидалами». Наемникам частенько платили фальшивыми долларами, напечатанными в Урус-Мартане.

К тому же в большинстве контрактов отдельно оговаривалось, что боевик получает деньги только в том случае, если докажет убийство российского солдата или офицера. Отдельная плата — за подбитый танк или БТР. В общем, система оплаты довольно жесткая. Однако тактика федеральных сил на этой войне претерпела серьезные изменения по сравнению с войной 94—96-х годов. Сейчас россияне воюют умнее: не гонят технику на верную гибель в горные ущелья и городские улицы, не ходят в лобовые атаки, каждое наступление предваряется сокрушительными авиационными и артиллерийскими ударами. В такой обстановке не то что танк, но даже миномет не завалишь. А если ничего не подбил и никого не убил — кто же тебе бабки заплатит? Да и кому платить? Пока дело дойдет до прямого активного

огневого столкновения с русской пехотой, наемного работника войны уже бомбой накроет. Радиоперехваты переговоров боевиков свидетельствуют о полном разочаровании наемников.

— Мы так не договаривались, — упрекают иностранцы чеченских полевых командиров, — вы обещали, что будет боевая техника, а ее нет, вы говорили, что не будет долбить авиация, а она передыху нам не дает...

Что отвечают командиры боевиков? Говорят, что русские их сами обманули — слишком грамотно воюют. А вот пересмотреть контракт они не в силах.

В общем, кроме естественной убыли наемников от ударов федералов идет и отток их из окопов по причине отсутствия заработка.

Любопытно, что борьба за деньги разгорелась среди бандитов настолько, что одного и того же убитого русского солдата или спаленную машину приписывают себе десятки боевиков. Как правило, не гнушаются и откровенным враньем. Например, катапультировавшегося российского летчика (это было в декабре над горными районами Чечни) «лично расстреляли» аж шесть полевых командиров разных отрядов. Соответственно требовали у Басаева и Хаттаба денежные премии. А летчика тем временем спасли и привезли в Моздок. Он дома уже чай пил, а его «смерть» все еще делили в ущельях бандиты и крыли друг друга матом в радиопереговорах, обвиняя во вранье и жадности.

Ох, эта жадность! По сути, чеченские террористы даже самого Усаму Бен Ладена объегорили, не говоря уж о рядовых наемниках. Доллары у него для войны взяли настоящие и по завышенным ценам. А платят наемникам нередко фальшивыми. Даже если рассчитываются настоящими баксами, то по заниженным ценам. В общем, осели бабки в основном в карманах Хаттаба и Басаева. Своих обокрали.

РОМАНТИКИ С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

Наемники, конечно, бывают разные. Для большинства деньги являются главным мерилем жизни. Но есть и убежденные враги России, русских, христиан и т.п. Тут мотивация политическая. Таковы, например, косовские албанцы, не могущие простить России сочувствия к Сербии. Большинство из них приехали в Чечню еще до осени прошлого года. Хаттаб наладил связи, и молодые ребята из Армии освобождения Косово поперлись на Северный Кавказ через Азербайджан, чтобы резать русских. Боль-

шинство албанцев уже убиты. Таковы и талибы. Те воюют вроде бы за веру. То есть убивают христиан. Но как они объясняют для себя агрессию против Дагестана (почти сплошь мусульманского), неизвестно. Есть ненавистники всего русского из числа прибалтов и украинцев. Мертвых арабов федералы подбирали даже в Карамахи и Чабанмахи (ваххабитском анклав в Дагестане). Застрелены несколько литовцев и латышей в Грозном. Но больше всех (около сотни) погибло в чеченской столице украинцев. Носителей антирусской «идеологии» среди них немало.

Особняком стоят русские, воюющие в Чечне против федералов. В основном это уголовники, скрывающиеся на неподконтрольной российским властям территории. Волею судьбы они вынуждены были братья за оружие и оказались в одном окопе с местными отморозками. Есть среди русских и наркоманы, сидящие на чеченской игле.

Однако удивительней всего то, что попадают среди наемников и романтики. О них прекрасно написал в книге своих воспоминаний А. Корчинский — бывший лидер УНА-УНСО, ныне рассорившийся с соратниками. В свое время уна-унсовцы воевали в Приднестровье, в Абхазии, в первой чеченской войне, воюют и сейчас в горах Чечни. Многие из них, подписывая контракт, руководствовались скорее жадной приключений, чем желанием заработать. Подобно Олегу Мринскому из Киева, имевшему свой кусок хлеба с маслом благодаря работе адвоката. Во Французском легионе он не заработал больше, чем имел в Киеве. А вот о приключениях пришлось забыть.

— Украли мечту, — вздыхал Олег.

В отличие от Олега, друзья Корчинского готовы были ехать за острыми ощущениями куда угодно. Бывший лидер УНА-УНСО вспоминает случай, когда его отряд, собираясь воевать на стороне абхазцев, попал на грузинскую сторону. Там и остались. Стреляли в абхазцев и их союзников исключительно по воле нелепых обстоятельств. По большому счету, им было все равно, на чьей стороне воевать.

Жаль этих романтиков, которые сейчас сидят в пещерах горной Чечни. Их ждет ужасный конец. Это не мой вывод. В январе этого года я был во Львове и встречался с уна-унсовцем, который из романтических побуждений воевал в Грозном в 1995 году.

— Никому из наших не советую туда ехать, — сказал он. — Во-первых, вся романтика выветрилась в первые же дни. А во-

вторых, хотя я воевал на стороне чеченцев, но после этого так их возненавидел, что теперь радуюсь победам русских.

Это сказал не я, а бывший уна-унсовец, антирусски настроенный украинец, бывший соратник басаевых и хаттабов.

ВОЙНА И НАГРАДЫ

ПРО ТРИУМФ МАНЬКИ И БЕССЛАВИЕ ВАНЬКИ

И смех и грех. Из наградного ведомства Главного управления кадров Министерства обороны России вернули в полк представление к ордену прапорщика-тыловика одной из авиационных частей, базирующихся на Северном Кавказе. В представлении о доблестях прапорщика говорилось, что он в тяжелейших погодных условиях обеспечил бесперебойный забой скота в подсобном полевом хозяйстве, тем самым способствуя снабжению личного состава мясом. Такой вот подвиг на чеченской войне.

«Вы что там, совсем одурели?!» — высказали свое возмущение командирам-авиаторам московские кадровики, отправив обратно забракованные наградные документы прапорщика.

Любопытно, что никто в части публично не возмутился намерением начальства отметить боевой наградой «подвиги» свинаря. Помнится, в Баграме в середине 80-х факт награждения прапорщика — начальника полевого хлебозавода (прослужившего в Афганистане всего три месяца) орденом Красной Звезды побудил два десятка офицеров написать полное раздражения письмо в окружную газету ТуркВО «Фрунзевец». Тогда еще майор, военный журналист Сергей Морозов летал в Баграм разбираться в ситуации.

Это был по тем временам настоящий скандал. Командир полка оправдывался, что ничего не знал о представлении к ордену прапорщика-пекаря. Говорил, дескать, что его фамилию допечатали в коллективный список награжденных штабные клерки. В общем, хлебопека то ли в наказание, то ли для устранения раздражителя из полка отправили в Союз от греха подальше. Конечно, с орденом Красной Звезды. Ни льгот, ни наград его не лишали.

Но не в этом суть. Главное, что каких-то полтора десятка лет назад на войне офицеры публично возмущались несправедливостью при награждении своих сослуживцев. Теперь не возмущаются. Только криво ухмыляются да безнадежно машут рукой.

О времена, о нравы!

Что же произошло с этими нравами? То же, что и всегда, — падение. Схема традиционная: рушится государство — рушится и мораль. В том числе хаос приходит и в такую тонкую область, как определение заслуг достойных и доблестных граждан страны. Вот классическое тому подтверждение.

В первую чеченскую кампанию известная журналистка из уважаемой московской газеты в окрестностях Грозного прогуливалась со своим приятелем-офицером в направлении ближайших зарослей, подальше от людских глаз. Во время этого променажа опытный офицер, услышав под ногами характерный шелчок, сразу понял, что задета растяжка. Он мгновенно повалил спутницу на землю и накрыл ее своим телом. Конечно, не преследуя первоначальную цель, а чтоб защитить даму от осколков. Даму спас (ее лишь слегка царапнуло), но сам получил ранение, в основном в кормовую часть тела.

Неприятности для офицера на этом не закончились. Еще на стадии лечения он получил от начальства раскаленных фитилей под общим девизом: знай, мол, дурак, где баб выгуливать!

А вот московская газетчица из взрыва растяжки и своей царапины сумела извлечь немалую пользу. Тем более что вошла в моду политика задабривания прессы с помощью боевых наград (и даже именного оружия). Умело рассказанная журналисткой история послужила поводом для представления к государственной награде. Вручил ее «пострадавшей» на войне женщине лично Президент России Б. Ельцин в Кремле, принародно. Награду корреспондентка приняла ничтоже сумняшеся и до сих пор ревниво блюдет упавшие нравы на страницах своей газеты с почти миллионным тиражом.

История эта мгновенно облетела всю действующую армию на Кавказе. Окопные остряки сразу вспомнили и оживили перченую (народная мудрость бывает безжалостна и не всегда ласкает слух) поговорку наших дедов и прадедов времен Великой Отечественной войны: «Маньке за п...у — Красную Звезду, а Ивану за атаку — х... в сраку». Что тут добавить? В данном случае лучше и точнее не скажешь.

Кстати, о журналистах и народной мудрости. Многие неле-

тивные труженики СМИ к штыку приравняли перо чуть ли не в буквальном смысле. Судя по представлениям к наградам, самолично ими себе написанным, они и погибших в бою комбатов, и ротных командиров замещали, и собственноручно бандитские пулеметные расчеты уничтожали, и духовские засады громили, и, естественно, при этом успешно выполняли редакционные задания. В общем, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Посмотрите на уважаемую газету «Красная Звезда» — там орденосцев, наверное, уже больше, чем в ином воздушно-десантном полку, измочаленном войнами.

Не забыли себя и сотрудники телестудии СКВО и пресс-центра Объединенной группировки федеральных сил на Северном Кавказе. Некоторые умудрились удостоиться даже нескольких орденов. Причем за мифические заслуги. Насочиняли себе подвиги и подпадающих под статут наград, и не вписывающихся ни в какие рамки, типа уничтожения пресловутого сайта боевиков «Кавказ» в Интернете. К слову, сайт благополучно существует, не подозревая, что за его гибель уже получена награда.

Но это все мелочи. Если большинство журналистов хоть свист пуль слышали (не побывав на «передке», как говорят о передовой, хорошего материала в газету или для ТВ не сделаешь), то многие старшие офицеры, особенно командированные из Москвы, генеральские порученцы и т.п. дальше штабной палатки и носа не казали. Больше того, некоторые умудрились получить ордена, даже не заезжая в Чечню, а сидя в Моздоке или в Махачкале. Их наградные представления — это целая мифология войны, достойная пера сатирика.

Подчеркну, что речь идет прежде всего о нынешней военной кампании. И еще замечу, что все здесь сказанное не есть тайна. Об этом в Чечне говорят солдаты и офицеры повсеместно. Потому что дождь наград постоянно выпадает в стороне от них. И вот пример.

На моих глазах Верховный главнокомандующий В. Путин вручал награды 331-му полку ВДВ, воевавшему в Дагестане и Чечне с августа 1999 по март 2000 года. Орденов и медалей было десятка три-четыре, не больше. А в строю стояло несколько сотен солдат и офицеров, геройствовавших почти повально и ежедневно. Боюсь, что большинство из них так и останутся без наград. В отличие от командированных в Чечню офицеров из высоких штабов.

Еще пример. Генерал-полковник Г. Трошев (тогда первый

зам., а позже командующий Объединенной группировкой федеральных сил на Северном Кавказе) лично на протяжении почти семи месяцев (!) регулярно хлопотал о присвоении звания Героя России солдату-танкисту Капустину, мужественно сражавшемуся еще в сентябре в районе Карамахи (Дагестан). Боец этот дрался отчаянно везде, где бы ни воевал его батальон, пока наконец танк Капустина не сожгли в Чечне. Экипаж погиб, а Капустина тяжело ранило. Трошев отправил в Москву несколько представлений к награде, каждый раз дополняя описание подвигов новыми эпизодами из трудной доли солдата. И что же? Все бумажки оказались бесполезными. «Недостаточно героизма», — отвечали из Москвы. Только личное обращение Трошева к Путину помогло отважному танкисту удостоиться награды.

Примеров такого рода можно приводить множество. Все они говорят об одном — неладное что-то творится у нас с наградами. А именно: достойных наград людей не меньше, чем недостойных — с наградами. Однако, повторюсь, никого это в армии особо не возмущает. Привыкли к несправедливости и скоро перестанут даже удивляться.

Именно это самое страшное. Потому что награда сама по себе хотя и есть мишура, блестяшка, однако являет собой один из символов государства. А если символ теряет свое державное значение, если не поднимает дух и не вдохновляет на подвиг, то государству нечего ждать от чад своих любви и самоотречения. Пропадение пропадом грозит стране, где возвышаются Маньки и угнетаются Ваньки, как в вышеупомянутой фронтовой поговорке.

«ХОРОШАЯ ВЫДУМКА»

В старину короли да императоры своих вассалов, показавших доблесть в службе и на поле брани, одаривали земельными угодьями (с пахарями в придачу), деньгами, драгоценностями, титулами и т.д. Так было и на Руси. Однако еще в Древнем Риме утвердилась система исключительно почетных наград, не влекущих за собой материального прироста. Мудрый француз Мишель Монтень в своих «Опытах» пишет: «Хорошей выдумкой, утвердившейся в большинстве стран мира, было установление некоторых малозначительных и ничего не стоящих знаков отличия для награждения и почтения добродетели, к числу которых относятся лавровые, дубовые, миртовые венки, особые виды одежды... право занимать особое место в публичном собрании,

прерогатива носить известные титулы... рыцарские ордена. Это поистине очень хороший и полезный обычай отмечать заслуги выдающихся и исключительных людей, выделять и награждать их при помощи пожалований, нисколько не обременяющих общество и ничего не стоящих государству».

У нас эта дармовая для страны и приятная общественности система расцвела при Брежневе. На страну обрушился ливень почетных грамот и дипломов, юбилейных медалей и знаков. Но массивность применения этого оружия вдохновения трудящихся, естественно, мгновенно ослабила его силу. Потому что, как опять же говорил старина Монтень, «... вся ценность и весь почет этих знаков отличия покоятся на том, что они присваиваются лишь небольшому числу людей... широкая раздача их равносильна сведению их на нет». Грамоты, как ни удивительно, тоже есть знак отличия. Хоть и загубленный во времена оны. Существуют еще почетные наименования, звания, знамена и штандарты, выпелы и масса прочего. Всего не охватишь. Сосредоточимся на боевых медалях и орденах, возникших благодаря средневековым рыцарям.

К чести властей брежневской эпохи, боевыми наградами в то время не разбрасывались (если не считать лично Леонида Ильича, но его наградной иконостас лишь исключение, подтверждающее правило), хотя советские военные участвовали в войнах в Афганистане, Вьетнаме, Эфиопии, Анголе...

И все же, несмотря на целые века, разделяющие наше время с эпохой Древнего Рима, внедрившего систему «ничего не стоящих знаков отличия», до наших дней дошла традиция сопровождать почетные награды шлейфом социально-материальных благ. К примеру, в царские времена даже сами ордена были с драгоценностями, георгиевских кавалеров охотно брали в полицию околоточными, при Сталине к наградам выдавались денежные книжки, при Брежневе имеющих даже боевую медаль вне конкурса принимали в академии и продвигали по службе, при Ельцине по выходе на пенсию орденосцам одновременно стали выплачивать два дополнительных оклада.

Что греха таить, это вдохновляло. Я, например, когда получил в Афганистане медаль «За отвагу», в первые минуты радости подумал о том, что теперь академия (а значит, и карьера) обеспечена. Достаточно сдать экзамены на хилые «троечки».

Но это было давно, в 1986 году. Теперь же капитан Игорь Еремеев рассказал, что, имея боевую награду после первой че-

ченской кампании, при поступлении в академию напоролся на члена приемной комиссии, который сказал с улыбкой:

— Хороший ты парень, Игорь, и герой войны... но ты же знаешь таксу поступления...

В общем, времена и нравы изменились. Невероятную силу приобрели деньги. Есть таксы не только для поступления в академию, но даже для собственно получения награды. А если так, то вскоре ценность ордена или медали сведется к нулю, коль получение их не будет зависеть от подвига. Достаточно лишь заплатить какому-нибудь штабному клерку, чтобы он допечатал фамилию в список претендентов на награду.

Лет пятнадцать назад в армии ходил анекдот, имеющий под собой реальную почву. Однажды на вокзале к молодому офицеру подошел прапорщик, фатально оказавшийся без денег (то ли обокрали, то ли спустил в кабаке). Офицер по доброте душевной ссудил бедолаге на билет под обещание «тут же вернуть». Действительно, прапорщик вскорости деньги выслал. Но на этом история не кончается. Спустя какое-то время офицер получил медаль, к которой никто его в полку не представлял. Затем пришла еще одна награда. И еще. Вплоть до медали «За боевые заслуги». В полку недоумевали, стали поговаривать о «волосатой лапе». Растерялся и сам офицер. А вскоре получил письмо от... того прапорщика, которому помог в трудную минуту на вокзале. «Извини, — оправдывался прапорщик, — но я служу в отделе, который ведаёт лишь медалями. С орденом помочь не могу...» Оказалось, просто допечатывал фамилию своего спасителя в общий список на подпись министру обороны.

Самое ценное в этой истории — механизм получения награды. Думаете, что-то изменилось с тех пор? В механизме — ничего. А вот отношение людей к награде изменилось. Конечно, в худшую сторону. Если пятнадцать лет назад подобную историю передавали из уст в уста как уникальный случай, как анекдот, то теперь такая байка никого бы не удивила.

Не хочу сказать, что теперь сплошь и рядом мелкие клерки «дополняют» списки награжденных. Теперь удар по престижу орденов и медалей наносит в основном мифология в наградных представлениях, о чем шла речь выше. Почему она срывает, почему за «липовые подвиги» люди получают боевые награды? Деньги ли, блат ли является движущей силой лжи? — на эти вопросы должны, наверное, ответить юристы и командиры различных степеней. Мы можем лишь порадоваться вместе с неста-

реюшим Монтенем, что человечество постепенно избавляется от наград чисто материальных. Иначе зачем платить за орден?!

Представьте себе, что у нас сохранилась хотя бы сталинская система поощрений отличившихся, когда героев награждали не только орденами, но и жильем. Например, в годы войны нарком боеприпасов инженера Альперовича за спасение снарядного завода от взрыва (был пожар) поощрил отдельной квартирой.

А если реализовать предложение Елены Боннэр (вдовы академика Сахарова), которая однажды предложила раздать сельхозугодья страны офицерам, увольняющимся в запас (нечто подобное когда-то делали цари)? Наши военные, дескать, люди в основной своей массе неглупые и найдут применение земле.

Бог его знает, может, и найдут. Но если умудрились развести нравственную грязь вокруг ничего собой не представляющих блестяшек, то вокруг материальных ценностей будет твориться просто ужас. Монаршие щедрости нам не подходят. Так что вынесем мирские блага отличившимся на войне — за скобки. Коснемся исключительно почетных наград, ничего не стоящих государству. В этих условиях наименьший риск дискредитировать державный знак внимания.

По мне так уж лучше пусть у наград никакого социально-материального шлейфа не будет: ни привилегий при поступлениях в академии и на работу, ни денежных воздаяний, ни освобождения от уголовной ответственности за преступления (эта практика до сих пор существует). Вся меркантильная сторона дела должна остаться в сфере отношения государства ко всем без различия участникам войн и особо — к раненым и калекам, независимо от их персональных наград. Само собой, не должны быть забыты и семьи погибших. Но это требует отдельного разговора.

Что касается орденов и медалей, то одно лишь общественное восхищение должно иметь место. К примеру, полным георгиевским кавалерам при царе-батюшке офицеры первыми честь отдавали. Исключительно только это по тем временам значило потрясающе много. У нас сейчас старшие по званию младшим Героям России честь первыми не отдают. Как-то не принято. Не случилось общественного восхищения в армии. Странно, не правда ли?

«ДЖИГИТ», «ПТИЧКА» И ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

Говоря о мифологии в наградных представлениях и о том, какой вред это наносит престижу почетных державных знаков, тем не менее следует признать, что раз имеет место стремление людей (пусть и любыми средствами) удостоиться наград, значит, этот престиж еще сохраняется. Например, держится пока авторитет Звезды Героя России и медали «За отвагу». Вспомним: после первой чеченской кампании покойный ныне генерал Л. Рохлин отказался от награждения Золотой Звездой, мотивируя отказ слишком серьезным статусом награды, чтобы получать ее за сомнительные подвиги. Однако масса других наград, которыми государство щедро разбрасывается в последние годы, на глазах теряют свою значимость и привлекательность. Среди них, к сожалению, ордена Мужества и «За военные заслуги», медаль Г. К. Жукова... Какие названия, вдумайтесь! Однако за две чеченских войны их столько высыпали почти без разбору на армию, что они потихоньку дискредитируются. И речь не только о липовых подвигах, коими пестрят наградные представления. С ними все ясно. Нужно бороться с этим вплоть до привлечения офицерских собраний в дело наградений. Однако не только здесь кроется корень зла.

Меня всегда удивляло, почему военное командование и государство столь неизобретательны в выказывании почета своим солдатам. В афганскую войну за 10 лет больше полумиллиона военнослужащих прошли через серьезнейшие испытания. Там были разные подвиги, разные проявления мужества и героизма. Однако наград было всего ничего: медали «За боевые заслуги» и «За отвагу», а также ордена Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» (в основном III степени). Немногим достался орден Красного Знамени. Единицы удостоились звания Героя Советского Союза.

В общем, правильно, что единицы удостоивались последних двух наград. Статус их был чрезвычайно высок. Давали бы больше, налево и направо, было бы то же, что с нынешними орденами Мужества и «За военные заслуги», — потихоньку бы обесценились. А так удержались в авторитете.

Но вот что любопытно. Ордена Красного Знамени удостоивались чаще всего командиры частей и выше. Получили эту награду и наш комдив, и начальник штаба дивизии, и один из командиров полков. И никто, заметьте, не прикрепил на грудь ордена Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Суворова, Кутузова. Это чисто полководческие ордена. Деяния старших

офицеров в Афгане подпадали под статут этих наград. Однако за 10(!) лет никто никогда ими не был награжден.

Ни один солдат в ту уже почти забытую войну не был награжден орденом Славы — потрясающим по авторитету наследником Георгиевского креста! Хотя были достойные. Не могу понять, почему? Почему в Афгане боец мог стать Героем Советского Союза (высшая ступень наградной иерархии), но никогда — кавалером ордена Славы III степени?! На солдатскую долю выпало всего две медали да орден Красной Звезды. Вот и весь наградной арсенал, из которого приходилось выбирать командирам.

В результате такой скудости снизилось, например, почтение к медали «За боевые заслуги», имевшей самое широкое хождение. Потерял привлекательность орден Красной Звезды, удар по которому нанесли еще при Хрущеве. Его до Афганистана давали ракетчикам за пуски, офицерам от комбата и выше за успехи в боевой подготовке, за выслугу лет и т.п. Хотя уважение Красная Звезда чудом сохранила благодаря фронтовому прошлому 41—45 годов. Зато орден «За службу Родине в ВС СССР» в Афгане презрительно стали называть орденом «За порядок в тумбочке». Надо признать, у этой награды самая незавидная судьба. Может, даже хуже, чем у так называемых «песочных» медалей (за выслугу лет), которые своим медальным видом дискредитируют боевые медали и вызывают у награжденных «за безупречную службу» лишь иронию. Их давно пора отменить за абсолютной ненужностью и потерей авторитета.

Удивительней всего то, что молодое российское государство, не перестающее воевать с 1992 года (первой «горячей точкой» стал осетино-ингушский вооруженный конфликт), мало чем отличается от Советского Союза 80-х годов. Безусловное достижение, что ввели несколько новых наград и возродили некоторые царские ордена. Однако опять же пустили в повседневную практику всего несколько орденов и медалей, которым со временем может грозить презрительное отношение. Уже сейчас мне довелось услышать, что новый орден «За военные заслуги» называют «За заслуги перед начальством». Это тревожный сигнал. Чтобы спасти авторитет данной награды, стоит временно убрать ее из обихода награждений. Иначе со временем люди будут стесняться ее надевать, как стесняются носить «За порядок в тумбочке».

Да и вообще, почему не ввести новые награды, например медали «За штурм Грозного», «За освобождение (защиту) Дагес-

тана» (обе с датами)? Оглянемся на Сталина: он за четыре года войны учредил десятки (!) наград и делал это мгновенно. Взяли Варшаву — тут же медаль «За освобождение Варшавы», взяли Прагу — уже есть соответствующая медаль, взяли Будапешт — тут же медаль «За взятие Будапешта». Кстати, престижная была медаль, потому что кровавейшие бои шли за этот город. Не зря Михаил Исаковский использовал данную награду в стихах, ставших знаменитой и поныне песней: «... и на груди его светилась медаль за город Будапешт...» Фронтовики знают, что брать столицу Венгрии было не легче, чем защищать Сталинград. Там сотни тысяч советских воинов легло.

Но это все дела давно минувших дней. Мы же с вами современники и даже свидетели другой драмы — жесточайших боев за Грозный. Почему было не учредить медаль?! Ведь там российские солдаты мешками кровь проливали. Причем трижды. Первый раз при штурме зимой 94/95 года, второй раз при защите в августе 96-го года и третий раз зимой 1999/2000 года. И никому из наших державных мужей (включая военных) в голову не пришло учредить награду, которой бы не только гордились солдаты, но которая была бы фактом истории Родины. Пусть драматической и неоднозначно оцениваемой, но не безымянной и туманной.

Вот у моего деда-фронтовика (царство ему небесное!) было за войну три медали: «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги» и «За победу над Германией». И для меня, пацаненка, было ясно, какой боевой путь прошел мой дед. А что можно понять, видя на груди у солдата медаль Г. К. Жукова (при всем уважении к великому полководцу)? Где он ее получил? За что? Когда? Не исключено, что за пуск ракеты, за успехи в боевой учебе, за бдительность на посту, за порядок в тумбочке. Все это дела достойные, но... Но если у бойца на груди висела бы медаль «За штурм Грозного» (с датами 94—95 или 1999—2000 гг.), перед ним всякий встречный голову бы склонил, независимо от политических воззрений. Потому что солдат войну не выбирает.

Еще пример для убедительности. У имама Шамиля в XIX веке были десятки (!) разных орденов, коими он награждал своих воинов за ратные дела. Наградных представлений тогда не существовало, поэтому трудно было в бумагах скрыть ложь и подлость, как ныне. Прямо на кубачинском серебре наград гравировались надписи типа: «Это герой. В битве он нападает как лев. Героев много, но подобных ему нет. Даровал это Идрис Эфенди в 1267 г.» (дата по исламскому календарю. По

нашему — 1850—1851 г.). Еще орден с надписью: «Кто думает о последствиях, тот не герой. Он проявил мужество, подчиняясь наибу Гаирбеку».

Глядя на эти ордена (а хранятся они в музее в Махачкале), только руками развести остается: они самодостаточны и не требуют разъяснений. Но главное, что очень важно для нас, возвращенных коррупцией, — трудно мужевать с такими наградами. На них даже выгравировано, кто и когда вручал. Ответственность повышается.

Любопытно, что в царской России разнообразие наград обуславливалось еще и различным вероисповеданием солдат и офицеров. Например, учитывалось, что награждать крестом мусульманина не совсем уместно. Поэтому, к примеру, бойцов знаменитой «дикой дивизии» (где служили выходцы с Северного Кавказа) в годы Первой мировой войны награждали аналогом Георгиевского креста — на той же муаровой черно-оранжевой ленте висел двуглавый орел. Но все равно были такие герои-магометане, которые просили:

— Нам птичку не надо. Нам джигита давай! — имея в виду Георгия Победоносца на коне в центре крестика. Настолько был высок авторитет Георгиевского креста.

В общем, ясно, что и при царе державные люди мудро и тонко подходили к проблеме награждения достойных сынов Отчизны. А нынешний примитивизм подходов руководства страны и армии не перестает удивлять. Взять, к примеру, присвоение званий Героев России большой группе генералов Северо-Кавказского военного округа. Понятно, что уважаемые они люди, умелые военачальники, мужественные фронтовики. Но неужели награждение их орденами Суворова или Кутузова было бы менее достойно? Наоборот — более точно. Героев России сейчас только в СКВО больше двух десятков. А вот кавалеров высочайших полководческих наград — ни одного. Не странно ли? Неужто в нынешней чеченской кампании не было оперативного искусства? Было. Одно только взятие Грозного с минимальными потерями чего стоит! А ловушка, устроенная Басаеву и его сподвижникам в начале февраля 2000 года!

Вышеупомянутые генералы сумели разорить гнездо целой бандитской армии и при этом сохранили сотни, если не тысячи жизней своих солдат. То есть они несли ответственность за подчиненных им людей, при этом не забывая о безопасности мирных жителей. Положение военачальника сложнее, чем положе-

ние солдата. Солдату просчет простят и забудут, полководцу ошибку будут вспоминать и десятилетия после смерти. Как говорили древние римляне: «*Negue enim eaedem militares et imperatoriae artes sunt*» (у солдата и полководца не одно и то же искусство). Если уж присваивать генералу Золотую Звезду, то такому, как генерал-майор Малофеев, который по-лейтенантски, с автоматом в руках повел дрогнувших солдат на прорыв из окружения.

Со времен Великой Отечественной войны никто из наших военачальников не удостоивался высоких полководческих орденов (орден Победы для Брежнева — просто курьез). Думается, если руководство страны и военного ведомства хотело достойно наградить генералов СКВО, умело воюющих на Юге России, то оно выбрало не наилучший способ. И это опять же следствие неразборчивости в средствах. Да и какая разборчивость может быть, если пока используется всего два ордена — «За военные заслуги» и Мужества. А заслуги генералов-северокавказцев заметно выше. Среди наград, которые «выше», разглядели почему-то только Звезду Героя, кавалером которой можно стать и без риска ответственности за тысячи жизней.

Подчеркну, что все вышесказанное — укор не генералам, но представлявшим их к награде должностным лицам. Давно пора понять, что чем разнообразнее арсенал знаков отличия, чем меньше доблестных каждым из них отмечено — тем лучше.

НЕПИСАНЫЕ ПРАВИЛА

В феврале 1995 года в Грозном наш бронетранспортер разбился, и я попал в госпиталь. Отказавшись эвакуироваться на большую землю, я остался работать в Чечне. За это меня представили к награждению медалью, но в Москве решение моего начальства переиграли и присудили орден Мужества. Согласно старому неписаному правилу — награждать офицера орденом за ранение, за пролитую кровь в боевой обстановке.

Помню, в Афганистане наш начальник хозяйственного отделения (прапорщик) ехал на БТРе, и машина попала на мину. Сидящего на броне прапорщика смело взрывной волной на землю. По пути он зацепился задницей за что-то, порвал штаны и поранил ягодицу. Рана была пустячная, начальник ХОЗО даже в медбат не обращался — залил йодом царапину, залепил пластырем и... обратился к начштаба: как, мол, насчет ордена? Несмотря на всеобщий смех и подколки, орден прапорщик получил. Опять же неписаное правило.

Они существовали всегда. Именно эти неписанные правила зачастую определяли судьбу отличившегося. К примеру, в годы Великой Отечественной войны летчиков-штурмовиков представляли к наградам не согласно статуту орденов и медалей, а в соответствии с общественным договором (как сказали бы философы). Условно говоря: 100 боевых вылетов — Герой Советского Союза, 80 — орден Красного Знамени, 60 — Красная Звезда и т.д. по нисходящей. Арифметика была жесткая, поэтому если кому-то до желаемой награды не хватало нескольких вылетов, то одалживал у товарища. Конечно, с последующим возвратом. То есть боевой вылет засчитывали другому. Я узнал об этом от Героя Советского Союза И. Гавриша, из Ростова-на-Дону.

Нечто подобное таким правилам действовало и в других родах войск. Например, зенитчиков награждали за количество сбитых самолетов. То же самое — у летчиков-истебителей. У танкистов и противотанкистов весомость награды определяли подбитые танки врага.

Неписанные правила всегда кто-то раз и надолго устанавливает. К примеру, в первую чеченскую кампанию министр обороны России генерал армии П. Грачев дал указание, чтобы ни один солдат в запас без медали не уходил. И закипела работа у кадровиков. Об этом рассказывал генерал-майор Г. Петров, бывший начальник управления кадров СКВО.

Кинулись писать представления — не все солдатские поступки подпадают под статут наград. В общем, началось приукрашивание боевой деятельности. С одной стороны, вроде и не совсем правду писали. С другой стороны, цель-то стояла благородная — отметить ратный труд бойца, побывавшего на войне. Кстати, к этому стремился не только П. Грачев, но и все порядочные командиры.

Увы, нет в России знаков отличия для тех, кто был на войне, но подвига не совершил. Как, к примеру, отметить солдата-повара, который в атаку, может, и не ходил, но вместе с товарищами месил чеченскую грязь, мерз в ледяных горах, выслушивал матюки от друзей за скудный обед (не по вине повара)?..

В общем, абсолютному большинству командиров приходится исхитряться, чтобы и статут наград соблюсти, и неписанные правила не нарушить, и справедливость в оценке ратного труда сохранить. Трудно это сделать, коль под рукой лишь по паре медалей да орденов и дискредитированные давным-давно грамоты.

В МВД плюнули на все, да и решили учредить свой ведом-

ственный почетный знак участнику войны в Чечне. Сделали красиво и солидно. Может, так и армейцам поступить? А еще лучше — на правительственном уровне сделать нечто подобное. К тому же двух видов. И парадный — большой. И повседневный — маленький, чтоб уволившийся в запас солдат мог в петлице пиджака носить на работу. «Афганцы», не дожидаясь поползновений государства, уже наделали себе таких маленьких самопальных значков. Они в разных краях и областях разные, а потому народом не распознаются. Вот если бы был один — державный... Увы, нет.

Наградная политика страны должна быть умной и честной. Не будем кривить душой, не будем обманывать друг друга, сочиняя липовые подвиги, чтоб удостоиться блестяшки на потеху жене и детям. Пусть ордена будут орденами, медали медалями, за честь обладания которыми нужно проявить недюжинные способности, а почетные знаки выдавать всем тем, кому с героизмом не повезло, но зато он достойно делал на войне свою работу. Пусть будет знак просто участнику войны, за количество боевых вылетов, знак за ранение в бою. Я заранее согласен обменять на него свой орден Мужества, полученный не за мужество.

В общем, нужно неписанные правила сделать писаными. Ведь это так просто. Иначе государственная наша неразбериха в области наград позволяет так называемому Верховному Совету СССР во главе с Сажи Умалатовой лепить налево и направо ордена бывшего Союза (до сих пор авторитетные), посмеиваясь над тускнеющими российскими наградами.

Та же неразбериха позволяет реестровым (то есть находящимся на государственной службе) казакам лепить себе на грудь награды невесть какие и невесть за что. Не зря их в народе стали называть ряжеными.

Однако для нас всех и для державы эти моральные издержки не опасны. Опасно, когда государственные награды, полученные за липовые подвиги, позволяют преступникам избегать уголовного наказания. Как это было с подполковником С. Кузнецовым из Ростовского-на-Дону гарнизона: он удостоился боевой медали А. В. Суворова, пробыв в Чечне в штабе (вдали от передовой) всего один день! Однако именно эта несправедливая награда позволила потом нарушителю закона избежать суровой кары. Все, дальше некуда. Вернее, дальше — хаос.

ВОЙНА И ТРОФЕИ

«ЭТО МОЯ ДОБЫЧА»

Так говорил Шер-Хан в русском мультфильме о Маугли. Закон джунглей диктовал четко: кто оказался сильнее, тому и шкура поверженного, и даже рога и копыта. На войне почти такой же принцип: кто победил, тот и хозяин всему.

В феврале 1983 года с разведротой мотострелкового полка я был в бою в Герате. Мы прочесывали квартал, где жили зажиточные горожане, и ворвались в дом, из которого на наших глазах (!) сбежали два вооруженных душмана (патронные ленты крест-накрест на груди и карабины в руках). Мы стреляли, но промазали. «Духи» ушли, словно сквозь землю провалились. От досады мы «раскулачили» их «хату». Разведрота пополнила свое хозяйство двумя иранскими скороварками и еще какой-то бытовой мелочью. А я прихватил себе джинсы «Игл». Они были почти новые. В СССР в то время джинсы были модными и дефицитными.

В тот же день после обеда мы вытаскивали из «огневого мешка» взвод афганских правительственных войск, сами попали в окружение. Один солдат погиб, двое получили ранения. На вырубку к нам пришел танк, но ему разбили гусеницу. Пришел другой... В общем, день выдался жарким. Слава Богу, мы унесли ноги, скороварки, джинсы и прочую дребедень.

Я считал джинсы своим боевым трофеем и гордился, что теперь они будут украшать мою задницу, а не душманскую. Впервые я надел их дома, в отпуске, не преминув похвастать перед родителями, что добыл «Игл» в схватке с врагом.

— И не горит на тебе шкура, сынок, от чужой одежды? — спросила моя мудрая мать и посмотрела так, что шкура на мне под штанами стала гореть.

Больше я эти джинсы не надевал. Они до сих пор валяются где-то на чердаке родительского дома, если их не съели мыши. Первый и последний свой боевой трофей я не забуду, наверное, никогда. Потому что войн на моем веку все больше, а с ними и проблема трофеев всегда актуальна. И не только для меня.

Еще в первую чеченскую войну, в феврале 1995 года, после взятия Грозного, я был свидетелем встречи морских пехотинцев Балтийского флота со своим адмиралом — одним из заместителей командующего БФ. Тот возглавлял группу офицеров, приехавших из Калининграда к прославившимся при штурме столицы Чечни морпехам. Балтийцы мужественно и мастерски прогрызались сквозь Грозный к центру города и водрузили андреевский флаг на развалинах «дворца Дудаева». При этом они потеряли несколько человек.

— Товарищ командир, — обратились офицеры морской пехоты к адмиралу за ужином, когда обязательные тосты были уже сказаны, — на нашем пути в городе случайно оказался магазин аудио- и видеоаппаратуры... В общем, кое-что мы прихватили, чтоб добро не пропало... Разрешите забрать с собой и передать семьям погибших? Хоть как-то поможем им материально. А то на аэродроме уже комендатура свирепствует: перед загрузкой на борт — досмотры...

Ох, лучше бы морпехи этого не говорили. Адмирал был смущен до крайности. Офицеры только позже поняли, в какое неловкое положение поставили свое начальство. С одной стороны, в их пользу говорили и логика, и благородная цель. Однако, с другой стороны, в воздухе витал душок мародерства.

— Я вас понимаю, — опустил глаза адмирал и тяжело вздохнул. — И времена нынче тяжелые, и государство не в состоянии достойно позаботиться о семьях погибших, и аппаратура эта вроде как ничья... Но не могу я хлопотать перед руководством группировки войск о таких вещах. Нельзя нам терять лицо из-за мелочей... Да и горечь потери вы семьям «видиками» не подсластите...

Смушение генерала передалось и морпехам, поскольку и без начальства знали обо всех аргументах «за» и «против» переправки трофеев на большую землю. Они замяли разговор и больше к нему не возвращались.

Не знаю, чем закончилась эта история, какая точка зрения взяла верх. Не исключено, что балтийцы сумели объегорить комендатуру и доставить аппаратуру семьям погибших. Возможно,

кому-то это помогло в жизни. Все может быть. Однако важно другое: отношение к захваченным на войне материальным ценностям. Проблема эта имеет не только моральный аспект.

ТРАДИЦИОННЫЙ ПОДХОД

Наверное, один из самых сложных вопросов на всякой войне: что считать трофеями? Бесспорно только то, что трофеи во все времена были материальным символом победы. И речь пойдет именно о материальных вещах, что принципиально важно. Потому что были и есть трофеи совершенно другого порядка: пленные (рабы, заложники и т.п.), отрезанные головы (уши, руки) неприятеля, снятые скальпы, вырванные золотые зубы... В общем, тема человека как трофея требует отдельного, особого разговора. Речь сейчас — о предметах абсолютно неодушевленных, к анатомии никак не относящихся.

Хотя были удивительные случаи, которые затрудняют классификацию военной добычи. Мой приятель Андрей Развин (в Афганистане мы были лейтенантами и служили вместе) после боя с душманами откровенно растерялся, когда не смог забрать карабин у одного из убитых. Оружие моджахеда было приковано к стальной цепи, а цепь... уходила прямо внутрь тела противника. Оказалось, что крепление состояло из металлического кольца, надетого на ребро душмана и вросшего, как пуля, в тело ветерана. Фактически оружие являлось частью живого (некогда) человека. Пришлось нашим ребятам разрезать бок моджахеду и ковыряться в его ребрах, чтобы снять цепь с оружием.

Конечно, случай этот уникальный и принципиально классификацию трофеев на одушевленные и неодушевленные не нарушает.

И еще следует оговориться: при всем уважении к вегетарианцам, сторонникам «Гринписа» и т.п. вынужден к трофеям неодушевленным отнести и домашний скот. Увы, на войне эта добыча считается обычной, традиционной, а иногда даже крайне необходимой. Без нее порой просто не выжить. Домашний скот — это транспорт и еда. А транспорт, еда и оружие (включая боеприпасы) — во все времена, на всех войнах были ценностью, подлежащей обязательной реквизиции. Без транспорта, еды и оружия армия не существует. Не существует даже отдельного солдата, если у него нет этих элементов жизнедеятельности.

Есть еще масса других важных вещей: теплая одежда — если зима и мороз, вода — если война в пустыне, сапоги — если

армия бедна и разута (вспомните Яшку-артиллериста из фильма «Свадьба в Малиновке», который со старосты сапоги снимал) и т.д. и т.п. Но это уже специфика. В главном же трофеи во все века почти одинаковы. Разница только в качестве вещей. Если при древних греках и египтянах у врага забирали лошадей и верблюдов, хлеб и вино, мечи и копья, то теперь вместо коня забирают автомобиль, вместо меча — автомат, вместо лепешки — консервы.

Поскольку принцип этот ведом всем воюющим, то трофеи становятся средством вооруженной борьбы. Недавно в Буйнакском военном госпитале умер российский солдат. Его сразила не бандитская пуля, а отравленная лепешка, которую несчастный нашел на захваченной в горах базе террористов. Не дождавшись родной полевой кухни, солдат закусил роковым боевым трофеем. Дай Бог, чтобы это послужило уроком всем остальным. Потому что накачивать ядом бандиты стали все — от водки до хлеба.

Еще один способ трофейной войны — минирование техники и оружия. Применяться он стал еще во Вторую мировую войну. Особенно любим был афганскими моджахедами в действиях против Советской Армии. Широко распространялся в первую чеченскую войну и невероятного размаха достиг во вторую. Бандиты знают, что мимо брошенного врагом автомата или автомобиля наш солдат не пройдет. Впрочем, объектом минирования может быть все, что вызывает интерес, вплоть до пачки сигарет.

Хотя бы ввиду этих последних обстоятельств Российской армии в Чечне стоит пересмотреть традиционный взгляд на трофеи и умерить хватательные движения — не торопиться брать у неприятеля все, что под руку попадется.

ВРЕМЕНА И НРАВЫ

При Сталине, в Великую Отечественную, четко знали — что есть трофеи и как с ними быть. Существовали даже трофейные команды, которые шли за наступающими войсками и подбирали все, что следовало подбирать: оружие, боеприпасы, снаряжение, награды, знамена... На этот счет существовали четкие инструкции. Собранный «военный урожай» сортировали, отправляли на склады. Кое-что из собранного на полях сражений можно сейчас в музеях посмотреть.

Однако закончилась Великая Отечественная, исчезли и трофейные команды. Начались новые войны, а новых трофейных команд не возникло. А потому захваченное у неприятеля иму-

щество растекалось по армейским сусекам, каптеркам да чемоданам. Часть трофеев вылавливала потом таможня в Тузельском аэропорту (Ташкент), куда прибывали самолеты из Афганистана. Это было в основном оружие. Часть всплыла в ходе различных правонарушений и преступлений. Такая же картина была после первой чеченской войны, после других вооруженных конфликтов на Кавказе.

Трофеями, как уже говорилось, принято считать не только оружие. Транспорт, например. Помню, в Абхазии в 1993 году мне предлагали почти за бесценок на выбор несколько автомобилей в прекрасном состоянии.

— Только когда будешь въезжать в Россию — внимательней на таможене. Машины трофейные. Могут числиться в угоне...

В общем, где трофей, а где воровство — не разберешь. По поводу этой путаницы понятий вспоминается любопытный случай периода афганской войны.

В гератском 101-м полку служил замполитом разведроты старший лейтенант Н. Красавец и умница, он пользовался всеобщей любовью и уважением. Была мысль представить его к званию Героя Советского Союза. Но передумали. И вот почему: у особиста возникли претензии. Дескать, офицер этот — человек подозрительный, всегда при больших деньгах, всех водкой щедро угощает, связан с дуканщиками в торговых рядах Герата... В общем, как у Высоцкого: «Но особист Суэтин, неутомимый наш, еще тогда заметил и взял на карандаш...»

А суть дела такова. Разведрота полка регулярно захватывала душманские караваны. Понятное дело, оружие и наркотики разведчики сдавали начальству и тому же особисту честно — до пистолета, до грамма, а вот остальное имущество оставляли себе. А было там все — и деньги, и контрабандный товар... Трофеи, одним словом. Так вот — большую часть этих трофеев старший лейтенант сдавал дуканщикам, а вырученные деньги тратил на подкуп информаторов из числа местных жителей. Они ему и сообщали о планах душманов, о грузах караванов, о маршрутах движения и охране.

Результативность боевых выходов разведроты была поразительная. 80 процентов военных успехов полка (который в 1984 году был признан лучшим в Вооруженных Силах и получил вымпел от министра обороны СССР) составляла деятельность полковых разведчиков. Захваченные у противника трофеи, умело использованные, постоянно давали фронтовые дивиденды. Лю-

бопытно, что дело это закрутил не командир разведроты, а его замполит.

Жаль, что старший лейтенант, попавший на карандаш к особисту, так и не стал Героем. Еще жальче, что после его замены сошли на нет боевые успехи полка. И уж совсем плохо, что трофеи потеряли свое значение как средство для достижения новых побед.

Этот гератский случай, наверное, и сейчас трудно оценить безошибочно. Особенно с точки зрения примера для подражания.

— А где гарантия, что к рукам офицеров не прилипли трофейные деньги?! — вопрошал особист.

«А действительно?» — спросит любой из нас. Этак каждый офицер начнет трофеями торговать и зарабатывать непонятно на какие цели!

В старину все было проще. Срубил в атаке вражеского всадника — его дорогое, золотом шитое седло — себе под задницу; перстень драгоценный — на свой палец; саблю с рукояткой в «камнях» — себе на пояс и так далее. Если армия возвращается из похода с огромным и богатым обозом — значит, победили. Все было ясно как божий день. Военные успехи имели материальный эквивалент.

Собственно говоря, даже войны затевались нередко исключительно из-за добычи. Например, древнегреческий историк Геродот упоминает случай, когда лидийский мудрец Санданис отговаривал своего царя Креза идти войной на персов только лишь по той причине, что персы бедны и у них нечего забрать в случае победы.

Материальный фактор и сейчас не последний. Например, Ирак напал на Кувейт исключительно из-за богатства соседей. Если иметь в виду исторический масштаб, эта война — совсем свежая.

Американцы и англичане во Второй мировой просто озолотились. Только Россия (СССР) всегда воевала без выгоды, в ущерб себе. Мы и от немецких репараций отказались в пользу Польши в 1945 году. Привыкла Европа к нашему голопузому бескорыстию.

Однако времена изменились, изменился характер войн, нуждаются в корректировке оценки военной добычи. Если раньше, при Ермолове, русский офицер с гордостью носил трофейную бурку с убитого абрека, то нынче неприлично как-то с чужой головы папаху носить. Сам забыть не могу, как мать «приватизированными» в Герате джинсами пристыдила до кожного зуда. «Чужое добро счастья не приносит» — говорят в народе.

Однако времена хоть и меняются, кое-что в законах войны остается неизменным. Например, необходимость лишать неприятеля средств и орудий для ведения вооруженной борьбы. Все остальное — мародерство. И хотя термин этот касался когда-то только личного имущества павших в бою, теперь он распространяется на всякие материальные ценности в зоне боевых действий. Присваивать себе чужой скарб, не относящийся к военной сфере, — дурной тон. Но что именно относится, а что нет — сразу не разберешь. Мутное это дело — различить мародерство от захвата трофеев. Не все знают отличительные признаки. Попробуй оцени кухонный нож — это посуда или оружие? Когда как...

TERRA INCOGNITA

В Чечне не все воюющие с обеих сторон знают «трофейные законы». Чего они еще не знают? Как ни странно, они не знают, на какой территории действуют. А это принципиально важно во всякой войне: кто на чьей земле воюет. «Дома и родные стены помогают» — гласит пословица. И это правда. Потому что отношение местного населения к противоборствующим сторонам зачастую определяет исход вооруженной борьбы. Это бесспорно. Даже если земля, скажем так, ничейная. Так было в Болгарии в конце XIX века, где русские рубились с турками. Болгары поддержали русских, янычары проиграли. Так было в Европе в 1945 году, когда местное население большинства стран, уставшее от немцев, приветствовало американцев (на Западе) и русских (на Востоке).

Футбольный принцип родного поля сработал даже в Северной Америке во второй половине XVIII века. Прижившиеся в Новом Свете выходцы из Британии выиграли войну против британской же армии, посланной королевой для умиротворения непокорных. Случай в истории удивительный.

Чечня — еще более удивительный феномен. Будучи полтора века в составе России, она за несколько лет успела стать чужой землей для многих солдат и офицеров (особенно молодых) федеральных сил. Не стала она родной и для понаехавших сюда наемников и бандитов. Исключение составляет разве что Хаттаб, который женился на местных женщинах и фактически натурализовался. Но таких, как он, — единицы. Абсолютное же большинство наемников и пришлых со всего света подонков Чечню рассматривают как чужую территорию. Соответственно реквизицию продуктов питания, автомашин, скота, денег и проче-

го добра они рассматривают как взятие трофеев, а не обычный грабеж или мародерство. Полный беспредел они устроили в захваченных районах Дагестана: КамАЗами вывозили награбленное. К огромному сожалению, так же ведут себя и некоторые представители федералов. Чечню они рассматривают так, как наши деды и прадеды Германию в 1945 году.

В Великую Отечественную забрать коня у немецкого бауэра — считалось взять трофей. Трофеями считались фарфоровые статуэтки, картины, аккордеоны, меховые манто и прочее барахло, которое вывозили в своих вещмешках солдаты и в вагонах — генералы. Но никто из красноармейцев не считал трофеем лошадь, реквизированную у крестьянина под Полтавой после изгнания оттуда немцев. А вот в Чечне некоторые федералы отнятое у местного населения имущество оценивают как боевую добычу.

В Грозном недавно многие военные и местные жители наверняка видели «навороченный» «джип», на котором ездят представители МВД в шапках с красной лентой (как у партизан в Гражданскую войну).

Это чтоб наши не спутали издали и не расстреляли «джип», объяснили свой маскарад эти федералы, реквизировавшие автомобиль у кого-то из крутых чеченцев.

В общем, имущество, отнятое у жителей «чужой земли», по привычке называют трофеем. На «своей земле» это называется грабежом.

Федеральным силам очень повезло, что наемники и расплодившиеся бандиты вели себя как чужаки и захватчики и в Дагестане, и в Чечне. Регулярной добычей «трофеев» они лишили себя поддержки местного населения и сразу начали проигрывать войну. Колонистов (как в Северной Америке 250 лет назад) из них не получилось. Российская армия и другие силовые ведомства не должны повторять их ошибку, иначе лишатся преимуществ «родного поля», которое пока срабатывает. Как ни странно кому-то покажется, но именно отношение к трофеям определяет, на каком поле играет команда.

Принцип этот был опробован, кстати, не так давно — в 1992 году в Пригородном районе Северной Осетии во время осетино-ингушского вооруженного конфликта. Приехавшие помогать братьям-северянам бороться с «ингушскими экстремистами» выходцы из Южной Осетии КамАЗами вывозили имущество из ингушских дворов. Фактически шел повальный грабеж.

Этого не делали местные жители, пусть и конфликтовавшие с иноплеменниками. Например, народное ополчение во главе с Бибо Дзучевым даже расстрельными приказами не могло остановить беспредел южан, для которых ингушские села были вражеской территорией и соответственно — источником трофеев. Требований Бибо Дзучева они не понимали. Причина непонимания проста: ополченцы Дзучева действовали на своей земле, куда мирные жители-ингуши могли беспрепятственно вернуться со временем. И северяне это знали. Южане (некоторые, не будем всех стричь под одну гребенку), прибывшие из-за Большого Кавказского хребта, равнодушны были к неизбежному соседству соплеменников-северян с ингушами. Пригородный район для них *Terra incognita*. Они приехали воевать «с врагом» и имущество его считали трофеями.

До сих пор не могут улеяться страсти между двумя народами (осетинами и ингушами), в том числе из-за трофейного вопроса, неправильно решенного южанами. А ведь без малого восемь лет прошло! Хотя что говорить о сроках, если свеж еще в памяти Закон о реституции (о возврате Германии художественных ценностей, вывезенных оттуда в СССР сразу после Победы). Больше чем полвека прошло! А копья ломают и в Госдуме России, и на дипломатическом уровне. Даже главы государств эту трофейную проблему обсуждали.

Сколько же будет длиться конфликт в Чечне? Бесконечно, если считать эту землю ничейной, а тем более чужой. С того момента, как все (абсолютно все) федералы будут относиться к ней как к своей, война будет затухать, а со временем и мир воцарится.

Когда в Афганистане наши доблестные войска (кто с голодухи, кто ради экзотического шашлыка) стали воровать овец у чабанов, они даже не предполагали, какую партизанскую войну провоцируют. А ведь при вводе войск афганцы засыпали наши колонны цветами, а не пулями. Через пару лет съеденные бараны аукнулись засадами и минными капканами.

ЗАЧИСТКА СОВЕСТИ

В общем, стоит выяснить, на чьей территории идет война и какое население живет в зоне боевых действий, и сразу меньше путаницы в трактовке трофеев. Еще меньше ее будет в головах личного состава Вооруженных Сил, если идеология армии будет четко сформулирована не только в части понятий — против кого

и за что воюем, но и в этических нормах: как воюем. И нормы эти военный человек должен знать, как христианин десять божьих заповедей: «не убий», «не укради» и т.п.

В марте в районе Катаямы (Грозный) Ваха Хурцаев, который помогал нашей 205-й бригаде брать город, отмечал героизм и бескорыстие российских солдат. Он долго источал похвалы армейцам, а затем вздохнул и высказал сожаление, что весь авторитет федералы растеряют, если представители МВД не избавятся от привычки хватать чужое добро, то есть обирать мирных жителей. Это породит как минимум недовольство населения Чечни. Не дай Бог, вновь дойдет до партизанщины...

Многие местные жители-чеченцы без стеснения говорили нам: — Армейцы уйдут — мы ментов будем мочить: грабят...

Все призывы и разговоры о достойном поведении на подконтрольной территории останутся лишь благими намерениями, если не будет отлаженной системы репрессивных мер против тех военнослужащих, которые путают взятие трофея с грабежом. О каких этических нормах можно говорить, если жители Грозного, пережившие в подвалах все штурмы города, классифицируют федеральные силы на свой манер — по «эшелонам».

Первый «эшелон» преимущественно бьет бандитов и делится с мирными людьми сухарями и консервами (это в основном армия). Второй «эшелон» — делает первую «зачистку», бросает гранаты в подвалы, где зачастую все оставшееся имущество местных жителей, и спрашивает водку (это преимущественно внутренние войска). Третий «эшелон» — делает вторую «зачистку» с большими сумками через плечо и забирает все ценное у тех же местных жителей (это в основном милиция).

Такое «эшелонирование», повторюсь, придумали не я и не штаб группировки федеральных сил. Это терминология мирных людей из грозненских подвалов (в основном русских) — постыдная классификация для многих, кто сейчас находится в Чечне. Позорная. Настолько позорная, что способна очернить все победы федералов в боях с бандитами. Думается, ничего дурного не будет, если на каждой единице военной техники будет несмываемой краской написано: «Грабеж местного населения есть поражение в войне!».

Совсем недавно под Грозным на один из ОМОНов устроили засаду бандиты. Убитых и раненых было много. Аккурат перед колонной ОМОНа проехал кортеж генерала, но его не тронули. И военная молва сразу стала обсуждать причины такой избира-

тельности боевиков — видно, мстили ментам за мародерство среди местного населения. Правду вряд ли кто узнает. Может, так и было, как сообщило «солдатское радио».

Я не забуду, какие грандиозные костры пылали под Гератом в середине 80-х годов после каждой боевой операции нашей дивизии. Пылало награбленное у афганцев нашими солдатами и офицерами добро. Так обычно завершались боевые действия. Войскам, вышедшим из боев и «зачисток», начальство устраивало грандиозный, тотальный шмон. «Трофеи» сваливали в кучу и поджигали. Скверну в душах выжигали. У большинства выжгли.

Было это давно и на чужбине. А тут, в России, я не видел ни одного костра. Может быть, где-то и были. Но в любом случае системы борьбы с «трофейными» настроениями и поступками нет. Обратите внимание, с какими баулами возвращаются домой из Чечни ОМОНЫ и СОБРы, прочие правоохранительные отряды. Похлеще, чем челноки из Турции! Смотреть противно.

Поразительный случай из первой чеченской войны рассказал мне знакомый армейский полковник. На аэродроме в Грозном генерал из МВД отказался взять на свой борт раненых: дескать, нет места. Оказалось, он дорогую трофейную мебель вывозил на большую землю. Вертолет был загружен под завязку ворованным скарбом. Армеец позвал ребят из ОМОНа, и те, оборвав возмущение генерала, вывалили на землю его мебель, а раненых загрузили и отправили в госпиталь. Поразительным в этой истории было именно возмущение «эмвэдэшного» генерала. Нет чтобы стыдиться и глаза прятать, так он омовцев и армейского полковника матом крыл — жалко было мебель. Вот кто в зачистке нуждается. И в этической, и в правовой. С таких не просто погоны срывать надо, но и судить принародно, на глазах у обворованных.

В конце февраля с группой офицеров я побывал во многих домах в Грозном — искали мы частные тюрьмы. Во многих дворах нашли. Любопытно, что мебели, бытовой техники и прочих благ цивилизации в жилищах не было. Будто переехали хозяева. Богатые были, видно, дворы. Да разграблены. Кто разграбил? Те, кто здесь воевал. Жаль, если федералы. Рано или поздно люди вернуться домой и станут выяснять, кто лишил их добра. Если посчитают, что «освободительная армия из России» — нужно готовиться к партизанской войне.

Воровство, как и пьянство, — наше национальное качество. Всегда воровали, везде, на всех уровнях — сверху донизу. Еще

царь Петр своему другу Алексашке Меньшикову в Голландии карманы лично зашил, чтобы не крал. Это символично. Потому что Меньшиков ни в чем не нуждался. Не из корысти крал. Просто натура такая.

В Афганистане, помню, захватили у душманов два мешка с иранскими риалами. Вертолет взлетел в районе боевых действий с двумя мешками, а сел в Шинданде, на нашей базе, уже с одним. Куда мешок денег подевался — никто не знает.

Прекрасно воевал с ваххабитами в Кадарской зоне Дагестана комбриг полковник К. Умело и мужественно вел себя в боях, и врага победил. А искуса нажитья на халяву не победил. Теперь, видно, осудят за мародерство. На мебели опять же погорел герой антитеррористической операции.

Подобных случаев можно описать множество, ибо в грехах мы, как в репьях. Прости нас, Господи! Массовый героизм и мужество солдат и офицеров, саму Победу (великая она или малая) умудряются обгадить непотребным мелким воровством. Недостойно это великой державы и великой армии, недостойно звания лучшего солдата мира, каковым является русский солдат.

Не потому Красная Армия в 1920 году Польше войну проиграла, что тылы оторвались от передовых частей, как это нам историки в школах все время толковали, а потому, что грабеж красноармейцы устроили в тех краях невиданный. Чужая земля — делай что хочешь. И местное население (не только поляки, но даже украинцы) качнулось от идей мировой революции к польской законности и порядку. Мало кто знает, что и после провала польской кампании 1-я Конная армия, уже на Украине, грабила все, что было на ее пути. Один из полков в полном составе пошел под трибунал.

В общем, все в нашей истории было. И слава, и позор, и доблесть, и низость.

Вторая чеченская война, как называют в народе нынешнюю антитеррористическую операцию на Кавказе, имеет все шансы стать славной страницей в истории России и ее Вооруженных Сил. И наверняка станет. Если только не замусолят ее грязные руки «трофейных команд» из третьего «эшелона».

ВОЙНА И МЕТАЛЛОЛОМ

ФРОНТОВОЙ БИЗНЕС

В конце мая 2000 года в Ханкале, под Грозным, судили двух солдат — Е. Арисова и В. Кулемиева. Они продавали местным жителям Чечен-Аула противотанковые управляемые ракеты (ПТУРы) и даже пусковую установку к ним. Офицеры ФСБ вскрыли этот «бизнес», и солдаты получили срок. Любопытно, что за оружие, приблизительная стоимость которого — около 50 тысяч рублей, бойцы выручили неновую автомагнитолу, несколько бутылок водки и 300 рублей.

Я был на суде, а затем наблюдал оглашение приговора. Его зачитывали на плацу перед строем полка. Воров осуждали не только формально. Многие присутствовавшие вполголоса крили матом «бандитских пособников» и их «кровавый бизнес». Однако большинство солдат и офицеров воспринимали юридическое действие спокойно. Среди них, возможно, были те, кто делает на войне более чистые деньги, чем осужденные.

В день суда над Арисовым и Кулемиевым в окрестностях ныне знаменитого села Комсомольского (где в марте громили банду Руслана Гелаева) на блок-посту задержали две чеченские автомашины с 8 тоннами цветного металла. В основном это были снарядные гильзы — «отходы производства» артиллерии федеральных сил. Не исключено, что попались именно те гильзы, которые таинственным образом исчезли из Ханкалы, не дождавшись отправки эшелонам в адрес одного из заводов ВПК на переплавку. Было это еще в апреле.

По этому случаю была попытка завести уголовное дело, но в конце концов продажу пары тонн использованных артиллерийских боеприпасов «не заметили». Не до того. Тут ПТУРы воруют!

Что по сравнению с этим какие-то гильзы?.. В общем, махнули рукой...

А между тем одна снарядная гильза (в качестве цветного металлолома) стоит около ста рублей. Предприимчивые чеченцы выменивают ее у российских солдат на бутылку «паленой» водки, которую можно купить в любом чеченском селе рублей за 10—12. В итоге имеют девятикратный навар. Но и наши люди в группировке федеральных сил тоже не лыком шиты. Иначе трудно объяснить исчезновение целой машины гильз из Ханкалы. Солдату, тем более одиночке, такое вряд ли под силу. И опять же вред ли здесь обошлось товарообменом: гильзы — водка.

Но это уже из области предположений. Уголовное дело ведь развития не получило. А жаль. Потому что только по сводкам временного пресс-центра Объединенной группировки федеральных войск на Северном Кавказе каждую неделю на блок-постах задерживают по две-три машины с цветным металлоломом (имеющим военное происхождение). А сколько еще не задерживают?

Так или иначе, но ясно одно: на отходах военной кампании люди делают деньги. Кто большие, кто маленькие. И все в ущерб государству российскому. Потому что невозможно богатеть просто так, можно только за счет кого-то.

МАСШТАБ

По словам начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения (РАВ) Объединенной группировки федеральных войск (ОГВ) полковника П. Шевченко, все использованные в боях боеприпасы и их укупорка фиксируются, учитываются и должны возвращаться в службу РАВ в виде гильз, деревянных ящиков и т.п. Более того, есть приказ, подписанный начальником штаба ОГВ генерал-майором Тимченко, о сборе и сдаче гильз в службу РАВ. Таков армейский порядок.

К сожалению, отношение отцов-командиров к этому порядку в Чечне наплевательское. Доски от снарядных ящиков уже традиционно идут на «тротуары» внутри гарнизонов, на оборудование палаток и т.п., а значит, пропадает тара для гильз. Их некуда складывать. А раз некуда складывать, то из гильз кто делает декоративные ограды военных объектов, а кто и просто бросает «за ненадобностью». Само собой разумеется, что находятся «рачительные хозяева», которые сбывают их местным жителям.

По словам того же полковника П. Шевченко, на группировке войск сейчас «висит» около 40 тысяч несданных снарядных

гильз. Если гипотетически умножить это число на упомянутые выше 100 рублей (стоимость в пунктах приема цветного металлолома на «большой земле»), то получается 4 миллиона рублей. Приблизительно столько потеряло государство на вторсырье только артиллерии. А ведь есть еще гильзы от стрелкового оружия, стабилизаторы ракет, кабели и различная проводка, аппаратура связи, аккумуляторы и другие богатые цветным металлом объекты с разбитой боевой техникой...

О масштабах хищений частично рассказал полковник Федеральной службы налоговой полиции А. Кулагин, заместитель начальника отдела по борьбе с организованной преступностью в налоговой сфере: только через Ростовскую область за первый квартал 2000 года теневыми бизнесменами было незаконно экспортировано цветного металлолома (в основном из Чечни) на сумму свыше 300 тысяч долларов. Сколько черного металла вывезли — не сосчитать.

Однако в основном вывозят через Краснодарский и Ставропольский края. Какие там фигурируют цифры — можно себе представить. Вывозят поврежденные в боях танки и бронетранспортеры и даже фюзеляжи истребителей!

Например, 24 марта 2000 года на площадке «Орел» в Азовском районе Ростовской области были задержаны три КамАЗа с ингушскими номерами, загруженные цветным металлоломом. У водителей не было соответствующих документов на утилизацию и сбор разбитой боевой техники. Машины следовали из Карабулака (Ингушетия) в ЗАО КПЛ «Мост».

26 марта были обнаружены и изъяты в ООО «Прометей» (Усть-Донецк, Ростовской области) останки боевой техники (в основном цветной металл) из Дагестана. Три КамАЗа с ломом принадлежали жителю Гамияха.

В Усть-Донецком речном порту на площадке, арендуемой «Прометеем», были обнаружены аж четыре танка, разрезанные на части, и артиллерийские снаряды целиком (не гильзы)!

На миллеровском участке ОАО «Втормет» (юридический адрес — в Батайске, Ростовской области) нашлись корпуса трех бронетранспортеров.

Однако всех перещеголяла история с ООО «Арго» (юридический адрес — в Гуково, Ростовской области). Со станции Моздок для «Арго» отправили аж 27 вагонов (!) с металлоломом военного происхождения. Эшелон не арестовали — до сих пор не нашли!

Это только мизерная часть фактов, и только из Ростовской области.

Следует еще подчеркнуть, что весь вышеупомянутый военный металл не сопровождался разрешительными документами Министерства обороны РФ (равно как и МВД РФ). Короче говоря, речь идет фактически о воровстве у государства материальных ценностей на гигантские суммы.

СОВПАДЕНИЯ

Любопытно, что правительственное постановление №351, регламентирующее порядок взимания экспортной пошлины за вывоз из страны металлолома, предписывало Государственному таможенному комитету России с 27 апреля по 20 мая не взимать пошлину с экспорта отходов черного металла («Российская газета» №98 от 23.05.2000 г.). Возникли 23 беспошлинных дня. Не в эту ли дыру канул эшелон из 27 вагонов разбитой военной техники из Моздока? По Северному Кавказу цифр нет, а вот новгородские таможенники огласили, что через их область на Запад ушло 763 тысячи тонн черного металла. Экспортная пошлина составляет 15 евро за тонну. Итого: Россия потеряла почти 11 с половиной миллионов евро только по Новгородской области. А ведь через Ростовскую область и Краснодарский край ушло больше. Тут морские порты — прямой выход в Европу.

Что касается цветного металлолома, то любопытен следующий факт: до сих пор у России нет Государственного перечня стратегического сырья вообще и металлов в частности. Хотя есть 30-процентная пошлина на вывоз цветных металлов. Однако регламентирующий документ составлен столь хитро (или бездарно), что пошлина не взимается со сплавов цветных металлов. Иными словами: будешь отдельно вывозить слиток олова и слиток меди — плати пошлину; сплывишь и то и другое в одну кучу — свободен!

Неудивительно, что при такой правовой базе на рынке металлолома царит беспредел. Дошло до того, что ростовская фирма «Феникс» во главе с Сергеем Алейником собиралась вывезти за рубеж фюзеляж истребителя «МиГ».

Кстати, об Алейнике. Четыре года назад управление ФСБ по Ростовской области возбудило уголовное дело в отношении Сергея Валентиновича за контрабанду через Беларусь в Прибалтику цветных металлов. Увы, до уголовного наказания не дошло.

Оказывается, нет объекта преступления, непонятно — что нарушено, за что сажать!..

Даже малограмотный адвокат может развалить дело, поскольку нет четкого закона, нет Государственного перечня стратегического сырья и металлов. В результате возник парадокс: подельщиков Алейника посадили в Литве и Беларуси, а организатор — Сергей Валентинович — вышел в России сухим из воды!

Судебных перспектив нет и у того дела, которое начато сейчас в отношении Алейника. Промышляет ведь этот делец до сих пор. Недавно на базе его фирмы «Феникс» кроме вышеупомянутого истребителя нашли еще и тонну гильз от 152-мм снарядов. По свидетельству охранников, военное имущество опять было привезено КамАЗами с ингушскими номерами.

На территории Ростовской же области в Матвеево-Курганском районе (рядом с украинской границей) сотрудники ФСНП и МВД обнаружили несколько фермерских хозяйств, принадлежащих выходцам из Ингушетии и Чечни, в которых почти не занимались сельским хозяйством. Но это выяснилось уже потом, после того, как были задержаны КамАЗы (естественно, с ингушскими номерами), загруженные военным металлоломом. Были в кузовах и стволы пулеметов, и цветной лом... А конечным пунктом доставки этого «добра» значились вышеозначенные фермерские хозяйства.

Казалось бы, при чем тут сельское хозяйство? Однако выяснилось, что на фермах (подалеке от людских глаз) были оборудованы мини-заводики по переплавке цветного металлолома и изготовлению слитков сплавов. Именно сплавов — не подпадающих под таможенную пошлину.

Особо следует оговориться, что с недавних пор излюбленным объектом грабежей и краж стали предприятия, располагающие оборудованием по переработке цветных металлов. К примеру, дерзкому нападению в прошлом году подвергся Махачкалинский завод «Стекловолокно». Похищенное имущество оценивалось в 35 миллионов рублей.

Куда же оно девалось? А вот на такие сельхозфермы, как в Матвеево-Курганском районе возле украинской границы. «Донские фермеры» с вайнахским акцентом арендовали заброшенные сельхозугодья не для того, чтобы целину поднимать, а чтобы развернуть производство подалеке от любопытных соседских глаз.

ДИСПЕТЧЕРЫ

Итак, ясно, что на металлоломе (в основном военном) не совсем порядочные люди зарабатывают деньги. Бизнес этот имеет большую географию: истоки его — в Чечне, в районах, где велись и ведутся боевые действия, где есть большие отходы «военного производства». Дельта этой реки — «фирмы» в приграничных районах России, занимающиеся экспортом черного и цветного металла. Что же посередине, между истоком и устьем? По какому руслу идет поток?

Частично на эти вопросы ответ уже просматривался в ингушских номерах КамАЗов, снующих между напичканной отходами войны мятежной республикой и ростовско-краснодарскими конторами «Рогов и копыта».

Непонятно главное — где мозговой центр, где тот Остап Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей (именно так выглядит полное имя великого комбинатора), который организовал добычу денег из военных отходов за спиной государства?

Предположения такие: судя по множеству прямых и косвенных доказательств, по документам (реальным и липовым), главный диспетчер металлического грузопотока из Чечни к портам и границам России — АООТ «Ингушвтормет» (юридический адрес: Ингушетия, станица Орджоникидзевская, ул. Гардакова, 7а). Именно эта организация в обход Министерства обороны и МВД скупала и воровала разбитую боевую технику и использованные боеприпасы, организовывала вывоз всего добытого имущества из Чечни, распределяла грузопотоки по фирмам в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях, получала и выплачивала деньги. «Ингушвтормет», словно паук, сплел такую паутину, что накрыл ею почти весь Юг России. Слегка подергивая за ее ниточки, ИВМ контролировал бизнес от артиллерийского окопа до таможни на границе. И почти все — незаконно.

Когда это стало очевидным прежде всего для Федеральной службы налоговой полиции, в Ингушетию (в местное управление ФСНП) ушел запрос по поводу «Ингушвтормета». Полтора месяца (!) тянуло ингушское управление ФСНП с ответом. В Ростове-на-Дону подумали даже, что в Назрани идет серьезная проверка этого таинственного АООТ ИВМ. Тем не менее позволили себе напомнить коллегам в Ингушетии, чтобы не задерживались с ответом. И ответ в конце концов поступил... в виде короткого телефонного звонка: мы, дескать, с «Ингушвторме-

том» разобрались — во-первых, этого АООТ уже больше не существует («скончалось» пару дней назад!), а во-вторых, оно даже не имело лицензии на работу не только с цветным металлоломом, но даже с черным (!!!).

В общем, убили наповал. То, что после поступления запроса в ингушскую ФСНП «фирма» скоростижно «скончалась», подобно конторе Остапа Бендера, — это ростовчан не удивило. Предполагали. Хотя надеялись на лучшее. Но сообщение о лицензиях повергло всех причастных в шок. Ведь доподлинно было известно, что «Ингушвтормет» не только занимался сбором и реализацией черного и цветного металлолома, но даже сам выдавал лицензии другим (по цене 500 американских долларов за штуку).

На этом, собственно, история с АООТ «Ингушвтормет» заканчивается. Причем гораздо благополучнее, чем история «Рогов и копыт». «Есть фирма, — решили в Назрани, — есть проблема. Нет фирмы — нет проблемы». По версии Ильфа и Петрова, даже при невероятной изворотливости Остапа Ибрагимыча, кто-то все-таки должен был сесть. Иначе читатели не поверят. В нашем же случае не сел никто. Но, думается, читатели поверят.

КТО ВИНОВАТ? ЧТО ДЕЛАТЬ?

Ох эти вечные русские вопросы! Но куда от них денешься. Действительно, как получилось, что Россия и ее Вооруженные Силы, понеся естественные потери техники и боеприпасов при проведении контртеррористической операции, материально страдают «на том же месте» повторно, не сумев должным образом организовать восстановление утраченного? Подорвавшийся на mine танк мало того что не отправляется на военный завод для ремонта, он уходит в качестве металлолома за кордон, а деньги за него оседают в карманах сомнительных дельцов.

Конечно, образ этот утрирован. Потому что далеко не все уходит в заграничную переплавку. По признанию полковника В. Королева (исполняющего обязанности заместителя командующего Объединенной группировкой федеральных войск на Северном Кавказе по вооружению), эвакуация и восстановление разбитой армейской техники идет на должном уровне. Если же, мол, часть боевых машин и «всплывает» на таможнях, то речь прежде всего нужно вести о технике боевиков, о тех танках и БТР, которые были потеряны еще в первую «чеченскую кампанию» и т.п.

Так-то оно так, однако все равно это — или бывшая наша

техника, или ставшая недавно нашей в результате ввода войск в Чечню. Территорию-то республики мы ведь уже контролируем. Стало быть, даже до недавнего времени принадлежавшие террористам машины нынче — наши трофеи. Чего же от них отмахиваться? Все нужно стащить в одно место и препроводить затем до военного завода.

Это о технике. Что же касается гильз и снарядов, то, помнится, еще в курсантские годы (двадцать лет назад) нас заставляли собирать гильзы, рассыпанные по полигону после огневых занятий и учений. Все шло в утиль, ничего не выбрасывалось.

Тот же полковник В. Королев рассказал о своем сослуживце, воевавшем еще в Великую Отечественную — подполковнике в отставке Борисе Моисеевиче Маняке. Пребывал тот в 40—50-е годы в должности старшего офицера службы РАВ механизированного корпуса по гильзам и укупорке. Именно так, хоть и длинно, называлась его должность. Соответственно и обязанности у него были — понукать артиллеристов, чтобы снарядные ящики и гильзы не губили, а сдавали после боя в требуемом количестве. И при отступлениях, и при наступлениях. Хлопотное это было дело, как и все на большой войне. Но, в общем, справлялся Борис Моисеевич. Иначе расстреляли бы за недостачу — гильз ли, ящиков... Хоть обломки досок — но нужно было представить на склад.

При Хрущеве такую должность упразднили. Правда, жесткие требования остались. Увы, в наше время, хоть и заботятся об экономии офицеры отдела боеприпасов службы РАВ, командиры артиллерийских подразделений и частей отходы своего производства на склады не возвращают. И самый красноречивый пример тому — 245-й полк Московского военного округа. За всю вторую чеченскую кампанию ни одной (!) гильзы не сдали. А ведь настрелялись так, что откатники на пушках протекли.

Ну, ничего. С подачи полковника П. Шевченко им все задолженности по боеприпасам в соответствующие аттестаты записали. Полк вернулся в МВО, на зимние квартиры, а долг, как непогашенный вексель, еще даст о себе знать и может некоторых начальников довести до цугундера. И ссылки на нехватку тары не помогут. Поскольку сами же ящики и разломали — то на землянку, то на растопку печи. В результате: «Нет тары, сэр!»

Борис Моисеевич Маняк в 43-м году, услышав такое, потянулся бы к пистолету. А нынче один из начальников группировки (генерал-майор, десантник) официально приказал разламы-

вать снарядные ящики и пускать на обустройство частей и подразделений. У полковника П. Шевченко аж скулы заболели от такой новости. Он прекрасно понимает: не будет ящиков — не будут отгружать гильзы. А в Ханкале на железнодорожной станции уже которую неделю стоит полупустой вагон — ждет заполнения. Конечно, бойцы потихоньку из этого вагона гильзы таскают и меняют на водку. Соответственно и в группировке десантного генерала гильзы уходят агентам «Ингушвтормета» или ему подобных контор.

Однако это проблемы лишь одной стороны многоотраслевого военно-металлического бизнеса. Что касается сбыта товара, то тут без Госдумы не обойтись. Нужно запретить частным фирмам (зачастую — однодневкам) заниматься сбором и реализацией цветных металлов, нужно продуманно сочинить Государственный перечень материалов, не подлежащих разбазариванию кем попало за бесценнок и в обход бюджета. Причем срочно, чтобы не повторялись прорывы границы, как это было с 27 апреля по 20 мая нынешнего года.

«Ингушвтормет» и его поделщики заранее готовились к этому событию. Нет сомнений, что именно ради него в марте и начале апреля они активизировали свою деятельность по сбору металлолома всех цветов. Перехваты автомашин и проверки различных фирм у границы страны показали: отходы войны (и не только) аккумулировались на базах для обвального вывоза за кордон в беспошлинный период.

И, наконец, последнее. Что бы мы ни говорили об упущениях армейцев в Чечне и отсутствии правовой базы для таможенников, налоговиков и других силовых структур, спрут незаконного экспорта металлов не опутал бы Юг России, если бы все силовые структуры здесь действовали согласованно. Разве не понятно, что ни одна ингушская машина с липовыми документами и сомнительным грузом не прошла бы дальше первого блокпоста в Ставрополье, кабы не продажность и беспечность милиции. Благодаря именно этим двум качествам некоторых представителей МВД Басаев со товарищи в первую чеченскую кампанию дошел до Буденновска. Благодаря им же колонны «Ингушвтормета» свободно ходят от Чечни до украинской границы и черноморских портов с гильзами и расчлененными истребителями в кузовах.

Полуподпольный военно-металлический бизнес всплывает на поверхность лишь эпизодически, как правило, уже на заверша-

ющей стадии дела, подобно подлодке, которая выныривает лишь в гавани. Обычно не всегда таможенник даже знает, что вывозимый за кордон сплав — это бывшие гильзы из Чечни с самолетами вперемешку. Информация же об этом бизнесе у каждого ведомства своя, узко очерченная в рамках своей службы: то, что знает гибэдэдэшник — не знает налоговый, то, что известно следователю из МВД — неведомо оперативнику из ФСБ. Нет единого банка данных, нет четкого взаимодействия... А был бы единый центр — межведомственный — налоговый полицейский уже на старте махинаций знал бы от офицера ГИБДД о движении металлоломных фур с фронта за кордон. И соответственно в едином Центре по борьбе с теневым бизнесом остальные специалисты узнали бы от следователя МВД, каким образом оборудование по переработке металла перекочевало с какого-нибудь махачкалинского завода на сельхозферму под Ростов. И не было бы вопросов без ответов.

Увы, пока все по-другому. Пока «рассейское головотяпство» обедняет нас в буквальном смысле на миллионы долларов. Но самое страшное даже не это. Самое страшное, что экономические агенты террористов, делая деньги из «рогов и копыт», финансируют вооруженное сопротивление своих друзей в горных районах Чечни. А значит, та гильза, которую солдат обменяет у местного чеченца на водку, выстрелит в него или его товарищей точно так же, как ПТУР, проданный Арисовым и Кулемиевым в Чечен-Ауле.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Аннинский «Кровавые узлы». Предисловие

Обломок Вавилонской башни

повесть

9

Забывтая мелодия для смерти

повесть

65

Зараза

рассказ

109

ОЧЕРКИ

117

Кадарская зона

119

Война и плен

137

Война и водка

151

Война и наемники

164

Война и награды

171

Война и трофеи

185

Война и металлолом

197

Сергей Тютюнник
Обломок
Вавилонской башни

ПРОЗА
И ПУБЛИЦИСТИКА

Редактор Ю.В.Ильина-Король
Художественный редактор Е.П.Кузнецова

Тютюнник С.
Т98 Обломок Вавилонской башни: Проза и публицистика. —
М. Текст, журнал «Дружба народов», 2000. — 207 с.
ISBN 5-7516-0223-4

Книга военного журналиста, лауреата премии журнала «Дружба народов» за лучшую повесть (1999) Сергея Тютюнника, прошедшего Афганистан и многие «горячие точки» бывшего Советского Союза и сегодняшней России, повествует о современной российской армии, кровавом узле чеченских проблем и извечных метаниях человеческой души.

ББК 66.3(2Рос)31

Лицензия № 063402 от 26.05.99
Подписано в печать 29.08.2000. Формат 60 × 90/16.
Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 12,76. Тираж 3600 экз. Изд. № 314.
Заказ № 1574

Издательство «Текст»
125299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7/1
Тел. (095) 150-04-72
Оптовая и розничная торговля: (095) 156-42-02
Представитель в СПб. и «Книга — почтой»: (812) 311-96-31
Набор и верстка подготовлены журналом «Дружба народов»
121827 Москва Г-69, ул. Воровского, 52
Тел. (095) 291-62-27

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93

Сергей ТЮТЮННИК родился на Украине в 1960 г. Окончил факультет журналистики Львовского военно-политического училища, служил военным корреспондентом, принимал участие в боевых действиях в Афганистане. Писал об осетино-ингушском противостоянии, о событиях в Абхазии и Дагестане, о войне в Чечне. Награжден орденом Мужества и медалью «За отвагу». Сейчас подполковник Сергей Тютюнник работает в газете «Военный вестник Юга России». В 1999 г. стал лауреатом премии журнала «Дружба народов» за лучшую повесть.

ISBN 5-7516-0223-4

9 785751 602239

Сергей Тютюнник. Повесть «Дружба народов»